

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ДАГЕСТАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

На правах рукописи

Мисиева Луиза Ахмедовна

**ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ АВАРСКОГО ЯЗЫКА:
ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ
ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ**

5.9.5 – Русский язык. Языки народов России

Диссертация
на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Научный консультант -
доктор филологических наук,
профессор **Самедов Д.С.**

Махачкала – 2022

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ АВАРСКОГО ЯЗЫКА	18
1.1. Паремиологические единицы аварского языка как этнокультурный феномен: особенности формирования и классификации	18
1.2. Национально-культурная специфика фразеологических единиц в аварском фольклоре.....	46
1.3. Этнокультурные особенности аварских паремиологических единиц, построенных на принципе алогизма	95
1.4. Коды аварской культуры в паремиологических единицах	103
1.5. Особенности символического употребления антропонимов в аварских паремиологических единицах.....	120
Выводы по первой главе.....	124
ГЛАВА 2. ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ И МОРФОЛОГО- СИНТАКСИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА КОМПОНЕНТОВ АВАРСКИХ ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ	128
2.1. Роль антонимических противопоставлений в аварских паремиологических единицах, отражающих внешний и внутренний облик человека.....	128
2.2. Аварские компаративные паремиологические единицы в структурно-семантическом аспекте.....	139
2.3. Морфолого-словообразовательная характеристика компонентов аварских паремиологических единиц, ориентированных на человека.....	148
2.4. Функционально-семантическая характеристика экспрессивно-оценочных существительных в аварских паремиологических единицах, ориентированных на человека.....	155

2.5. Лексический состав и морфолого-синтаксические свойства аварских паремиологических единиц с противительно-уступительными смысловыми отношениями.....	161
2.6. Особенности функционирования деепричастий и причастий в составе аварских паремиологических единиц, ориентированных на человека.....	167
Выводы по второй главе.....	170
ГЛАВА 3. ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ АВАРСКОГО ЯЗЫКА КАК ОТРАЖЕНИЕ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ КАРТИНЫ МИРА: ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКОВОЙ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ.....	173
3.1. Концепт «КІго гьумеральул чи / Двуличный человек» в аварской паремиологической картине мира.....	173
3.2. Концепт «ЧжугІадан / Женщина» в аварской паремиологической картине мира: лингвокультурологический анализ.....	182
3.3. Концепт «ПайдагьечІ / Никчемный человек» в аварской паремиологической картине мира.....	196
3.4. Концепт «Къарумльи / Жадность» в аварской паремиологической картине мира	205
3.5. Концепт «Мискинльи / Бедность» в аварской паремиологической картине мира.....	211
3.6. Концепты «ЦжукІалъи / Трусость» и «ХІинкъи гьечІолъи / Смелость» в аварской паремиологической картине мира.....	219
Выводы по третьей главе.....	227
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	230
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.....	241

ВВЕДЕНИЕ

Диссертация посвящена комплексному многоаспектному исследованию этнолингвистических особенностей формирования и функционирования паремиологических единиц аварского языка. Паремиологические единицы аварского языка как фрагмент национальной языковой картины мира отражают материальную и духовную культуру аварского этноса, его историческое прошлое, отношение людей друг к другу и к различным жизненным ситуациям, представления о справедливости-несправедливости, добре-зле, правде и неправде, об истинных и мнимых ценностях, морали и нравственности и т.д. В целом в этих единицах отражается менталитет аварского народа.

В широком понимании термина «паремиологические единицы» фразеологизмы нами включаются в состав паремий, в связи с чем в дальнейшем в диссертации в основном используется понятие «паремиологическая единица» (пословицы, поговорки и фразеологические единицы). Фразеологические единицы нами понимаются как сверхсловные, воспроизводимые и общеупотребительные структуры, как вторичные образные номинации реалий окружающей действительности.

Степень разработанности проблемы. По проблематике данной работы изданы научные работы, в которых затрагиваются различные проблемы лексического состава, структурно-грамматической организации и лингвокультурологических свойств фразеологических и паремиологических единиц дагестанских языков. Это научные статьи, монографии, кандидатские и отдельные докторские диссертации, выполненные на материале дагестанских языков, в которых поднимаются вопросы, имеющие прямое или косвенное отношение к тематике нашего диссертационного исследования. В подавляющем большинстве это работы по фразеологии дагестанских языков,

а также исследования, посвященные анализу в разных аспектах паремиологических единиц.

В работах по дагестанской фразеологии поднимаются различные вопросы структурно-грамматической, лексико-семантической организации, числовой символики и национально-культурной специфики компаративных и некомпаративных фразеологических единиц разных дагестанских языков: даргинского [Исаев, 1988, 1989, 1991, 1996], агульского [Гасанова, 2000, 2004, 2016], аварского [Абдулаева, 2005; Абдуразакова, 2014; Магомедова П.А., 2006; Абдуразакова, Самедов, 2009; Алиханова, 2011а, 2011б, 2011с, 2011д, 2011е, 2014, 2017; Довлетмурзаева, 2010, 2011], лакского [Гаджиева, 2005; Магадова, 2011, 2012а, 2012б, 2014; Рамазанова З.М., 2016; Рамазанова У.К., 2010а, 2010б, 2011а], андийского [Харчиева, 2011, 2012; Магомедова П.Г., 1998], табасаранского [Казимагомедова, 2011] и т.д.

В ряде статей, выполненных на фразеологическом материале генетически родственных дагестанских и неродственных языков поднимаются вопросы исследования фразеологических и паремиологических единиц в собственно лингвистическом и лингвокультурологическом аспектах [Гаджихмедов, 2004, 2006, 2012; Самедов, 2006, 2008, 2010а, 2010б, 2010с, 2011; Казимагомедова, 2010, 2012, 2013а, 2014; Казиханова, 2008; Курбанисмаилова, 2012; Шахманова, 2006а, 2006б, 2008а, 2008б] и т.д.

В научных трудах по дагестанским языкам поднимаются также вопросы лингвистического и лингвокультурологического исследования фразеологических и паремиологических единиц аварского [Магомедова А.Н., 2012а, 2012б, 2013, 2016], арчинского [Магдилова, 2004, 2014], табасаранского [Гасанова, 2011, 2012а, 2012б, 2012с, 2012д, 2012е, 2013, 2015, 2016], лезгинского [Буржумова, 2011], лакского [Каллаева, 2011] или разных дагестанских языков [Маллаева, 2010; Гайдарова, 2010; Муртузалиева, 2010]. Отдельные исследования по паремиологии носят сопоставительно-типологический характер [Исаева, 2015, 2017].

Защищенные диссертации в основном посвящены проблемам исследования фразеологических единиц в лингвистическом и лингвокультурологическом аспектах: Абдуразакова З.Г. «Компаративные фразеологические и паремиологические единицы в аварском и русском языках» (2014), Гаджиева С.Г. «Структурно-семантические особенности компаративных фразеологических единиц лакского языка» (1995), Гасанова С.Н. «Сравнительный анализ соматических фразеологических единиц восточнолезгинских языков» (1992), Дибирова А.С. «Метафорическая фразеология аварского языка в сопоставлении с английской» (2006), Идрисова Н.П. «Фразеологические единицы со значением качественной характеристики человека в аварском и английском языках» (2007), Исаев М.-Ш.А. «Структурная организация и семантика фразеологических единиц даргинского языка» (1996), Кураева М.Н. «Соматическая фразеология каратинского языка» (1998), Магадова С.Ц. «Концепт «человек» в зеркале лакских фразеологических единиц» (2017), Магомедова М.М. «Сопоставительное исследование гендерной лексики и фразеологии лезгинского и русского языков» (2006), Мусаева П.Г. «Фразеологические и паремиологические единицы с компонентом-зоонимом лакского и английского языков» (2008), Пайзулаева З.Х. «Компаративные фразеологические единицы аварского и английского языков» (2010), Рамазанова М.Ш. «Фразеология аварских народных сказок» (2009), Рамазанова У.К. «Концепты «эмоции» и «интеллект» в лакской и русской фразеологии» (2012), Самедов М.Д. «Фразеологические единицы, обозначающие эмоциональные и интеллектуальные состояния человека в английском и арчинском языках» (2006), Хангереев М.-Б. Д.-Г. «Сравнительный анализ соматических фразеологических единиц аваро-андийских языков» (1993).

Особую значимость для решения проблем нашего исследования представляют диссертации, выполненные на материале паремиологических единиц дагестанских языков: докторская диссертация Гасановой М.А.

«Табасаранские пословицы и поговорки: лингвистический и лингвокультурологический аспекты» (2015), кандидатская диссертация Исаевой Э.М. «Вербализация концепта «Любовь к «противоположному полу» в паремиологических единицах: на материале аварского, русского и английского языков» (2019), кандидатские диссертации Абдулаевой Р.Н. «Идейно-тематическое и художественное своеобразие аварских пословиц, поговорок и загадок» (2005) и Гасановой Ф.Д. «Пословицы и поговорки лезгин в сравнении с паремиями азербайджанцев» (2006).

Вместе с тем, несмотря на многочисленные работы по исследованию фразеологии дагестанских языков, до конца нерешёнными остаются вопросы теоретического и методологического характера, связанных с выявлением и описанием этнолингвистических и когнитивных особенностей функционирования паремиологических единиц аварского языка. Таким образом, значимым в научно-теоретическом и прикладном аспектах для дальнейшего развития кавказских языков представляется исследование паремиологических единиц отдельных дагестанских языков (письменных и особенно бесписьменных).

Актуальность темы исследования определяется важностью изучения аварских паремиологических единиц с учетом их лексико-семантических, морфологических, структурно-грамматических (синтаксических) и лингвокультурологических признаков. В связи с этим достаточно большой объем антропоцентрических паремиологических единиц аварского языка вводится в научный оборот в нашей работе впервые. Ряд паремиологических образов носит национально-уникальный характер (особенно образы, построенные на основе принципа алогизма), в связи с чем имеется возможность оценить обобщенно-образные результаты осмысления и исторической интерпретации носителями аварского языка фрагментов материальной и духовной жизни народа; того, каким должен быть человек и как он должен относиться к окружающим. Весь корпус исследуемого материала имеет отношение к идее антропоцентризма в языке, к «следам»,

которые оставил человек в паремиологических единицах, что способствует расширению наших представлений об эмоционально-психических, интеллектуальных, морально-нравственных, общечеловеческих и ментально обусловленных составляющих человека, а также в целом об образе человека в языке и культуре.

Объектом исследования диссертации являются разноструктурные этномаркированные паремиологические единицы аварского языка, репрезентирующие образ человека.

Предмет исследования – языковые компоненты, репрезентирующие этнолингвистические особенности функционирования антропоцентрических паремиологических единиц аварского языка.

Материал для проведения диссертационного исследования был собран из фразеологических и паремиологических словарей аварского языка: Алиханов З. «Сборник пословиц, поговорок и загадок аварского народа» (1963), Алиханов З. «Аварские пословицы и поговорки» (1972), Алиханов З., Алиханов С. «Аварские пословицы и поговорки» (2012), Магомедханов М.М. «Фразеологический словарь аварского языка» (1980), Магомедханов М.М. «Аварско-русский фразеологический словарь» (1983), Магомедханов М.М. «Немецко-русско-аварский фразеологический словарь» (1992), Магомедханов М.М. «Аварско-русский фразеологический словарь» (1993), Хайбулаев М., Хайбулаева М. «Аварско-русский словарь соматических фразеологизмов» (2004); из двуязычных аварско-русских и русско-аварских словарей: Саидов М.-С., Микаилов Ш.И. «Русско-аварский словарь» (1951), Саидов М.-С. «Аварско-русский словарь» (1967), Исаков И.А., Хайбулаев М.-Р. «Русско-аварский словарь» (1992), «Русско-аварский словарь» под ред. С.З. Алиханова (2003); из словарей фразеологии и устойчивых выражений отдельных аварских писателей и поэтов: Хайбулаев М.Х. «Фразеология в поэзии Гамзата Цадасы» (2006), Магомедханов М.М. «Словарь устойчивых словосочетаний языка Расула Гамзатова» (2012); из аварских народных сказок, народных песен, историко-героических песен и баллад: «Аварские

народные сказки» / сост. М. Саидов (1965), «Аварские народные сказки» / сост. Муртазалиев М.М. (1958), «Аварские народные сказки» / сост. А. Абдурахманов, М. Халидова (1990), «Аварские народные сказки (сто лучших аварских сказок)» / сост. Д.М. Атаев (1998), «Аварские народные песни» / сост. Хайбулаев С.М., Гимбатов М.-К. (2001), «Героические песни и баллады аварцев. Тексты. Переводы. Комментарии» / под общей ред. акад. Г.Г.Гамзатова (2003); из словаря аварских благопожеланий и проклятий: Магомедсалихов Х.Г. «Благопожелания и проклятия аварцев. Тексты. Переводы. Проклятия» (2007), а также из произведений аварской художественной литературы. В случаях необходимости сопоставительного анализа фразеологических единиц используется также материал словарей по русской фразеологии: Фелицына В.П., Мокиенко В.М. «Русские фразеологизмы: лингвострановедческий словарь» / под ред. Е.М. Верещагина и В.Г. Костомарова (1990). «Большой фразеологический словарь русского языка» / отв. редактор В.Н. Телия (2006). Всего для сбора материала использовано 25 источников [см. список источников].

Гипотеза исследования. Паремиологические единицы аварского языка обладают рядом специфических лексико-семантических, морфолого-синтаксических, национально-культурных, прагматических признаков и являют собой этнокультурный феномен языка, дающий представление об универсальных и специфических признаках аварской национальной языковой (фразеологической и паремиологической) картины мира, отражающей менталитет, историческое прошлое, духовную и материальную культуру, морально-нравственные и эмоционально-интеллектуальные ценности, отношение к человеку и к самому себе носителей аварского языка как одного из генетически родственных дагестанских языков.

Цель работы заключается в изучении и описании лингвокультурологических и когнитивных особенностей формирования и функционирования антропоцентрических паремиологических единиц аварского языка.

Задачи диссертации определяются поставленной целью и сводятся к следующему:

- 1) определить основные теоретические проблемы исследования паремиологических единиц аварского языка;
- 2) выявить и описать лексико-семантические и морфолого-синтаксические признаки компонентов аварских антропоцентрических паремиологических единиц;
- 3) проанализировать аварские антропоцентрические паремиологические единицы с религиозным кодом культуры;
- 4) определить и описать роль языковой символики в гендерно-маркированных фразеологических и паремиологических единицах в контексте их национально-культурных компонентов;
- 5) дать морфолого-словообразовательную характеристику компонентов аварских антропоцентрических паремиологических единиц;
- 6) раскрыть функционально-семантическую роль экспрессивно-оценочных существительных в аварских антропоцентрических паремиологических единицах;
- 7) описать аварскую концептуальную картину мира через призму антропоцентрических паремиологических единиц;
- 8) определить типологически общие и национально-культурные особенности аварских паремиологических единиц и формируемых ими образов в рамках антропоцентрической парадигмы.

Методы исследования. Поскольку в диссертации фразеологические и паремиологические единицы рассматриваются в лингвистическом и лингвокультурологическом аспектах, то здесь используется комплексная методика исследования. Реализация поставленных задач в связи с этим осуществлялась *следующими методами*: а) описательный метод, б) сопоставительный метод (при частичном сравнительно-сопоставительном анализе аварских гендерных фразеологизмов и паремий с аналогичным материалом других языков), в) метод компонентного анализа единиц языка,

г) методы и приемы лингвокультурологии (при концептуальном анализе аварских гендерных фразеологизмов и паремий для характеристики их национально-культурных компонентов), д) методы когнитивной лингвистики (при причинном обосновании внутренних образов фразеологических и паремиологических единиц).

Теоретико-методологической основой исследования послужили концепции и научные положения, разработанные в рамках следующих научных направлений: этнолингвистики и фразеологии, лингвокультурологии и когнитивной лингвистики, дагестанской фразеологии и паремиологии (Н.Ф. Алефиренко (2009), Ю.Д. Апресяна (1995), Н.Д. Арутюновой (1998), З.Х. Бижевой (2000), А. Вежбицкой (1996), Н.Н. Велецкой (1978), Е.М. Верещагина, В.Г. Костомарова (1982), В.В.Виноградова (1977), С.Г. Воркачева (2007), В.В. Воробьева (2008), Н.У. Вороковой (2003), В.Г. Гака (1999), С.Н. Гасановой (2000), М.А. Гасановой (2015), А.И. Геляевой (2002), А.Г. Гюльмагомедова (1990), Ю.Н. Емельянова (1992), М.-Ш.А. Исаева (1996), В.И. Карасика (2002), М.М. Магомедханова (1972), В.А. Масловой (2004), А.М. Мелерович (2008), В.М. Мокиенко (1989), А.Ф. Назаревич (1997), Т.Г. Никитиной (1998), Г.Л. Пермькова (1988), З.Д. Поповой (1999), А.Н. Приходько (2008), Т.Б. Радбиля (2010), Л.Б. Савенковой (2002), Д.С. Самедова (2010), Ю.П. Солодуба (1985), В.Н. Телия (1996), Н.И. Толстого (1995), А.Д. Шмелева (2002), Е.С. Яковлевой (1994), А. Wierzbicka (1992) и др.).

Научная новизна диссертационного исследования заключается в том, что в диссертации впервые в системно-комплексном плане анализируются антропоцентрические паремиологические единицы аварского языка в лингвокультурологическом и когнитивном аспектах. В диссертационной работе впервые рассматриваются лексико-семантические, морфолого-синтаксические характеристики и национально-культурные признаки компонентов паремиологических единиц в произведениях художественной литературы, а также в текстах разных жанров аварского фольклора (сказках,

народных песнях, в том числе в историко-героических песнях и балладах). Впервые также проводится концептуальный анализ паремиологических единиц, дающий возможность выявить и описать их гендерные особенности, языковую символику и национально-культурные компоненты, характеризующие менталитет носителей аварского языка как одного из представителей генетически родственных дагестанских языков.

Поскольку часть характеризуемых фразеологических и паремиологических единиц аварского языка носит компаративный характер, то в диссертации впервые рассматриваются особенности образно-ассоциативного осмысления ситуаций, связанных с этнокультурно обусловленными свойствами, поведением и деятельностью человека; соответственно характеризуются национально-культурная языковая символика, образы и стереотипы.

Научная новизна диссертации заключается также в том, что при концептуальном анализе паремиологических единиц аварского языка выявляются и анализируются различные коды культуры, с которыми соотносятся компоненты фразеологических и паремиологических единиц, а также языковые средства их формирования. Проведенный в диссертации системно-комплексный анализ паремиологических единиц аварского языка позволил раскрыть и описать лингвистические, лингвокультурологические, прагматические, а также когнитивные основания формирования культурно значимого фрагмента аварской языковой картины мира.

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что оно может способствовать дальнейшему развитию фразеологии и паремиологии дагестанских языков, формированию принципов и механизмов лингвокультурологического анализа паремиологических единиц как культурно значимых единиц аварского и других генетически родственных дагестанских языков. Полученные результаты расширяют и углубляют представления о фразеологических и паремиологических единицах как средствах отражения национально-культурных аспектов языка, о специфике

исторического осмысления в сознании носителей языка семантики исследуемых единиц. Полученные в диссертации результаты могут служить основой для более широких типологических обобщений с привлечением материала других родственных дагестанских и неродственных (например, русского) языков, что будет иметь научно-теоретическое и прикладное значение.

Лексико-семантический и концептуальный анализ гендерных фразеологических и паремиологических единиц аварского языка расширяют базу научно-теоретических сведений об особенностях образно-эмоционального и интеллектуального восприятия и осмысления окружающего мира носителями языка. Выявленные в диссертационном исследовании механизмы и закономерности паремиологической концептуализации национально-культурных доминант могут быть использованы для соответствующей системно-комплексной характеристики фразеологизмов и паремий дагестанских (как письменных, так и бесписьменных) языков в целом для выявления и описания как общих в историко-этимологическом плане, так и специфических для каждого языка признаков.

Практическая ценность. Материал и результаты исследования могут быть использованы в теоретических курсах по дагестанской (аварской) фразеологии и паремиологии, фразеографии, аварской лексикологии и грамматики (в связи с характеристикой лексико-семантического и грамматического состава рассматриваемых в диссертации фразеологизмов и паремий), лингвоконцептологии, межкультурной коммуникации, гендерной лингвистике, страноведению; на практических занятиях, спецкурсах, спецсеминарах по дагестанской и аварской фразеологии и паремиологии; при составлении учебных словарей фразеологических и паремиологических единиц с соответствующими лингвокультурологическими комментариями. Полученные результаты могут быть использованы в практике перевода, составлении двуязычных аварско-русских словарей пословиц и поговорок

(изданные словари аварских пословиц и поговорок отражают только аварские варианты паремий), а также при составлении (в перспективе) лингвокультурологического словаря «Образ человека в зеркале аварских фразеологических и паремиологических единиц».

Положения, выносимые на защиту:

1. Национально-культурная специфика аварских антропоцентрических паремиологических единиц определяется спецификой национальных имен собственных (исходные ситуации, связанные с лицами, обозначаемыми этими именами, легли в основу соответствующих переосмысленных национально-культурных образов); названиями населенных пунктов, рек, топонимов, этнонимов, номинаций исторических событий, традиций и жизненных ситуаций, произошедших с участием лиц мужского или женского пола, а также лексическими единицами, которые номинируют эстетически значимые качества предметов и животных (средства уподобления человека объектам внешнего предметного мира); отражением в соответствующих образах исторических иерархических общественных отношений; гендерной спецификой образов.

2. Часть аварских гендерных паремиологических единиц соотносится с религиозным кодом культуры и имеет оценочный характер, усиливаемый использованием лексических, морфологических и синтаксических средств (наименований лиц, культовых предметов, молитв, ритуалов, обрядовых действий, связанных с исламской символикой, а также различных фразеологизированных выражений оценочного характера).

3. Признак алогизма в паремиях и фразеологизмах формируется различными языковыми средствами – семантически несовместимыми словами, антонимическими противопоставлениями узуального и контекстуального характера, средствами гиперболизации, выполняющими усилительные функции.

4. Антропонимы в паремиях носят экспрессивно-оценочный характер и формируют соответственно антропный код культуры, усиливаемый оценочно-компаративным характером паремиологического образа.

5. Специфика лексико-семантического состава аварских паремиологических единиц и особенности их морфолого-синтаксической организации обусловлена наличием антонимических противопоставлений символического характера; эмотивный характер паремиологических образов формируется метафорическим употреблением существительных, соотносительных с разными кодами культуры, их символической интерпретацией, а также символизацией собственных имен, исторически связанных с конкретными ситуациями.

6. Концептуальный анализ аварских антропоцентрических паремиологических единиц, свидетельствует о специфичности и уникальности ряда лексико-семантических, лексико-синтаксических и морфологических языковых средств, а также национально-культурной природе этномаркированных паремиологических образов.

7. Важное место языковой символики в гендерно маркированных фразеологических и паремиологических единицах аварского языка в контексте их национально-культурных компонентов обусловлено ролью женщины как носительницы социокультурных стереотипов аварского народа

Апробация работы. Основные положения диссертации обсуждались на заседаниях кафедры теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета Дагестанского государственного университета.

Результаты проведенного исследования докладывались на различных международных, всероссийских, региональных и межвузовских научных и научно-практических конференциях: на Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Актуальные проблемы лингвистики и языкового образования», посвященной 60-летию факультета иностранных языков Дагестанского государственного университета (Махачкала, 21 ноября 2013 г.), III Международной конференции «Научные

исследования в сфере общественных наук: Вызовы нового времени» (Екатеринбург, 2014 г.), Всероссийской научно-практической конференции «Наука и молодежь: факторы становления инновационного общества» (ноябрь 2014г.), I Всероссийской научно-практической конференции «Молодые ученые – инициаторы новых подходов в образовании и науке: взаимодействие языков и культур в свете инновационных образовательных технологий» (Махачкала, 2015), II Всероссийской научно-практической конференции «Молодые ученые – инициаторы новых подходов в образовании и науке: взаимодействие языков и культур в свете инновационных образовательных технологий», посвященной 85-летию Дагестанского государственного университета (Махачкала, март 2016 г.), XIII Всероссийской научно-практической конференции «Проблема жанра в филологии» (Махачкала, 2017, 2021 гг.), Международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы изучения кавказских языков» (Махачкала, 2017 г.), Всероссийской научной конференции «Гамзатовские чтения – 2018» (Махачкала, 4-5 сентября 2018 г.), VI Всероссийской научно-практической конференции «Актуальные проблемы лингвистики и языкового образования», посвященной 65-летию факультета иностранных языков Дагестанского государственного университета (Махачкала, ноябрь 2018г.), Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием) «Языки коренных народов Кавказа – важный фактор устойчивого развития, построения мира и примирения» (Кизляр 2019 г.), IV Всероссийской научно-практической конференции «Молодые ученые – инициаторы новых подходов в науке и образовании: взаимодействие языков и культур в свете инновационных образовательных технологий» (Махачкала, ноябрь 2019 г.), XIV Всероссийской научно-практической конференции «Проблема жанра в филологии» (Махачкала, 2019 г.), Международной научной конференции «Языки и культуры народов России и мира» (Махачкала, 19-21 сентября 2019 г.), VII Всероссийской конференции «Актуальные проблемы лингвистики и

языкового образования» (Махачкала, ноябрь 2020 г.), а также на итоговых научно-теоретических конференциях профессорско-преподавательского состава Дагестанского государственного университета (2014 – 2021 гг.).

По теме диссертации опубликовано 38 научных работ, в том числе 20 статей в изданиях из перечня ВАК Минобрнауки РФ.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения и библиографического списка.

ГЛАВА I

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ АВАРСКОГО ЯЗЫКА

1.1. Паремиологические единицы аварского языка как этнокультурный феномен: особенности формирования и классификации

Как известно, структура любого естественного языка существуют является носителем культурной информации. Наряду с другими культураносными единицами языка, довольно яркими национально-культурными структурами в этом отношении выступают паремиологические единицы (фразеологические единицы, поговорки и пословицы,) антропоцентрического характера.

Известный ученый Ю.Д. Апресян в связи с этим отмечает, что язык не только отражает культуру своего народа, менталитет, мировоззрение, его социальную структуру, но и хранит приобретенный им социокультурный пласт, который служит самым важным и эффективным способом формирования следующих поколений, то есть инструментом культуры [Апресян,1995: 356].

В лингвистической и лингвокультурологической литературе подчеркивается мысль о том, что язык является частью культуры и поэтому роль языка в формировании, хранении и передаче культурных ценностей неоспорима [Верещагин, Костомаров,1982; Колшанский,1990].

Т.Б. Радбиль, говоря о связи между языком и менталитетом, отмечает: «Любой народ вырабатывает особые принципы отношения человека к Миру, к Богу, к Человеку и делает это на своем родном языке и во многом с помощью языка. Поэтому именно лингвистика должна стать основой изучения национального менталитета» [Радбиль, 2010: 7].

Наиболее яркими в этом плане исследователи считают паремиологические единицы, являющиеся фрагментами национальных языковых картин мира, в которых отражаются национальный менталитет,

мировосприятие, отношение к людям, гендер и т.д. [Ковшова,1996; Мальцева,1991, Солодуб,1990].

Некоторые ученые такие фразеологические единицы, которые мы включаем в состав паремий, называют фразеологизмами с этнокультурным компонентом, который наряду с другими компонентами придают фразеологическому значению особую специфичность [Ордокова, 2004:6].

А.И. Геляева подчеркивает важность изучения фразеологических единиц в лингвокультурологическом плане, отмечая, что исследования концепта «человек» в зеркале фразеологии и метафоры, проводимые в последние годы в связи с изучением культурно-национальной специфики языковых единиц, представляются наиболее интересными и перспективными [Геляева, 2002: 21].

Говоря о сущности лингвоконцептов С.Г. Воркачев отмечает, что «их семантическое наполнение, в которых фиксируются ценностные доминанты, обеспечивающие понимание мира и человека, меняется от культуры к культуре, от этноса к этносу, от одной социальной группы к другой и от одной личности к другой» [Воркачев 2007: 6].

Большим вкладом в этом плане, несомненно, является изданный в 2006 году «Большой фразеологический словарь русского языка», в котором в достаточно объемных словарных статьях, характеризующих те или иные фразеологические единицы русского языка, дается интересный материал лингвокультурологического характера и предлагаются различные мотивации фразеологических образов, связанные с историко-этимологическими сведениями об исходных образах и их историческом переосмыслении [БФСРЯ, 2006].

Обращение к лингвокультурологическому аспекту гендерных паремиологических единиц связано с усиливающимся в последние годы интересом ученых к этому направлению исследования и важностью данного вопроса при описании фрагментов языковой картины мира в сопоставительном плане, который позволяет выявлять как общекультурные,

так и национально-специфические ценности в языках и культурах разных народов и особенности их мировоззрения [Воробьев,2007; Маслова, 2004].

Говоря о паремиологических единицах, дифференцируемых на основе гендерного признака, Д.С. Самедов и М.Д. Самедов отмечают: «Исследование языков с точки зрения лингвокультурологии поднимает такие проблемы, как проблема «язык и человек», «язык и культура», «язык и этнос». Также, весьма актуальна проблема, как в языке отражается образ мышления и народный дух. Исследование антропоцентричности языка ведет к выяснению особенностей отражения образа человека в языке и культуре. Лингвистика связана в первую очередь с отражением мира через национальный язык и здесь мы имеем дело с исследованием национальной ментальности через языковую картину мира» [Самедов, Самедов, 2006:13].

При изучении паремиологических единиц в лингвокультурном аспекте используется такое понятие, как «культурная коннотация», имея в виду, что национально-культурным может быть не только конкретный паремиологический образ, но и коннотативная часть этого образа, который является фрагментом национальной языковой (пословично-поговорочной и фразеологической) картины мира.

По мнению В.Н. Телии, культурная коннотация выражается в словах и фразеологизмах, и именно она «наделяет языковыми знаками функцию квазиэталонов, квазистереотипов и т.п. Культурная коннотация – это узувальное проявление культурной интерпретации в значении языковой сущности» [Телия,1994: 15].

Понятия культура, ритуалы, стереотипы, этнос, миропонимание, эталоны выступают определяющими в исследованиях этнолингвистической и лингвокультурной направленности. Поскольку именно через них воспринимается своеобразие этнического мышления и мировоззрения, что находит отражение в первую очередь в таких единицах, как фразеологизмы, пословицы и поговорки. Поэтому при их анализе и описании невозможно

обойтись без обращения к этимологическому, страноведческому и историческому толкованию и комментированию.

Паремиологические и фразеологические единицы рассматриваются и анализируются в качестве культурных знаков этноса. Активно разрабатывается понятие *культурная семантика* – «выявление синтеза языка культуры и естественного языка в рамках культурологии» [Телия,1994: 15]. Вопрос о том, как культура воплощается в планах языковых сущностей, В.Н. Телия предлагает решать через установление категориального пространства самой культуры и «языка» культуры и определяя понятия «культурный компонент языковых сущностей» [Телия,1994:16]. Под культурой исследователь понимает «способность человека к ориентации в эмпирической, социальной, интеллектуальной и духовной сферах жизнедеятельности на основе знания эталонов, стереотипов, мифологем, символов, обычаев, ритуалов и т.п. как своего рода образцов-прототипов категорий культуры, образующих ее язык», исследователь вводит понятие *культурно-языковой компетенции*[Там же].

По-разному называя характеризуемые единицы (страноведчески семантизированная фразеология, гендерная национально-культурная паремиология, фразеологизмы с национально-культурным компонентом), лингвисты отмечают, что наибольшее значение при изучении национально-культурной составляющей таких единиц имеет рассмотрение того, как в языке отражаются мир и человек, какие качества человека присущи конкретному полу и как они отражаются во внутренних образах [Харченкова, Шишков,1999].

Вместе с тем, М.М. Магомедова отмечает, что «сопоставительное направление в лингвистической гендерологии – новое и малоисследованное не только в российской, но и в зарубежной лингвистике» [Магомедова, 2006b:7].

Исследователи отмечают, что национально-культурная специфика обозначений в паремиологии и фразеологии определяется типом материальной и духовной культуры, особенностями этнического

мировоззрения. «Фразеологические номинации как отображение языковых представлений этносов о человеке могут выполнять роль стереотипов культурно-национального мировидения» [Геляева, 2002:144].

Интерес к национально-культурной составляющей паремиологических единиц (в том числе –антропоцентрических, ориентированных на человека) в дагестанском языкознании проявляется с особенной остротой в последнее время. Опубликованы научные статьи, материалы различных научных конференций, изданы монографии посвященные исследованию этой проблемы как на материале отдельных дагестанских языков, так и в сопоставительном плане.

Д.С. Самедов и М.Д. Самедов отмечают, что «национальная специфика фразеологических образов может быть создана при помощи таких средств, как употребление цветообозначений, символичное для каждого народа, использование в составе фразеологических единиц названий национально-специфических предметов, несоответствие значения всей фразеологической единицы со значением составляющих компонентов, и т.д. [Самедов, Самедов, 2002: 66].

В кандидатской диссертации М.Д. Самедова исследуются фразеологические единицы, обозначающие эмоциональные и интеллектуальные состояния человека в арчинском и английском языках, где основное внимание уделяется лингвокультурологическому аспекту анализируемых фразеологических образов [Самедов, 2006].

Ряд статей Л.Г.Алихановой посвящен исследованию в лингвокультурологическом аспекте аварских паремиологических единиц с пространственной и временной семантикой [Алиханова, 2011a, 2011b, 2011c, 2011d]. В лингвистическом и лингвокультурологическом аспектах компаративные фразеологические и паремиологические единицы аварского и русского языков анализируются в кандидатской диссертации З.Г. Абдуразаковой [Абдуразакова, 2014]. Собственно лингвистический и лингвокультурологический анализ лакских фразеологических единиц

конкретных семантических групп проводится в статьях С.Ц. Магадовой [Магадова, 2012а, 2012б, 2014].

В.А. Масловой выделен специальный раздел «Лингвокультурный аспект русской фразеологии» в книге «Лингвокультурология» [Маслова, 2004: 82-88]. Здесь она отмечает: «Фразеологические единицы (ФЕ), которые отражают в своей семантике долгий процесс развития культуры народа, фиксируют и передают от поколения к поколению культурные установки и стереотипы, эталоны и архетипы» [Там же: 82.].

В.А. Маслова рассматривает фразеологические единицы как фрагменты языковой картины мира. Однако, отмечается некоторая субъективность в данной оценке и интерпретации того, что обозначается средствами фразеологии. Такая субъективность может быть связана и с национально-культурной спецификой фразеологических образов.

Исследователи отмечают тот факт, что фразеологизмы как бы навязывают особое видение мира носителям языка. Как отмечает В.Н. Телия, национально-культурный колорит фразеологическим единицам придает их внутренняя форма [Телия, 1996:61].

Национально-культурными могут быть не только паремиологические и фразеологические образы, но и, как уже отмечалось выше, коннотации, отображающие ассоциативно-образную связь с культурой, менталитетом и образом жизни того или иного народа, того или иного этноса.

Говоря о национально-культурной специфике паремиологических и фразеологических единиц, исследователи имеют в виду (в том числе) и лингвострановедческую сущность, образующих различные концепты [Бижева, 2000; Гасанова, 2004; Добровольский, 1996; Карасик, 2002; Опарина, 1999].

Говоря об оппозиции «мужчина» и «женщина» как о социокультурной категории, исследователи отмечают, что это значимая оппозиция для человеческой культуры, так как *маскулинность* (мужественность) и *феминность* (женственность) – это не только биологические явления, генетически присущие тому или иному полу, но и социокультурные. Следует

отметить, что современные философы социологи «рассматривают понятия «пол» и «гендер» как противоположные» [Маслова, 2004:122].

Термин *гендер*, пришедший в лингвистику из англоязычного пространства и обозначающий грамматическую категорию рода, подчёркивает социокультурную причину межполовых различий, не природную [Кирилина, 2005:8-9], т.е. гендерно маркированные модели поведения формируются социумом, различными институтами контроля и культурными традициями. Термин был введен в научный оборот в конце шестидесятых – начале семидесятых годов прошлого века и стал первоначально применяться в таких областях, как история, социология и психология [Матунова, 2017: 725].

Гендерная лингвистика возникла на стыке междисциплинарности. Это наука, которая изучает взаимосвязь биологического пола человека с его общественным статусом и культурной идентичностью, поведением, речью и психическими особенностями, т.е. это социальный конструкт, который создается социумом посредством языка. Каждая этнокультура обладает собственным набором как вербальных, так и невербальных средств, характеризующих каждый пол.

Языковой фактор в гендере может быть рассмотрен и как социокультурное явление. Поскольку *мужчина* и *женщина* принадлежат к разным социальным группам и, следовательно, выполняют разные социальные роли и имеют разные модели речевого поведения. Особенности мужской и женской речи изучает коммуникативно-дискурсивное направление гендерной лингвистики.

С.Г. Воркачев считает, что «пол рассматривается языковым сознанием как существенная характеристика человека и велика вероятность существования разного рода устойчивых представлений о женских и мужских поведенческих и личностных особенностях, которые закреплены в особенностях функционирования языка и могут находить реализацию в ассоциациях, полученных на заданный стимул» [Воркачев 2007: 320].

Последние исследования показывают, что гендерная дихотомия в речевом поведении реально существует и выражается на разных уровнях языка [Земская, Китайгородская, Розанова, 1993; Магамдаров 1999, Мартынюк, Землянский, 1994 и др.].

Лингвокультурологический аспект рассматривает стереотипы фемининности и маскулинности, их репрезентацию в языке, а также концепты, актуализирующие понятия мужественности и женственности, гендерные метафоры и сравнения, сравнительно-сопоставительные исследования на материале различных языков.

Паремиологические единицы представляют большой интерес для исследований лингвокультурной и гендерной значимости. В первую очередь представляют интерес те паремиологические единицы, которые отличаются не только их денотативным содержанием, но и культурно-национальными коннотациями, символами, эталонными характеристиками.

Национально-культурная специфика паремиологических единиц может быть связана с получившими исторически национальную интерпретацию языковыми символами. Символизации – это то, что отличает человека от животных. Древние ритуальные действия людей (мужчин и женщин) выступали как символы, и их знание определило социальную значимость личности [Маслова, 2004: 95].

Так Ю. Лотман, рассуждая о традиционном исконном характере культуры, пишет: «Символы культуры редко возникают в ее синхронном срезе. Как правило, они приходят из глубины веков и, видоизменяя свое значение (но, не теряя при этом памяти и о своих предшествующих смыслах), передаются будущим состояниям культуры [Лотман, 1994:4].

Символы являются продуктом человеческого сознания, в том числе продуктом образов, картин, созданных сознанием лиц мужского и женского пола. Следовательно, языковые символы могут иметь гендерный характер, обусловленный субъективно-оценочной характеристикой лица конкретного биологического пола.

Определение статуса пословиц и поговорок связано с лингвистическим аспектом их изучения. Так, Г.Л. Пермяков затрагивая проблему знакового характера паремий, пишет, что они «действительно являются особого рода языковыми знаками, и прежде всего типовых жизненных (и логических) ситуаций или типовых отношений между объектами» [Пермяков,1988: 131].

К паремиологическим единицам относятся пословицы, поговорки, загадки, суеверия, скороговорки, поверья, прибаутки, приметы, которые также нередко включают во фразеологию. Но есть и такое мнение, что к паремиям следует относить только пословицы и поговорки, поскольку именно они носят дидактический характер [Алефиренко, Семенов, 2009: 243].

На сегодняшний день вопрос, связанный с разграничением фразеологических и паремиологических областей, является дискуссионным. Согласно концепции А.А. Потебни, паремии занимают позицию между текстом и словом: «Поэзия и мифология развивают сочетание представлений, какие находят в языке» [Потебня,1989:445]. А.А. Потебня рассматривает паремии как особый вид поэтических произведений и главным их качеством считает образность. Исследователь так характеризует пословицу: она «служит ответом на запросы, возникающие по поводу отдельного сложного случая... это ответ на вопрос, возбужденный житейским случаем, который может быть разложен на одно или несколько действующих лиц с их качествами, на одно или несколько действий с их признаками» [Потебня,1990: 95].

М.А. Гасанова считает, что «специфика паремиологических единиц заключается в их промежуточном положении между текстом и словосочетанием», поскольку паремии можно рассматривать как свернутые тексты, представленные предложением, и, соответственно, обладающие предикативностью, самодостаточностью и автономностью [Гасанова, 2015: 6].

Знаменитый исследователь русского языка и собиратель пословиц и поговорок С.И. Ожегов указывал, что их следует рассматривать не в поле

фразеологии, поскольку от фразеологических единиц паремии отличаются такой характерной особенностью, как синтаксическая оформленность, т.е. паремии имеют законченную структуру предложения [Ожегов, 1974: 196].

На это ориентировал в своих исследованиях и Г.Л. Пермяков, называя способы дифференциации фразеологических и паремиологических единиц, считал, что следует при этом ориентироваться на критерии функционирования и структурной организации. А именно, паремии рассматриваются как готовые коммуникативные единицы с устойчивым составом, оформленные в виде типичных предложений. Фразеологизмы же представлены в виде типичных словосочетаний. А поговорки занимают промежуточное положение, представляя, как правило, в форме неполных предложений [Пермяков, 1988].

Как видим, пословицы и поговорки структурно оформляются в виде предложения и выступают коммуникативными единицами. Они не актуализируют целостного лексического значения подобно фразеологическим единицам, а выражают суждение или умозаключение. Л.Ф. Ершова-Белицкая отмечает, что в пословице представлено образное значение, которое стало традиционным [Ершова-Белицкая, 1968]. Идентифицировать же пословицы посредством слов-синонимов невозможно.

Для многих исследователей обозначенные различия выступают доводом для их дифференциации [Тагиев, 1967; Фелицына, 1972; Ожегов, 1974; Молотков, 1977; Жуков, 1986; Пермяков, 1988; Гасанова, 2015 и др.].

Вместе с тем традиционная практика употребления пословичных высказываний подразумевает такой план содержания, который переходит из поколения в поколение, что свидетельствует об устойчивости и воспроизводимости, что характерно для фразеологизмов: «устойчивость и воспроизводимость выступают главенствующими и релевантными признаками, определяющими знаковый характер данных образований» [Бондаренко, 1995: 6]. Это дает отчасти право в широком понимании включать паремии в сферу фразеологии.

А.Н. Баранов и Д.О. Добровольский относят паремии к фразеологическим единицам, имеющим структуру предложения и обозначающим идею всеобщности, иллокутивную семантику рекомендации или совета (нравоучения) и относительно дискурсивно самостоятельны [Баранов, Добровольский, 2013: 69].

Такой же позиции придерживается А.В. Кунин, который называет пословицы коммуникативными фразеологическими единицами, отмечая следующие важные характеристики паремиологических единиц: афористичность, назидательный и дидактический смысл, ритмически организованная структура [Кунин, 1996: 176-177].

Пословицы, заметил А.И. Молотков, как фразеологизмы иносказательны, хотя наблюдаются некоторые различия в смысловом аспекте: «В основе содержания высказывания, передаваемого предложением-пословицей, лежит суждение, тогда как в основе лексического значения фразеологизма – то или иное понятие» [Молотков, 1977:16]. При этом исследователями единодушно признается, что паремии традиционно выступают источником фразеологизмов, выступая часто как результат редукции пословичного дискурса.

В научной литературе есть множество определений термина «пословица»:

«краткое, вошедшее в речевой оборот, имеющее поучительный смысл, ритмически организованное поэтическое изречение, в котором народ на протяжении веков обобщал свой социально-исторический опыт» [Аникин, 1957: 14];

«общепринятое стандартное высказывание относительно моральных или категориальных императивов, в клишированной метафорической форме анализирующее фундаментальные логические связи» [Барли, 1984: 133];

Г.Л. Пермяков пишет, что пословицы «при всей своей видимой простоте представляют собой весьма непростые образования». Внешне сжатая

лаконичная форма паремиологических единиц характеризуется при этом сложной денотативно-коннотативной структурой. [Пермяков, 1970: 9] и др.

Остается дискуссионным в паремиологии и вопрос о разграничении пословиц и поговорок. Осложняют ситуацию обнаруживающиеся периферийные структуры, которые трудно однозначно идентифицировать как пословицу или поговорку. Такие паремиологические высказывания демонстрируют неоднородную смысловую структуру, когда одни компоненты актуализируют прямое значение, а другие – переносное. Следовательно, наблюдается совмещение признаков и пословицы, и поговорки, которое образуют особую форму пословично-поговорочных выражений [Жуков, 1991: 11].

Н.Ф. Алефиренко определяет пословицы как «устойчиво воспроизводимые в речи афоризмы фольклорного происхождения, имеющие как образную, так и «безобразную» структуру значения, характеризующиеся эквивалентностью суждения, относительной независимостью от внешнего контекста и наличием подтекста», а поговорки – это «устойчивые выражения, не эквивалентные суждению» [Алефиренко, Семененко, 2009: 249]. Как видим из определения, поговорки в смысловом отношении зависимы от контекста, их назначение часто сводится к орнаментальной функции, т.е. они служат целям украшения и разнообразия речи, что делает «план содержания поговорок близким к фразеологически связанному значению и представляет собой образно выраженное значение идиоматического характера» [Алефиренко, Семененко, 2009: 241].

В.И. Даль характеризует поговорку как «окольное выражение, переносную речь, простое иносказание», а пословицу как «обиняк с приложением к делу, понятый и принятый всеми» [Даль, 1984: 14].

Пословичный дискурс характеризуется обобщающим, синтезирующим смыслом, считает З.К. Тарланов, а поговорку отличает локальная направленность, которая обусловлена контекстуальной привязанностью и обращенностью к конкретной ситуации [Тарланов, 1999: 37].

О.Е. Фролова предлагает такие критерии для разграничения, как законченность и незаконченности и ритмическая организация (ее наличие или отсутствие). Опираясь на обозначенные принципы, она указывает на такие специфические особенности пословиц, как краткость, ритмичность, иносказание и назидательность, а у поговорок – краткость и синтаксическая незавершенность, иносказание и острый нравоучительный смысл [Фролова, 2007: 47].

При исследовании пословиц и поговорок критерий формальной организации основатель структурной паремиологии как отдельного научного направления Г.Л. Пермяков обозначает как основной. По его мнению, если пословицы характеризуются замкнутой клишированной структурой, то поговорки – открыты, дополняемы и изменяемы в процессе коммуникации. Исследователем разработана теория клише, в рамках которой выделены 3 типа паремий-клише на основе принципа грамматической завершенности: пословицы, представленные самостоятельными предложениями, поговорки и сценки, представленные в виде отдельных словосочетаний, и небольшие тексты – побасенки. Рассматриваемые языковые единицы различаются и по другим критериям: по морфологическому типу, характеру актуального членения предложения, по грамматической полноте высказываний и др. [Пермяков, 1988: 98].

Сложность, возникающая подчас при дифференциации пословиц и поговорок даже при наличии четко разработанных критериев, А.Н. Мартынова считает, связана с тем, что «виды народных изречений близки друг другу, сам народ никогда четко их не разграничивал» [Мартынова, 1986: 6].

Возможность такого разнонаправленного научного подхода к объекту исследования требует обозначить собственную терминологическую позицию. В настоящем исследовании за рабочее определение пословицы принято следующее: «Пословица – краткое, устойчивое в речевом обиходе, как правило, ритмически организованное изречение назидательного характера, в котором зафиксирован многовековой опыт народа, имеет форму законченного

предложения (простого или сложного). Пословица обладает буквальным или переносным смыслом или только переносным и легко противопоставляется свободному предложению такого же лексического состава» [ЛЭС, 1990: 389].

Т.е., если поговорка допускает переменность своих членов и может видоизменяться и ситуативно подстраиваться, то пословицу отличает закрытая структура и непроницаемость. Назидательность и строгая дидактичность пословицы противопоставляется прагматике поговорки, которая сводится к намеку, характеристике или простой констатации события или состояния.

Специфика паремиологических единиц, их структура, семантика и прагматика обусловлены не только языковыми особенностями, но и культурными. Адекватное, успешное декодирование и употребление пословичных высказываний предполагает обязательный учет их культурных коннотаций. Именно лингвокультурологический анализ описывает семантику паремиологического образа в разрезе определенной культуры с учетом ее архетипов, символов, мифологем, стереотипов, эталонов, различных культурных кодов, т.е. рассматривает его как культурно-значимую единицу, в которой актуализируется своеобразие мировосприятия и миропонимания отдельного этноса.

Пословичный фонд является наиболее ярким и культурноносным фрагментом языковой картины мира, в котором отражены этнокультурный генезис и ценностные установки народа. Особенностью паремиологических единиц как объектов научного анализа, является то, что они, как отмечают исследователи, относятся одновременно и к речи, и языку, следовательно, и к тексту, и к системе. Из паремиологических единиц во многом складывается и национальная картина мира, которая в свою очередь и определяет мировосприятие носителями языка, т.е. «выработанное многовековым опытом народа, осуществляемое средствами языковых номинаций изображение всего существующего как целостного и многоступенчатого мира в своем строении и в осмысляемых языком связях своих частей, представляющего, во-первых, человека, его материальную и духовную жизнедеятельность и, во-вторых, все

то, что его окружает: пространство и время, живую и неживую природу, область созданных человеком мифов и социум» [Шведова, 1999: 31]. Т.е., языковая картина мира – это особый способ видения мира, закрепленный в языке, а язык выступает основной формой фиксации этих знаний о мире.

Паремии – это единицы, хранящие опыт и историческое мировосприятие и миропонимание этноса, вбирающие в себя маркеры национальной культуры, которые, как правило, закодированы во внутренней форме паремиологического образа. Как отмечает М.Л. Ковшова: «Внутренняя форма паремии – это такой способ организации значения, в основе которой лежит образ, воспринимающийся на фоне широкого культурного контекста как области культурного знания, способ указания на мир в его образно-ассоциативном представлении» [Ковшова, 2016: 41].

Назначение пословичного дискурса не сводится только к описанию окружающей действительности, а больше ориентировано на ее оценку и интерпретацию. Поэтому рассматриваемые единицы преимущественно направлены на субъект, обращены к субъекту. В частности В.Н. Телия пишет, что фразеологический состав языка, в широком понимании к которому относят и паремии, – это «зеркало, в котором лингвокультурная общность идентифицирует свое национальное самосознание» [Телия, 1996: 55].

Пословицы и поговорки как наиболее «востребованная» в коммуникативно-прагматическом отношении часть фольклорного наследия хранят опыт и историческое миропонимание этноса, его ценностные представления и ориентиры. Л.Г. Пермяковым выделено семь прагматических целей использования пословиц и поговорок [Пермяков, 1988: 88]:

- *моделирующая функция*, конструирующая возможные ситуативные схемы;
- *поучительная функция*: регламентирующая кодекс норм и правил поведения;
- *прогностическая функция*: заключается в прогнозировании, предсказании возможных событий, будущего;

- *магическая функция*: когда высказывания носят перформативный характер, т.е. побуждают к определенным действиям, когда через пословичный дискурс происходит навязывание кому-либо или чему-либо своей воли;
- *негативно-коммуникативная функция*, когда поговорка служит отводом, формальной репликой;
- *развлекательная функция*: вносит в контекст комический эффект;
- *орнаментальная функция*: когда паремии используются как средство «украшения» речи, делают ее образной и живописной, придают особый этноколорит.

Основной и приоритетной функцией пословиц и поговорок исследователь М.А. Гасанова называет *инструктивную функцию*, поскольку именно данные единицы репрезентируют огромный свод поведенческих правил и инструкций [Гасанова, 2015:14].

Другими исследователями выделяются еще и такие функции, как *утверждающая, оценочная, преспективная* [Крикманн, 1984: 167]; *назидательная* [Тарланов, 1993: 167]; *кумулятивная и директивная, воздействующая на адресата* [Верещагин, Костомаров, 1980: 56].

Можно отметить и эвфемистические возможности паремиологических единиц, когда с их помощью удастся избежать излишней прямолинейности и смягчить выражение, прибегнув к народной мысли. Например: *своя рубашка ближе к телу* вместо укоряющего *думаешь только о себе*, корректное высказывание о чьей-либо внешней непривлекательности – *с лица воду не пить* и т.д.

Паремиологические единицы выступают в качестве универсальных моделей поведения, реализующих вышеперечисленные функции. С одной стороны пословицы и поговорки рассматриваются нами как место и источник хранения важной социально-культурной информации, а с другой – интерпретируются как различные формы поведения, определяющие отношения человека ко всему.

Мы не совсем согласны с мнением отдельных исследователей о том, что паремиологический фонд не следует считать транслятором ценностных смыслов этнокультур, поскольку представленные в паремиологических высказываниях прототипические ситуации, их оценка и интерпретация нередко противоречат друг другу [Баранов, Добровольский, 2013: 37]. Пословицы и поговорки представляют собой определенное клише и часто их содержательная наполненность актуализируется контекстом употребления, что и объясняет представленность в паремиологической картине мира отдельного языка высказываний взаимоисключающего характера.

Известный эстонский исследователь, автор многочисленных трудов, посвященных паремиологии, А.А. Крикманн считает, что «внешние связи» паремий можно объяснить только через их отношения со многими областями знаний, прежде всего, такими, как «социально-исторический процесс», «познавательная деятельность человека» [Крикманн, 1984: 149]. Поэтому вполне понятно сравнение пословицы с басней, которое проводит А.А. Потеня. По мнению ученого, объединяет пословицу с басней заложенный в них назидательный смысл. Только в одном случае они даются в свернутом виде, а в другом – развернуто. Т.е., то, что в басне выводится одним предложением как мораль, часто становится самостоятельной пословицей. Это свидетельствует о таких качествах паремий, как аксиологичность, оценочность, обязательная соотнесенность с общепринятыми в социуме правилами и нормами поведения, которые могут носить как универсальный, так и этноспецифический характер [Потеня, 1990].

Существует мнение, что признание этноспецифичности паремий сводится к выявлению в них безэквивалентной лексики, уникальных лексических компонентов, репрезентирующих этнокультурные реалии. В русском языке – это *гармонь, балалайка, блины, кафтан, кокошник* и др., а в дагестанских – *хинкал, кунак, папаха, намус* и др. или, например, собственные имена: *Хочбар, Парту Патима, Молла Насредин, Хаджимурат, Шарвели* (в дагестанских языках), *Сенька, Кондрашка, Машка* др. (в русском), которые

составляют антропонимический код культуры и зашифрованные в нем ценности и антиценности, актуализируются в коллективном сознании носителей разных языков и культур. Такие имена всегда связаны с культурой региона и выражают национальный колорит и стереотипные гендерные представления. Поэтому антропонимы, задействованные в паремиологических единицах, часто содержат информацию культурного характера, поскольку имена выступают своего рода трансляторами и символами каких-либо событий, этнической ментальности.

Не носителям языка могут быть не доступны те или иные смыслы в пословицах и поговорках, поскольку опираются на фоновые знания. Это включение в пословичное пространство этнокультурных реалий и прецедентных феноменов, дешифровка которых требует лингвокультурного и этимологического подходов.

Важным является раскрытие общекультурного фона паремиологической картины мира путем историко-этимологического комментирования. Это позволит не только реконструировать исходный образ и объяснить первичную мотивацию значения, но и выявить универсальное и этноспецифическое в означивании того или иного фрагмента действительности в разных языковых картинах мира. В связи с этим М.Л. Ковшова отмечает: «Источником культурно-национальной интерпретации <...> становится не конкретный образ или этимон, а тип знаний» [Ковшова, 2016: 33].

Исследователями не раз отмечался прецедентный характер паремиологических единиц, признание их готовыми культурными знаками, входящими в сферу культурно-языковой компетенции коммуниканта и характеризующимися прагматической направленностью и обширным эмотивно-экспрессивным потенциалом. Они, как мы отметили, преимущественно носят дидактический характер, реализуя тем самым свою основную функцию – инструктивную. То есть паремиологический образ репрезентирует ценностно-значимую модель поведения, которая может носить

и универсальный характер, но при этом должна быть обязательно присуща данной лингвокультуре.

Лингвокультурологические исследования паремиологической картины мира стали активно проводиться во второй половине двадцатого века в связи с возросшим интересом к исследованию специфики проявления «языка в человеке и человека в языке», что осуществлялось в рамках антропоцентрической парадигмы, которая стала ведущим направлением в науке о языке. Научный подход такого направления базируется на том, что сущность языка и его основные свойства обусловлены особенностями психической и физической организации человека, в соответствии с которыми он и должен исследоваться.

Научный объект в русле антропоцентризма изучается, в первую очередь, по его роли для человека, человек становится отсчетной точкой в исследовании и анализе тех или иных явлений, он вовлечен в этот анализ, определяя его перспективу и конечные цели [Кубрякова, 1991: 212].

В паремиологии внимание акцентируется на главном предмете исследования – этнокультурной специфике паремиологических единиц. Они рассматриваются как культурно-языковые знаки, в которых отображается народная философия и психология [Бондаренко, 1995; Телия, 1996; Гвоздарев, 1998; Савенкова, 2002].

Основная цель лингвокультурологической парадигмы заключается в выявлении способов и средств воплощения культуры в пословицах и поговорках как особых языковых знаках, сочетающих в себе признаки и качества языковых единиц и микротекста и, аккумулирующих в себе ценностные установки как общекультурного, так и этноспецифического характера.

Корпус паремиологических единиц раскрывает концептуальную структуру человеческого фактора в соответствии с биологическим назначением каждого пола. Когнитивный подход и лингвокультурологический анализ могут объяснить, сложившееся веками зависимое от мужчин,

подчиненное положение женщины, несмотря на свою ключевую роль в воспроизведении жизни и продолжении людского рода.

Анализ языкового материала подтверждает андроцентричность, мужскую (маскулинную) картину мира, где женщина – это объект. Поэтому, в дагестанских языках имеют место инструктивные пословицы по выбору будущей жены, какой она должна быть и на что обращать внимание, но практически нет паремий, которые бы содержали советы для женщин по выбору мужа.

Пословицы и поговорки нами рассматриваются как единицы, отражающие мировоззрение лингвокультурного дагестанского (аварского) сообщества, и специфику эмотивно-интеллектуального осмысления реальности в зависимости от признака пола.

В отечественной лингвистике пословичный фонд исследовался как малый жанр фольклора. Паремиологические единицы описывались как в литературоведческом, так и в лингвистическом аспектах. Сегодня наблюдается приоритет исследований в лингвокультурологическом ключе.

Известный дагестанский ученый, фразеолог А.Г. Гюльмагомедов в 1984 году написал, что дагестанская фразеология только начинает выходить из эмбрионального состояния [Цит. по: Гасанова, 2015: 37], сегодня возросший интерес к лингвокультурологическим и этнолингвистическим исследованиям существенно изменил ситуацию.

Появилось большое количество работ, посвященных различным аспектам изучения фразеологической и паремиологической картин мира дагестанских языков. Это работы А.Г. Гюльмагомедова, С.Н. Гасановой, М.А. Гасановой, У.У. Гасановой, Д.С. Самедова, М.С. Самедова, В.М. Загирова, Ф.Д. Гасановой, П.А. Саидовой, М.-Б.Д. Хангереева, П.Т. Магомедовой, Б.Г. Шахмановой, К.Э. Джамалова, С.Г. Гаджиевой, Н.Г. Исаева, Т.А. Мирзаевой и др.

Многие из опубликованных работ носят сопоставительный характер и выполнены на материале генетически неродственных языков: русского и

цахурского [Исаев, 1996], лезгинского, лакского, даргинского и немецкого [Гаджиева, 1990], рутульского и русского [Джамалов, 1990], английского и арчинского языков [Самедов, 2006], табасаранского, английского и испанского [Мирзаева, 2008] и др. Сравнительно-типологическое исследование идейно-тематической и художественной специфики лезгинских и азербайджанских пословиц проведено Ф.Д. Гасановой [Гасанова, 2006].

Большая работа велась и ведется по сбору, систематизации и классификации паремиологического материала. В начале двадцатого века, ориентировочно в двадцатые годы, сбором и сохранением фольклорного материала занялся Институт национальной культуры Дагестана. Первым опытом историко-сравнительного исследования дагестанских афористических жанров стала диссертационная работа М.М. Гасанова «Дагестанские народные пословицы, поговорки, загадки» (1971).

За последние пятьдесят лет фронтально описана фразеология и паремиология как отдельных дагестанских языков – цахурского [Караев, 1969], лезгинского [Гюльмагомедов, 1978, 1990], аварского [Магомедханов, 1972], агульского [Сулейманов, 1985; Гасанова, 1992], даргинского [Исаев, 1996], табасаранского [Загирова, 2004; Гасанова, 2015], так и разных языков: Залова И.М. «Сопоставительный анализ варьирования пословиц и поговорок в лезгинском и немецком языках» (2009), Кунбуттаева А.Ш. «Концепт «богатство» во фразеологических и паремиологических единицах лакского, русского и английского языков» (2013), Мусаева П.Г. «Фразеологические и паремиологические единицы с компонентом-зоонимом лакского и английского языков» (2008), Абдулкаримова П.А. «Фразеологические и паремиологические единицы эмотивной семантики с компонентом-зоонимом в аварском и английском языках» (2012) и др.

В 1974 году А.Г. Гюльмагомедовым была опубликована работа «О наших пословицах и поговорках», в которой были исследованы вопросы, связанные с происхождением, спецификой образования и речевого

оформления паремиологических единиц лезгинского языка, проведена их тематическая классификация и дан анализ их внутренней организации.

Даргинские пословицы и поговорки впервые были опубликованы в 1965 году под редакцией М.Х. Гамидова, в 1991 г. данный сборник «Даргала харкьла буралаби ва багъираби» был переиздан под редакцией М.Х.Гамидова и И. Омарова. В 1982 г. вышла книга «Пословицы и поговорки даргинского народа» под редакцией А. Магомедова, а в 2014 году под редакцией У.У. Гасановой [Цит. по: Гасанова, 2015: 39]. Нет монографических исследований, хотя имеется ряд статей, в которых фрагментарно освещаются отдельные аспекты даргинской паремиологии.

Первый сборник лакских пословиц и поговорок вышел в 1975 году, он включал 2500 единиц, которые были организованы по тематическому принципу (всего 28 разделов). В 2021 году Х.М. Аминовой издан «Словарь лакских пословиц и поговорок», в котором в алфавитном порядке представлены более 3500 единиц с переводами на русский язык и отдельными сопроводительными комментариями лингвокультурологического характера. В 2005 году опубликована работа Х.М. Халилова «Лакский фольклор», где описано своеобразие лакских паремий и их этимология. Лакские паремии были предметом специальных исследований также в работах С.М. Хайдакова (1961), М.Р. Рамазановой (2000), П.Г. Мусаевой (2008).

Системно-комплексное исследование паремиологии табасаранского языка было проведено в докторской диссертации М.А. Гасановой «Табасаранские пословицы и поговорки: лингвистический и лингвокультурологический аспекты» (2015), где были рассмотрены и гендерные концепты. В 2014 году М.А. Гасановой был издан словарь табасаранских пословиц и поговорок, в который вошли 2500 единиц и впервые переведены на русский язык; также в словаре даются лингвокультурологические комментарии и эквиваленты пословиц и поговорок русского языка, раскрывающие и уточняющие этноспецифику паремиологических образов.

В последние десятилетия стали активно проводиться исследования паремиологических картин мира малочисленных и бесписьменных дагестанских языков, издаются словари. Такие словари представляют особый интерес, поскольку в пословицах и поговорках данных языков употребляются редкие для узуса архаические формы, наименования национально-культурных реалий, устаревшие слова, свидетельствующие о безусловной лингвокультурологической и этнокультурной значимости паремиологических единиц: «Жемчужины рутульской мысли. Пословицы, поговорки и загадки рутульского народа» [Махмудова, 2014] и «Фразеологический словарь рутульского языка» [Махмудова, 2016]; «Словарь фразеологических и паремиологических единиц агульского языка» [Гасанова, 2017]; «Цахурские пословицы и поговорки» [Гасанова, Омаханова, 2018]; «Словарь пословиц и поговорок арчинского языка» [Самедов, Магдилова, 2017]; «Каратинские пословицы, поговорки и скороговорки» [Расулова, 2013].

Научное исследование паремиологии аварского языка начинается с семидесятых годов двадцатого века, до этого имелись отдельные работы о паремиологических единицах аварского языка, высказанные в научных трудах А.А. Бокарева (1949), Ш.И. Микаилова (1959), М.М. Магомедханова (1972) и др. В 1974 г. был опубликован сборник аварских пословиц и поговорок «Аварские народные пословицы и поговорки» («Авар халкъиял кисаби ва абиял»), в котором языковой материал тематически сгруппирован на пословицы и поговорки о дружбе и единстве, о труде, о профессии, о религии и др. [Алиханов, 1972]. В лингвистическом и лингвокультурологическом аспектах пословицы и поговорки аварского языка находятся на стадии изучения. В этом направлении не проведены специальные монографические исследования. В основном такие проблемы общего и частного характера поднимаются в работах А.Н. Магомедовой.

Так, например, рассматривается частично проблема жизни и смерти, актуализируемая паремиями, соотносительными с религиозным кодом культуры [Магомедова, 2012a]. Автор статьи обращает внимание на то, что с

точки зрения отражения в пословицах и поговорках морально-нравственных ценностей исламской религии, прежде всего, интерес представляют особенности лексико-семантического состава анализируемых аварских паремий и что характерной особенностью этих паремий является персонафикация смерти.

Неизбежность же смерти определяется тем, что жизнь дает и забирает Всевышний, и после смерти все равны. Ключевой идеей в этом случае становится мысль, что полная справедливость может быть только после смерти.

В другой статье А.Н. Магомедовой рассматривается проблема патриотизма, актуализируемая средствами аварских пословиц и поговорок. По сути своей такие пословицы и поговорки имеют гендерный характер, так как взаимосвязанные понятия «патриотизм» и «мужество» обычно приписываются лицам мужского пола: честь настоящего мужчины в паремиях оценивается его готовностью быть преданным Родине и защищать ее ценой собственной жизни; жизнь, отданная за Родину, отождествляется с бессмертием, отсюда и необходимость употребления в пословицах и поговорках императивных глагольных форм, актуализирующих патриотический призыв не жалеть жизни ради Родины. Ценность представляет не богатая жизнь на чужбине, а свои морально-нравственные ценности, которым определяется достоинство настоящего человека. В качестве ключевых компонентов актуализации патриотизма выступают понятия «родной дом – родное село – родина», что находит эмоционально-оценочное усиление через противопоставление «свой – чужой». Как отмечает А.Н. Магомедова, «чужой» в этом случае выступает в качестве чисто эмоционально-патриотической альтернативы и не носит негативно-уничжительного характера, так как утверждается право каждого человека на свою Родину и отношение к ней. Родина не бывает для одного хорошей, достойной, а для другого плохой и недостойной. Родина у каждого своя [Магомедова, 2016].

Из рассмотренных в статьях А.Н. Магомедовой аварских паремиологических единиц ориентированных на человека характер имеют пословицы и поговорки, связанные с понятиями «молодость и «старость» человека, так как «сопоставление этих двух концептов позволяет актуализировать один из них, подчеркивая соответствующими паремиологическими образами преимущества молодости по одним признакам и недостатки старости по другим» [Магомедова, 2012b: 14].

Как и в случае «смерти», в ряде паремий происходит персонификация образов сердца и старости в форме диалога, а также старость характеризуется как нечто неизбежное, свойственное всем. Гораздо хуже не неизбежная старость и персонифицируемая смерть как некое продолжение жизни человека, а ложь, окружающая жизнь человека. В статье А.Н. Магомедовой, посвященной данной проблеме, отмечается, что в качестве концептообразующих лексических единиц при формировании понятия «ложь» в аварских пословицах и поговорках выступают слова типа: *бугътан* «клевета», *хиянат* «коварство», *мацIихъан* «клеветник, лгун, обманщик», *гъерсихъан* «врун, обманщик», *балагъ* «беда (от лжи), а в качестве символов обмана, лжи, коварства выступают *сладкий язык, ядовитый кинжал, черное сердце*.

Важной проблемой является и актуализируемая в аварских паремиях идея толерантности как в светской жизни, так и в конфессиональной. А.Н. Магомедова отмечает, что основные понятия, связанные с темой толерантности, в аварских паремиологических единицах обозначены словами *рекъел* «мир, согласие», *рекъезе* «мириться», *сабру* «терпение», *лъикIлъи* «добро», *квейлъи* «зло», *мацI* «язык», *гъуинлъи* «добрые теплые отношения», поэтому, естественно то, что часть аварских пословиц и поговорок, отражающих тему толерантности, имеет компаративный характер, где путем сравнения двух явлений преимущество отдается понятиям «мир», «добро», «терпение» [Магомедова, 2012a: 79].

Из различных назиданий, актуализируемых соответствующими пословицами и поговорками, обращает на себя внимание идея обуздания гнева, что может привести к положительному результату или усилению позиции нравственности. А в качестве источников телерантности актуализируются не только *голова* (умение трезво мыслить), но и *сердце* (умение управлять своими отрицательными эмоциями, которые могут привести к нежелательным для человека последствиям).

В.А. Маслова, говоря об образе человека в мифе, фольклоре и фразеологии, отмечает: «В центре мира стоит человек как личность, имеющая тело, душу, речь, т.е. человек с его чувствами и состояниями, мыслями и словами, поступками и эмоциями, человек добрый, злой, грешный, святой, глупый, гениальный» [Маслова, 2004:131].

В этом ряду внутренних качеств человека толерантность занимает важное место, поскольку она связана с нравственными позициями человека, с отношением к другим людям, что и отразилось в паремиологических единицах разных народов [Сулаева, 2012].

В опубликованных в разных научных изданиях статьях А.Н. Магомедовой, выполненных на материале аварских пословиц и поговорок, рассматриваются также концептообразующие понятия «труд» (2013), «пьянство» (2014).

Общие и различительные структурно-грамматические признаки компаративных паремиологических единиц аварского и русского языков рассматриваются в статье З.Г. Абдуразаковой (2012). В ее же статьях поднимаются также проблемы типологически общих и национально-культурных признаков компаративных паремиологических единиц аварского и русского языков [Абдуразакова, 2009, 2014].

Вопросы лингвистики и лингвокультурологии на материале аварских паремиологических единиц темпоральной и пространственной семантики рассматриваются в статьях Л.Г. Алихановой:

а) числовая символика в аварских фразеологических и паремиологических единицах (2011),

б) особенности лексико-семантического и лексико-грамматического состава паремиологических единиц темпоральной семантики [Алиханова, 2014, 2015], а также аварских пословиц и поговорок, актуализирующих пространственную семантику [Алиханова, 2015; Алиханова, Гаджихмедова, 2015].

Защищены кандидатские диссертации Халиловой Н.М. «Структурно-семантическая характеристика аварских пословиц и поговорок» (2010) и Магомедовой Х.Н. «Структурно-семантическая и антропоцентрическая организация паремий аварского языка» (2013).

Интерес в свете рассматриваемых нами проблем представляют изданные за последние годы лингвокультурологические словари дагестанских паремиологических единиц с различными кодами культуры:

1) «Образ человека в дагестанских пословицах и поговорках: зооморфный и растительный коды культуры», в котором представлено около 2700 дагестанских пословиц и поговорок с зооморфным и растительным кодами культуры письменных и бесписьменных языков. Интерпретируемые в словаре пословичные образы составляют часть лингвокультурного пространства и свидетельствуют об особенностях образно-ассоциативного и эмоционально-интеллектуального восприятия и осмысления окружающей действительности носителями дагестанских языков и соответственно определяют специфику дагестанской языковой картины мира [Образ человека в дагестанских..., 2018].

2) «Телесный код культуры в дагестанской паремиологической картине мира». Телесный код культуры формирует своеобразие дагестанской языковой картины мира и отражает особенности ее отражения в разных дагестанских языках, в том числе и бесписьменных. Словарь содержит около 1600 поговорок и пословиц 14-ти письменных и бесписьменных дагестанских языков [Гасанова, Самедов, 2020].

3) «Числовой код культуры в дагестанской паремиологической картине мира» [Числовой код культуры..., 2021]. Достаточно интересны проблемы дагестанской паремиологии, которые связаны с символикой числа, так как числовой код является важным и неотъемлемым элементом понятийной системы мышления человека, отмечают авторы книги. Дело в том, что в таком понимании число имеет значимость не просто как лексико-грамматический разряд слов, а как «значимый этнолингвистический и лингвокультурологический компонент любой языковой картины мира» [Там же, с 8]. Числовой код культуры в дагестанских языках (особенно в паремиях), как отмечается в литературе, обнаруживает своеобразие языковой и культурной репрезентации.

Исследователи Д. Гудков и М. Ковшова считают, что «ключевым звеном культурной интерпретации фразеологизмов является соотнесение его слов-компонентов с кодами культуры (антропным кодом, соматическим, зооморфным, артефактным, цветовым и т. д.)» [Гудков, Ковшова, 2007: 95].

В лингвистическом и лингвокультурологическом аспектах аварские гендерные пословицы и поговорки специально не исследовались. Соответственно не рассматривались возникающие при таком анализе паремиологических единиц проблемы, о которых говорится в разных разделах настоящего диссертационного исследования.

В первую очередь – это проблемы, связанные с национально-культурной спецификой, с одной стороны, собственно фразеологических единиц в узком смысле слова, а с другой – аварских пословиц и поговорок, объединено называемых в данной работе паремиологическими единицами.

Наиболее ярко фиксируют и транслируют идеи и этносвоеобразие культуры и быта этноса фразеологические и паремиологические единицы языка антропоцентрической направленности. Знание фразеологического и пословичного фондов языка составляет область фоновых знаний, языковую компетенцию, позволяющие глубже понять менталитет и психологию носителей языка. Поэтому исследования в области паремиологии и

фразеологии представляют особый интерес для таких областей, как лингвокультурология и этнолингвистика.

1.2. Национально-культурная специфика фразеологических единиц в аварском фольклоре

Национально-культурные единицы языка, как известно, используются в текстах разных жанров. Особый интерес в этом плане представляют специфические образы, актуализированные единицами фольклорных текстов. В текстах разных жанров аварского песенного фольклора (в колыбельных песнях для детей, в лирических и шуточных народных песнях, историко-героических песнях, плачах и балладах), как показывают наши наблюдения, достаточно продуктивно используются национально-культурные языковые единицы разных уровней (лексические, лексико-морфологические, собственно морфологические, лексико-синтаксические, паремиологические и т.д.), отражающие особенности аварской материальной и духовной культуры, менталитета аварского народа, гендерных стереотипов и качеств (внешних и внутренних) лиц мужского и женского пола, исторического прошлого аварцев и т.д.

Поскольку жанровая специфика фольклорного текста, актуализированные в них коммуникативные намерения и адресатность определяют национально-культурную специфику тех или иных языковых единиц, (в том числе – фразеологических), то представляется целесообразным провести их лингвистический и лингвокультурологический анализ по типам (жанрам) фольклорных текстов.

Тексты колыбельных песен для детей имеют свой конкретный адресат, в зависимости от чего они подразделяются на две группы:

1) колыбельные песни для девочек и 2) колыбельные тексты для мальчиков: в аварском варианте соответственно 1) *ясазе ахЛулел* «исполняемые для девочек» и 2) *васазе ахЛулел* «исполняемые для мальчиков» [Аварские народные песни, 2001: 4-31].

В каждой группе колыбельных песен используются гендерно обусловленные языковые средства, в том числе фразеологические единицы, отличающиеся национально-культурной спецификой. Основой дифференциации фразеологических (а в широком смысле – паремиологических) единиц как в денотативном, так и коннотативном аспектах соответственно служит в данном случае гендерный фактор.

Анализ текстов колыбельных песен, исполняемых для девочек (*ясазе ахІулел кинидахъ кучІдул*) позволяет отметить некоторые особенности функционирования в них фразеологических единиц национально-культурного характера.

В текстах колыбельных песен для девочек чаще используются национально-культурные фольклорно-поэтические фразеологизмы, описывающие внешний облик девочек или отождествляющие на компаративной основе (эксплицированной при помощи сравнительных союзов или имплицированной форме) внешний облик девочек колыбельного возраста с различными предметами эстетического содержания окружающего материального мира.

Практически все фразеологические единицы экспрессивно-оценочного характера имеют денотативную соотнесенность с девочками колыбельного возраста, такие гендерные фразеологические единицы содержат также возрастные признаки и носят идентифицирующе-метафорический характер. Для сохранения оригинальности текстов и национально-культурного характера используемых в них фразеологических единиц переводы на русский язык осуществляются в форме, близкой к буквальному (пословному) переводу.

Многие тексты этих песен не имеют названия, поэтому в этом случае фрагменты текстов приводятся без так называемой паспортизации материала, но с указанием сборника фольклорных произведений, в котором опубликованы анализируемые нами тексты:

Биун гІарцул тІурай гъай,

Меседкунил гЮмо гъай.

Из серебра [частого] вылита она,
Золотых ниток моток она.

Эгъегун гъал бащадай

Гъунисезул меседо.

Косы [которой] до пяток доходят,
Гунибская красавица [она].

Гъалгун габур бащадай

КликIундериI сурахIи.

Шея [у неё] по длине волос,
 [Будто] кикунинцев кувшин из стекла [она].

Берциналгъа берцинай,

КъватIадзагонур барай.

Красавица из красавиц,
Улицы все [красотой] освещает [она].

Эбелалгъе йокъулей

Ракъа гъечIеб чамасдак.

Киназего хирияб

Ххам борцунеб гIарцул натI.

Мамой любимая
 Ты – финик без костей.
 Всеми ценимая,
 Ткань отмеряющая серебряная палочка [ты].

Росу бакъуль йижсарай

ЛъарагIазул меседо.

В центре села родившаяся

Кумыкская красавица [ты]

Месед цIунулеб кIуни,

ЦIоралда хъахIаб жага.

Шкатулка для золотых украшений,

Цорская белая вишня [ты].

Как показывают приведенные примеры, при описании внешней красоты девочек в колыбельных песнях используются названия национально-культурных реалий эстетического характера. Такие названия с предметным, растительным, антропным кодами культуры получившие исторически соответствующую интерпретацию, стали фемининными языковыми символами (женской красоты): *гIарцул натI* «серебряная мерка для ткани, равная по длине одному локтю (примерно 50 см.), *меседкунил гIомо* «золотых ниток моток», *кIикIундерил сурахIи* «кикунинцев стеклянный кувшин» (название стекла, из которого сделаны красивые кувшины-вазы, в фольклорных текстах часто используется для уподобительной оценки женской красоты) и т.д.

При определяемых существительных использованы определительные компоненты экспрессивно-оценочного характера. Кроме того, такие адъективные компоненты имеют мотивирующий характер, так как, конкретизируя предмет сравнения, они называют признаки, утвердившиеся в языковом сознании людей как эталоны внешней красоты:

гъунисезул меседо «гунибская (от *Гъуниб/Гуниб* – название исторически известного аварского села) красавица», *лъарагIазул меседо* «кумыкская красавца» (кумыкские женщины, которые красиво одевались, исторически считались красавицами, поэтому в разных фольклорных произведениях традиционно утвердился данный образ в качестве символа женской красоты), *ЦIоральул хъахIаб жага* «Цорская белая вишня» (по внешней красоте и вкусу славился белый сорт Цорской вишни; топоним *ЦIор/Цор*,

обозначающий белокано-закатальские земли в Азербайджане, продуктивно используется в фольклорной лирике, а также в текстах историко-героических песен аварцев, совершавших на эти земли набеги; кроме того, цветообозначение *хъахIаб* «белый» в фольклорных текстах разных жанров как самостоятельно, так и в составе сложных слов используется как языковое средство актуализации признака красоты:

хъахIаб керен «белая грудь», *хъахIгIарцул керен* «белосеребряная грудь», *хъахIгIарцул ханжар* «кинжал из белого серебра», *йокьулелъул хъахI гIарцул гъуждул* «белые, как серебро, плечи возлюбленной» и т.д.

Национально-культурные фразеологические единицы компаративно-идентифицирующего характера в текстах колыбельных песен для девочек используются не только для обозначения внешней красоты, но и других качеств, о чем свидетельствуют следующие примеры:

БагIар нагIлил гIанаби,

ГIакдал нахул кIаркъаби,

МахI гъуинаб хIавагIеч.

Румянец, словно красный рубин,

Щеки из коровьего масла,

Сладко пахнувшая айва [ты].

Вай берцинай, берцинай,

Щарил нахгIанхIеренай.

Ох, красивая, красивая,

Словно в кувшине сбитое масло, нежная.

Хайдакъалъул багIар-гIеч

Дир ГIайшат.

Подобная хайдакскому красному-яблоку

Моя Айшат.

Мугъ берцинай кочЮохъан,

ТЮох берцинай кьурдухъан.

Певица с красивой спиной,

Танцовщица на красивой крыше.

В приведенных примерах обращают на себя внимание некоторые особенности языковых средств национально-культурного характера. Так, например, в выражении *тЮох берцинай кьурдухъан* «танцовщица на красивой крыше» содержится указание на плоские крыши горских саклей, куда, как на годекан, собирались люди и устраивали веселья (картины художников с изображением на крышах танцев именно женщин свидетельствуют о таких традициях); определительный компонент *берцинай* «красивая» в данном контексте имеет смещенный характер: формально он связан со словом *тЮох* «крыша», семантически – со словом *кьурдухъан* «танцовщица (в значении «танцующая красавица»).

Ряд слов в приведенных примерах в сочетании с мотивирующими определительными компонентами выполняет функции фемининных символов оценочного характера: *хайдакъальул багIар-гIеч* «хайдакское (от *Хайдакъ* – название населенного пункта, в котором исторически славились яблоки, поэтому данный образ используется нередко в аварских народных песнях для актуализации красоты девочек/девушек).

Выражение *щарил нах* «масло, сбитое в [глиняном] кувшине [*щар*]» в поэтическом фольклоре символизирует нежность, мягкость. Такая национально-культурная метафора создает уникальность образа (обычно девочек колыбельного возраста).

Фразеологизированные выражения паремиологического характера используются и в колыбельных песнях, исполняемых для мальчиков. Обычно узуальные антропоцентрические паремиологические единицы (метафоры) оценочного характера используются не столько для обозначения внешней красоты лиц мужского пола, сколько для актуализации их внутренних качеств и свойств.

Но колыбельные песни составляют исключение (по причине актуализации возрастного признака), поэтому здесь используются паремии (=ФЕ), оценивающие отражающие как внешние эстетически значимые признаки, так и внутренние:

Меседил хатI хъвараб

Мисрияб хвалчен.

Золотом расписанный

Египетский кинжал [ты].

Гундул къокъаббацIил тIинчI,

Хехлъи гъабун кIудава гла.

Волка щенок короткоухого,

Быстрее расти большим.

Мун дир меседил хвалчен,

Хекко кIудияв гIеги.

Ты мой золотой кинжал,

Расти как можно быстрее.

ТIад рас меседилаб

Хурайсин къегIер.

Золотой шерстью покрытый

Хорасанский ягненок [ты]

ТIиндаса багIаргъоло,

Гъолокъа хъахIаб цIибил.

Тиндинская красная фасоль,

Годотлинский белый виноград [ты]

Берал берцин, цидул тIинчI

Цаби берцин, гІанкІил тІинчІ.

Глаза красивы, медвежонок [ты],

Зубы красивы, зайчонок [ты мой].

Национально-культурная специфика экспрессивно-оценочных фразеологических единиц компаративно-идентифицирующего характера и других языковых средств, использованных в приведенных примерах, создается рядом факторов. Так, например, используются топонимы, названия исторически известных населенных пунктов:

- *гьолокья* [от *Гьолокь* «Годотль» - название села],
- *хьахІаб цІибил* «годотлинский белый [обозначение внешней красоты и сладкого вкуса] виноград»,
- *тІиндаса* [от *ТІинда* – название села]
- *багІаргьоло* «тиндинская красная [обозначается сорт] фасоль»,
- *мисрияб* [от *уст.* Мисри «Египет»] *хвалчен* «египетская сабля/кинжал»,
- *хурайсин* [от Хорасан - название территории] *кьегІер* «хорасанский ягненок» и т.д.

Кроме того, использованы «мужские» (маскулинные) символы:

хвалчен «кинжал» (символ отваги, смелости),

цІудул тІинчІ «медведя щенок» (символ силы, упорства),

бацІил тІинчІ «волка щенок/волчонок» (символ смелости, проворства,

усиливаемый традиционным национально-культурным определительным компонентом,

гІундул кьокьяб «с короткими ушами»: такой волк в народе считался наиболее свирепым, отважным),

меседил хвалчен «золотой кинжал» (неожиданный образ, так как традиционно в фольклорных произведениях используется номинация *гІарцул ханжар/хьахІ гІарцул ханжар* «серебряный кинжал/из белого серебра кинжал»; использование же *меседил* «золотой», скорее, мотивируется возрастным признаком обозначаемого колыбельного ребенка, для которого гендерный признак является менее существенным.

В *фольклорных шуточных песнях* не очень продуктивно используются поговорки, имеющие отношение к гендерному признаку. Такие поговорки фразеологического характера обозначают мужские и женские качества непосредственно (прямо) или косвенно.

*Гъобо чIун батана, ирга батичIо,
Ирга хьихьун чIарав цо вас ватана.*

Мельница стояла, и не дошла очередь [моя],

Нашла юношу, кто за очередью следил (букв. «ухаживал»).

(«Эбелаль гьабихъе йитIарай ясалъул кечI»/

«Песня дочери, отправленной на мельницу матерью»)

*Симис-гIарцул явлухъ гIадатIаги бан,
ЯчIун тIаде цвана чIухIарай Лайла.*

Платок с золотой бахромой на голову надев,

Пришла, появилась красавица Лайла.

Цакъ берцинай меседу,

Рос гьечIолъи гурони,

Жинда багъана гьечIей.

Прекрасная красавица,

Разве только мужа нет,

Другого изъяна нет [в остальном совершенна].

Мокъокъ кколеб къвекIаб цIум.

Хадув мун вортанани,

Куркъбал хъахIаб хъахIмикки

ХъахIил зодий йортина.

Охотящийся на куропаток отважный орел,

Если ты будешь гнаться за мной,

Белокрылая голубка [я]

В синее небо взлечу.

ВагIалайкуму салам,

XIamIал багIараб мокъокъ.

Ваалейкуму салам,

Красноногая куропатка.

В приведенных примерах использованы традиционные для аварского языка (песенного фольклора) оценочные фразеологические единицы национально-культурного характера:

xIamIал багIараб мокъокъ «с красными ногами куропатка» (использован фемининный зооморфный восточный символ изящней походки женщины *мокъокъ* «куропатка», усиливаемый определительным компонентом),

куркъбал хъахIаб хъахIмикки «белокрылый голубь» (использован символ женской красоты, изящества *микки* «голубь», продуктивно используемый в фольклорной любовной лирике),

къвекIаб цIум «отважный орел» (фразеологический образ с маскулинным символом *цIум* «орел» основан на зооморфной метафоре),

чIухIарай Лайла «красавица Лайла» (использовано женское имя Лайла, олицетворяющее прекрасную возлюбленную/красивую женщину; образ заимствован из восточной поэзии).

Вместе с тем встречаются уникальные (поэтому неожиданные) фразеологические образы типа *ирга хъихъун чIарав* (*ирон.*) «ухаживающий за очередью» [на мельнице]//*букв.* «нянчащий очередь» (фразеологический образ построен на основе необычного сочетания отвлеченного понятия и названия конкретного действия, потому такое сочетание носит семантически несовместимый характер, на чем, собственно говоря, и построен фразеологический образ).

Гендерные национально-культурные фразеологические единицы продуктивно используются в *фольклорной любовной лирике* и в так

называемых по жанру *коротких стихах*. Поскольку любовная лирика нередко строится на диалогах юноши и девушки, то по специфике объекта этих песен используются как фемининные, так и маскулинные национально-культурные фразеологические (= паремиологические) образы, построенные на получивших исторически метафорическую интерпретацию «мужских» и «женских» языковых символах.

Такие фразеологические образы соотносятся с разными кодами культуры – с зооморфным, растительным, природным, соматическим и т.д. Проведем анализ по группам:

1) фразеологические образы, соотносительные с соматическим кодом культуры (построенные на соматической символике):

Гьудул йижун йиго, дир ракI бахъуней.

Рогьалиль ахIулелб хIинчI гIадиной яс.

Живет подруга, отнимающая у меня сердце,

Подобная птице, поющей по утрам.

Тун ана дир гьинал ракI,

Гьев васасда рокьи ккун.

Оборвалось мое родное сердце,

Из-за любви к этому юноше.

Гьадав васго лъил эбел,

ГьададигIан берцинав?

Досухъ бахъун араб ракI

Жеги нахъе буссинчIо

Кто же, мама, этот юноша,

Настолько красивый?

Ушедшее за ним сердце,

Больше ко мне не вернулось.

Тад чеглерал мачуял,

Мокъокъил гадал хIатIал.

Надеты черные [кожаные] чувяки,

А ноги как у куропатки

Дир чехьальул эмен – Шамилил наиб,

Щайзе дуй гIурусал, дир гIамалберцин.

Отец мой родной (букв. «утробы отец») – наиб Шамиля,

Зачем тебе русские, мой красивого характера [отец]?

Щобазде балагье, хьергьудул берал,

ГIазиздай хутIила, хвелдай гIунтIила?

Посмотри на горы, соколиные глаза,

Буду ли страдать [я], или смерть наступит?

Чорхол рокьи бергьун, гьан турулелъул,

ХIангIарцул керенги биунев буго.

От большой любви тает мое тело,

И грудь [=сердце] серебряно-белая тоже тает.

ЧохтIий харай босе, хьергьудул берал,

Нахъ балагьарай дун кIючон течIого.

Купи для чохто [жен. головной убор] шелк, соколиные глаза,

Тоскующую по тебе меня не забудь.

ЦIа бакараб кор гIадин,

Гьалдолеб буго дир керен.

Словно от жара в глиняной печи [кор]

Кипит моя грудь [от жара любви].

Во всех приведенных выше национально-культурных по лексическому составу и специфике образов фразеологических единицах использованы названия частей тела человека, что делает эти образы соотносительными с соматическим и одновременно с антропным кодом культуры гендерного характера. Контекст использования фразеологических образов делает их также стилистически окрашенными, экспрессивно-оценочными:

- *керен гьалдолеб буго* «кипит грудь/сердце»,
- *хьергьудул берал* «соколиные глаза» (использован «мужской» символ отваги *хьергьу* «сокол»),
- *керен биунеббуго* «грудь/сердце тает»,
- *тлун ана ракI* «оборвалось сердце» (обозначаются физические действия, состояния, происходящие с сердцем) и т.д.

Необычно использован экспрессивно-оценочный образ *чехьалъул эмен* «родной отец» (букв. «живота отец»), обычно такой образ имеет отношение к родной матери (на коннотативной основе, на наш взгляд, произошло смещение образа с матери на отца: здесь имеет место своеобразное выравнивание маскулинного и фемининного образов по принципу аналогии).

Что касается зооморфного компаративного образа *мокъокъил хIамIал* «куропатки ноги» (об изящной женской походке), то он в аварском фольклоре является сквозным, проходящим через тексты фольклорных произведений разных жанров.

2) фразеологические образы, соотносительные с зооморфным кодом культуры (построенные на зооморфной символике):

Гадамал хIайранаб

Хежалъул микки.

Изумляет людей [красотой],

Птица, обитающая в Мекке (букв. «птица хаджа»).

Борхатаб магIарда

Чан гIадинай яс.

В высоких горах,
Девушка, подобная газели.

*Вай дие ххиряб къвекIаб цIудул тIинчI
 Къваридгодай бугеб цвараб бакIалда?*

Дорогой для меня отважного орла птенец,
 Мучаешься ли там, где оказался?

*Борхатаб къурда чIолеб
Кьер меседилаб микки.*

Обитающая на высоких скалах,
Золотого цвета голубь.

*Уноге ЦIоралде, гIундул къокъаб бацI,
 Мун ЦIоралде ани, цIоролин керен.*
 Не ходи в Цор, волк с короткими ушами
 Если отправишься ты в Цор, остынет моя грудь [сердце].

*Къурул щобда букIунеб
Габур берцинаб микки.*

Обитающий на скалистых высотах
Голубь с красивой шеей.

*Дир квералдаса ана
Бахъинаб тайлан.*

Улетел из моих рук
Отважный сокол [мой].

В приведенных примерах использованы как маскулинные (*къвекIаб цIудултIинчI* «отважного орла птенец», *гIундул къокъаб бацI* «волк с короткими ушами» [оценочный символ отваги], *бахъинаб тайлан* «отважный

сокол» [*тайлан* – название сокола, обычно используемое в фольклорной любовной лирике, текстах плачей и баллад]), так и фемининные фразеологические образы: *хЕжалъул микки* «хаджа голубь» (образ соотносится с религиозным кодом культуры), *къер берцинаб микки* «красивого цвета голубь» = «о красивой изящной девушке», *чан гIаднай яс* «газели подобная девушка» (о красивой грациозной девушке). Практически все образы такого типа являются уподобительно-идентифицирующими, поэтому как по структурной организации, так и по семантической структуре являются компаративными.

В части приведенных и других такого типа фемининных и маскулинных образов используются определительные компоненты, выраженные генитивной формой родительного падежа и формирующие национально-культурные коннотации: *хЕжалъул* (микки) «Каабы [хаджа] (голубь)», *гIундул къокъаб* (бацI) «короткоухий (волк)», *бахьинаб* (тайлан) «отважный (сокол)», *габур берцинаб* (микки) «красивой шеи (голубь)» и т.д.

При этом определяемые зооморфные компоненты выполняют символические функции, переносно обозначая лиц мужского или женского пола: *микки* «голубь» (символ красивой, изящной девушки), *бацI* «волк» (символ отважного юноши), *цIудул тIинчI* «орла птенец» (символ отважного юноши) и т.д.

3) фразеологические образы, соотносительные с природным кодом культуры (построенные на природной символической метафоре):

РукIкIиндал бачIунѐб, цIураб шагъри моцI,

Жегѐ дур бадѐе балагъичIо дун.

С темнотой восходящая, круглая луна,

Не посмела еще посмотреть в глаза твои.

Шагъасул рокъобе байха гъоболлъѐ,

Щобал цIун бачIунѐб зодил багIар бакъ.

Погости же ты в доме шаха,

Освещающее холмы небесное красное солнце.

Цураб шагьримоцI буго

Дур авалалда баккун.

Полная (круглая) луна

Взошла над твоими просторами.

Природный код в фольклорной любовной лирике формируется, как свидетельствуют приведенные примеры, в основном посредством участия названий небесных светил. В основном такие гендерные фразеологические единицы обозначают внешний облик мужчин или женщин.

Обозначая признак красоты, эти маскулинные и фемининные образы выражают в целом положительные коннотации. Легкая ирония при портретном описании обычно присутствует в шуточных фольклорных стихотворениях, в которых парень и девушка взаимно иронизируют друг над другом.

4) гендерные фразеологические единицы, в которых в переносных метафорических значениях используются названия предметов одежды или обуви, которые по менталитету носителями аварского языка воспринимаются как значимые в эстетическом плане:

багIар мачуял «красные чувяки», *хъахIаб гормендо* «белый платок», *багIар дарайдул горде* «платье из красного шелка», *чегIераб буртина* «черная бурка» и т.д.

Однако по сравнению с соматическими, например, или зооморфными метафорами, лежащими в основе гендерных фразеологических образов, характеризующие единицы употребляются непродуктивно. Интерес в этом случае представляют метонимические номинации лиц по деталям их одежды или обуви.

Радал йахун унеб чIарал хурие,

ЧIарал хуриб берцин чIегIар чакмаял.

У утра отправляешься [ты] поле полоть,

Даже в поле красивы черные сапожки.

Гъал гIурччинал чакмай дир,

Пину гъечIел хьитал дур.

У меня вот зеленые сапожки,

У тебя же обувь, не имеющая подошвы (букв. «дна»)

В таких примерах цветковые прилагательные как полной, так и краткой формы употребляются для актуализации признака красоты (ср. *гIурччинал чакмаял* «зеленые сапожки», *чIегIерал мачуял* «черные [=из черного сафьяна] чувяки», *багIар чакмаби* «красные (=красивые) сапожки» и т.д. Адъективно-субстантивные сочетания с названиями деталей одежды или обуви в качестве определяемых компонентов формируют гендерные фразеологические образы, переносно (метонимически или метафорически) и оценочно характеризующие лиц мужского или женского пола.

5) национально-культурные фразеологические единицы, соотносительные с антропным кодом культуры (построенные на основе антропной метафоры):

Гемерай гаргадуге,

Чачаназул меседу.

Много не разговаривай,

Красавица чеченская.

Хекко нахъе вусса, ясазул тохтур

Вижараб росулье ракI цIараб мехаль.

Быстро возвращайся, целитель девушек,

В родное село когда сердце потянет.

Къерилав, къерилав, къибил гIарцулав,

Къурун дуца гуриц дир ракI бахъараб?

Сверстник, мой сверстник из рода серебряного [высокого]

Отнял ты у меня сердце, скрутив, безвозвратно.

В двух из приведенных примеров используются фразеологические образы, соотносящиеся с разными кодами культуры – с антропным и соматическим. Антропные метафоры *кьибил гIарцулав* «из серебряного [достойного, высокого] рода» с традиционным для аварского песенного фольклора определительным компонентом *гIарцулаб* «серебряный», актуализирующим концепт «красота», и *ясазул тохтир* «целитель девушек» использованы для формирования подчеркнуто положительных коннотаций, что делает их экспрессивно-оценочными.

Соматические компоненты в обоих гендерных фразеологических образах содержат компонент *ракI* «сердце», связанный с тематикой анализируемого материала (развивается тема любовных чувств).

Обращает на себя внимание и антропная метафора *чачаназул меседо* «красавица чеченская», используемая часто в колыбельных песнях, исполняемых для девочек, и в аварских народных песнях о любви (особенно построенных в диалогической форме, когда субъектами речи выступают влюбленные юноша и девушка).

В этом плане наиболее употребительны антропоцентрические метафоры *гьунисезул меседо* «красавица гунибская», *лъарагIазул меседо* «красавица кумыкская», *чачаназул меседо* «чеченская красавица». В силу постоянного состава и традиционности образов определительные компоненты в таких случаях значимы не столько в плане указания на национальный или территориальный признак красивой девушки, сколько в экспрессивно-оценочном.

б) в ряде примеров используются национально-культурные фразеологические единицы, соотносительные с предметным кодом культуры. В таких гендерных метафорах часто используются наименования функционально значимых предметов специального назначения с определительно-оценочными компонентами (*нуралъул чирахъ* «света/сияния светильник», *магIул къали* «слез кали» [*къали* – мерка для зерновых]) или

названия эстетически значимых предметов (*кьурараб месед* «скрученное золото», *гIарцул бекI* «серебряная пуговица», *багIараб месед* «красное золото»):

Гюдоеги кьулун, къали магIилтIун,

Къоял ина, васав, дур гIазабазда.

Опустив голову, слез море (букв. «слез *къали* «кали») проливая,
Пройдут дни мои, юноша, в муках [любви].

Ва, багIараб месед, ва, росу берцин,

Дур бицун сурана дун гIадамазда.

Ох, [ты] красное золото, ох, [ты] из красивого села,
О тебе много говорила, людям опротивела я.

Ракьалда нур балеб, нуралъул чирахъ,

Чидае нур баге, гьадин дунги тун.

Освещающий землю, сияющий светильник,
Чужим ты не свети, оставив [в муках любви] меня.

Къае дун каранда, къараб гIарцул бекI

Каранда рекIараб цIа сунаребдай?

Прижми меня к груди, серебряная пуговица [ты мой],
Может, погаснет пламя любви моей на сердце?

Дун дуе кьоларо, кьурараб месед,

Къолон бачIараб чу рагъте гьуниги.

Не отдадут меня за тебя, скрученное золото,
Если даже оседланный конь пригонишь во двор.

Определительные компоненты по отношению к определяемым метафорообразующим компонентам в имплицированной форме выполняют мотивирующие причину номинации функции: золото дорогое [потому что]

скрученное; пуговица красивая [потому что] сжата/=слита [*къараб*] мастером по серебру; золото красивое [потому что] красное и т.д.

В аварском фольклорном материале представлены так называемые по жанровой специфике *короткие стихи*. Фразеологические национально-культурные единицы, в основе которых лежат различные культураносные метафоры, используются и здесь.

Наиболее продуктивно в коротких стихах употребляются фразеологические единицы, соотносительные с зооморфным кодом культуры, дающие возможность номинировать качества лиц мужского и женского пола путем сравнительного уподобления. В качестве таких ключевых зоонимов, формирующих в их оценочно-переносном употреблении метафорические национально-культурные образы, обычно выступают следующие слова:

а) «мужские» символы: *итаркЮ* (*уст.-поэт.*) «сокол» (символ свободы, отваги), *жайран* «конь»- *поэт.* (символ грациозности, силы) и т.д.

б) «женские символы»: *микки* «голубь», *мокъокъ* «куропатка» (символизирует изящество походки женщины, её собранность, четкость в действиях) и др.

Цоралдаса вачИнчЮ

Милъир хъахІаб итаркЮ.

Не вернулся из Цора

Сокол белоногий.

Сурма миккидул гІадаб,

Сабураб рилълъиналъухъ

Бахъун буго чорхол рухІ.

За походкой такой,

Как у сизого голубя,

Вся душа моя ушла.

Ихдал хариль ахДолеб

ХIатIал багIараб мокъокъ,

Къварид бугин дир керен.

Поющая весной в травах,

Красноногая куропатка,

Сердце по тебе мое тоскует.

Меседил жсал бугеб жайран рекIараб,

Жаниса туризе тоге дун гьадин.

Конь [мой] с золотой гривой,

Не оставляй меня так страдать изнутри.

В отдельных примерах на зооморфный код культуры накладывается соматическая метафора (ср. *къварид буго дир керен* «тоскует мое сердце», *жаниса ракI туризе* «изнутри сердце гнить/развалиться [от любовной тоски]). Сочетание таких метафор, лежащих в основе национально-культурных компаративных фразеологических образов, усиливает коннотации и формирует оценочные значения. Усилению экспрессивно-оценочных значений способствуют и определительные компоненты при метафорически употребленных зоонимах:

хIатIал багIараб (мокъокъ) «ноги красные [у которой] // красноногая (куропатка), *сурмияб микки* «сизый голубь», *меседил жсал бугеб жайран* «с золотой гривой конь/златогривый конь» [сказочный] и др.

В коротких стихах употребляются и другие национально-культурные гендерные фразеологические единицы, соотносительные с разными кодами культуры:

а) с растительным:

МагIарда манарша тIегь,

Тюгьиб месед бекъараб.

В горах растущий цветок фиалки [ты],

С золотой верхушкой.

Борхатаб магIарда чамасдакил гъветI

Гъеб гьурицудейги дун, бициудейги дун.

В горах высоких финиковое дерево [ты],

Трясу его я и [плоды] собираю.

б) с природным:

Рогъалил цIва гIадай,

ЦIар арай гьудул,

ЦIоролиц гьарурал

Гъел дур гIанаби?

Подобная утренней звезде,

Прославленная подруга,

Из стекла ли сделаны,

Эти твои щеки [красивые]?

в) с предметно-вещным:

Названия предметов здесь выполняют символические функции, обозначая различные качества лиц мужского и женского пола:

Борхатаб кьурулъе кьоялги лъоге,

Дурго кьолбохъ вукIа, кьурараб месед.

К высокой скале не строй мосты,

Оставайся в своем роду, скрученное золото [ты].

КIиялгоги рекъон гьабураб кьотIи

ГьоцIцIолъун тIинкIана тIулил вацазде.

Клятва, вдвоем вместе произнесенная,

Медом капнула на родных (букв. «печени») братьев.

Алжаналъул тIегъ гIадаб, тIогъилаб чухъа,

Тул бикъун гьоркъоса ракI бахъун ана.

Подобная райскому цветку, желтая черкеска,
Забрала, расколов печень, сердце изнутри.

Шагьасул хвалчада бекъараб гIарац,

Мун вокъарай дие вокъиларо чи.

Золотом украшенный кинжал [ты] шахский,

Полюбила тебя я, не полюблю никого.

Фольклорно-поэтические фразеологические образы, употребленные в этих и других примерах, отличаются национально-культурной символикой как на денотативном, так и коннотативном уровнях:

борхатаб кьури «высокая скала» (о девушке из высокого рода»), *къоял лъезе* «строить мосты» (в знач. «налаживать отношения с родственниками девушки на выданье»), *тIогъилаб чухъа* «желтая черкеска» (о юноше в желтой черкеске – метонимический перенос), *хвалчада бекъараб гIарац* «золотом украшенный кинжал» (о юноше высокой чести и достоинства), *къурараб месед* «золото высокой пробы» (букв. «скрученное золото» - о юноше), *ракI бахъун ине* «страстно влюбиться» (букв. «сердце оторвалось и ушло»), *тIулил вац* «родной по матери, единоутробный брат» (букв. «печени брат» - фольклорная метафора, часто используемая в текстах аварских баллад: см. об этом ниже).

В аспекте поставленной нами проблемы особый интерес представляют тексты *аварских фольклорных историко-героических песен*. Поскольку в таких фольклорных произведениях речь идет о героических сражениях в прошлом с внешним врагом, а также о внутренних конфликтах, то, естественно, здесь при помощи различных языковых средств, в том числе национально-культурного характера, обрисованы образы воинов, в связи с чем, в первую очередь, используются средства маскулинного характера, мужская символика.

В тех же эпизодах, в которых изображаются страдания женщин (матерей, сестер, жен), потерявших сыновей, мужей, братьев в военных

походах и набегах, а также в сражениях с внешним врагом (например, с войсками Надир-шаха), используются как лексические, так и фразеологические средства национально-культурного характера.

Используемые в текстах героических песен национально-культурные фразеологические образы соотносятся с различными кодами культуры, поэтому здесь используются чаще «мужские» языковые символы, в меньшей степени используется фемининная символика.

1) фразеологические единицы, соотносительные с зооморфным кодом культуры, построенные на основе переносно-оценочного употребления названий животных, с которыми по разным качествам уподобляются лица мужского пола; такие зоонимы выступают в качестве маскулинных символов обозначения чаще положительных качеств воинов.

При отрицательной по тем или иным причинам характеристике воинов (например, воинов Надир-шаха) используются средства негативной оценки, в том числе фразеологические образы:

*Гпяде къачIараб, гъанда бацI гIадин,
КъачIана Таймас-хан Дагъистаналде.*

Как волк с коротким хвостом, собирающийся на овец напасть,
Собрался Таймас-хан на Дагестан напасть.

(«Надир-шагъ шуцухъ виххизави» - «Разгром Надир-шаха»)

РекIель чаран бугел гъабацIул хIанчIи...

В сердце сталь имеющие льва щенки.

(«Хайдакъалде аразул кечI» - «О походе на Кайтаг»)

*КъватIив вахъа абе гъев Аргъутида,
Мусудул къакъалев челераб бугъа.*

Пусть покажется тот самый Аргъут,
Красавиц покоряющий черный бык.

(«ХIажимурадил хIакъалъль кечI» - «Песня о Хаджимурате»)

*ЧухIарал гухIазда сангар къалелъул,
Жакъа вугевани гIундул къокъаб бацI.*

На красивых холмах укрепления когда строим,
Был бы сегодня [с нами] волк с короткими ушами.

(«*XIажимурадил xIакъалълъ кечI*» - «Песня о Хаджимурате»)

*МагIарухъ хванани, чIухIараб гъалбацI,
Хъизаналъул ургъел лъица гъабилеб?*

Если погибнет в горах гордый [наш] лев,
Кто же о семье будет заботиться?

(«*ГъалбацIиласде*» - «О Галбацилаве»)

*Рагъуй гъира бугел, гъараде цIакъал,
ГъалбацIидул тIанчIи – тIадмагIарулал.*

Жажущие битв, страстные в бою,
Львьятам (букв. «льва щенкам») подобные аварцы-горцы.

(«*Япониязулгун рагъ*» - «Война с японцами»)

Чармил ракI гъурав гъалбацI,

Ахбердилав, мун чIвайдал,

Чунтун ккана Дагъистан.

Лев со стальным сердцем,
Ахбердилав, когда тебя убили,
Словно разрушился Дагестан.

(«*Ахбердиласде*» - «Ахбердилаву»)

Бихъула, Нуцалхан, рацI гъечIониги,

Царал гIамал буго, гIунги тIокIаб дур.

Вижу, Нуцалхан, хотя нет [у тебя] хвоста,

Но есть лисы повадки, более чем достаточные.

(«Хучбар» - «Хочбар»)

БацIил гIамал бугел гьал магIарулал

Метериса лъала дуда гьезул хIал.

Волка нрав имеют наши аварцы,

Завтра узнаешь ты, каковы они.

(«Надир-шагь щуцахъ виххизави» - «Разгром Надир-шаха»)

В приведенных примерах в основном употребляются названия зверей, традиционно воспринимаемых носителями аварского языка в качестве «мужских символов»: *гьалбацI* «лев», *бацI* «волк», *гьалбацIил тIанчIи* «льва щенята», *бугьа* «бык, бугай» (использованы названия сильных животных, соответствующие мужской символике).

Экспрессивно-оценочные (коннотативные) значения таких переносно употребленных зоонимов усиливаются определительными компонентами:

гIундул къокъаб (бацI) «с короткими ушами (волк), *чIухIараб* (гьалбацI) «гордый» (лев), *чармил ракIгьураб* (гьалбацI) «(лев) со стальным сердцем» и др.

2) вторую группу образуют национально-культурные фразеологические единицы, соотносительные с предметным кодом культуры. В качестве названий таких национально-культурных предметов выступают следующие наименования: *ханжар* «кинжал» (символ мужской отваги, доблести), *чаран* «сталь» (символ мужской стойкости, твердости духа), *лочнол хоно* (перен.) «сокола птенцы».

Гададани хвечIо нижер Хочобар,

КIуго лочнол хоно бекун гурони.

Не напрасно погиб наш Хочобар,

Взял с собой двух соколиных птенцов.

(«Хучбар» - «Хочбар»)

Чанги солдат сукIараб

Сухайил мисри хвалчен!

Сколько солдат уничтожил

Сурхая египетский кинжал!

(«АхІулгохІ» - «Ахульго»)

РекІель чаран бугев чанги чохъияв

Чаран хвалчабигун къачІана рагъде.

В сердце сталь имеющие [=отважные] чохинцы,

Со стальными кинжалами собрались на войну.

(«Чохъ ккараб рагъ» - «Сражение в Чохе»)

РекІель чаран бугев чанги гЮлилав

Чарххида хвалчен ккун, къачІан рагІула.

В сердце сталь имеющие крепкие юноши,

Поточив кинжалы, собираются сражаться.

(«Рекъав Ражбадиниде» - «Песня о хромом Ражбадине»)

Щобдаса гирулеб гъорчо гІадинан,

Гирун гІурде ана малгІунил бетІер.

Словно камень, катящийся с гор,

Скатилась голова проклятого на луг.

(«ХІажимурадил хІакъальлъ кечІ» - «Песня о Хаджимурате»)

В приведенных примерах обращает на себя внимание один уникальный фольклорный маскулинный образ *лочнол кІуго хоно* «два яйца (=птенца) сокола», использованный в известной исторической песне «Хучбар»: *Хучбар* – легендарный бесстрашный народный герой/заступник из села Гидатль был коварно приглашен хунзахским нуцалом/ханом в Хунзах с целью его убийства путем сожжения на костре. В песне описывается ситуация, когда Хучбар, исполнив перед смертью песню, сам прыгает в костер, захватив в

один миг двух сыновей нуцала, которые переносно в песне называются *кӀиго лочнол хоно* «два соколиных яйца-птенца» (=юные сыновья нуцала).

Другие фразеологические единицы национально-культурного характера не образуют каких-либо значительных в количественном отношении групп, хотя сами по себе образы интересны как в денотативном, так и в коннотативном аспектах:

Сверухъ цӀар рагӀарай Сурхайил ГӀайшат...

Прославившаяся вокруг Сурхая Айшат.

(«*Надир-шагъ цуцахъ виххизави*» - «Разгром Надир-шаха»)

КъургӀанида квер чӀван гъаялги гъарун,

Сангаразда тӀасан байрахъал чӀвалин...

Положив на Коран руку, поклявшись так,

На укреплениях водрузим флаги победы...

(«*Чохъ ккараб рагъ*» - «Сражение в Чохе»)

Хунзгин цӀунтӀал цванин, цвараб гӀор гӀадин...

Хунзахцы и цунтинцы прибыли, словно наводнившаяся река

(«*Чохъа хъала бахъи*» - «Захват крепости Чох»)

КъотӀаби гъаруна гъал гӀолохъабаз,

БетӀер къотӀаниги, рекъел гъечӀилан.

И клятвы дали эти юноши,

Что не будет мира, если даже головы отрубят.

(«*Росо бухӀи*» - «Сожжение села»)

Гъанже гӀадамазе хабар бицилин

Халкъалда цӀар арав багъадурасул.

Теперь историю для людей расскажем

О герое, прославленном среди людей.

(«*ХӀажимурадил хӀакъальлъ кечӀ*» - «Песня о Хаджимурате»)

Жакъа хваралазе – хвелги шагьйдаб,

Нахъе хутIаразе – цIарги кIудияб.

Для тех, кто погибнет сегодня, – смерть святая.

Тем, кто останется – слава большая (букв. «имя большое»)

(«*ЧIарахъа ШагIбан*» - «Шабан из Джара»)

В приведенных и некоторых других фразеологических единицах использованы традиционные для аварского языка образы *цIар рагIав/й* «известный, прославленный» (букв. «имя [которого/которой] слышно/=известно»), *цIар арав* «известный всем» (букв. «имя которого пошло/стало известным»), *цIар кIудияб* «имя/слава большое». Все эти образы связаны с известностью личности, поэтому в составе соответствующих номинаций употребляется компонент цIар «имя». Это могут быть случаи известности человека по его благим деяниям, справедливым и правильным поступкам в жизни, внешней красоте (например, выше приводился пример, имеющий отношение к жене Казикумухского хана Сурхая Айшат) или же по отваге лиц мужского пола, в сражениях в период Кавказской войны времен имама Шамиля. Усиление значения данной фразеологической единицы достигается расширением его валентности, словами, обозначающими как бы пространство известности человека: *сверхухъ цIар рагIарай* «вокруг известная», *халкъалда цIар арав* «известный народу/среди народа».

Национально-культурную специфику имеет и фразеологизм *КъургIанида квер чIван* <рагIи кьезе, гьедизе> «положив руку на Коран <дать слово, клясться>, соотносящийся с религиозным кодом культуры. Экспрессивно-оценочный оттенок имеет компаративный фразеологизм *щвараб гIор гIадинан* «как наводнившаяся (букв. «пришедшая» река»), который содержит семы, связанные как с обозначением «силы, натиска», так и с «быстротой»: переносно обозначается горячность, необузданность группы лиц мужского пола (для характеристики одного лица данный фразеологизм не употребляется), поэтому субъектный акт при данном

фразеологизме должен иметь форму множественного числа или обозначать совокупную множественность, как в примере, приведенном выше: *хунзгин цунтIал шванин, швараб гIор гIадин* «хунзахцы и цунтинцы прибыли, словно наводнившаяся река» [для участия в сражении].

В аспекте поставленной проблемы интересен материал такого жанра фольклора, как народные плачи. В отдельных случаях содержится указание на автора плача и на причину оплакивания. Тем не менее, в большинстве своем тексты изданных плачей даются без названия и без автора: характер текста свидетельствует о том, какой повод послужил причиной плача [Аварские народные песни, 2001:387-416].

Языковая специфика, особенности использования тех или иных экспрессивно-оценочных изобразительно-выразительных средств зависит от того, лицу какого поля (мужского или женского) посвящен текст плача. Имеет значение также возрастной признак (например, плач по случаю гибели маленькой девочки или еще незамужней девушки).

В ряде плачей используются компаративные адъективно-субстантивные сочетания, поэтически называющие лицо, по случаю смерти которого сочинен текст плача. Значение сравнения здесь строится на метафорической основе или употребляются формальные средства выражения сравнения. Метафорически употребленные в составе фразеологических единиц субстантивы сопровождаются оценочными адъективами (прилагательными или причастиями).

Все такого типа национально-культурные фразеологические выражения оценочно характеризуют лицо женского или мужского пола, по этой причине создаваемые ими образы соответственно имеют маскулинный или фемининный характер:

гIарцул матIу «серебряное зеркало», *пилил магьи* «слоновая кость», *чинаридул гьветI* «дерево чинары», *замзамалъул ицц* «роднике замзама [священной воды]», *шагъри моцI* «полная/круглая луна», *зодил тIавус* «небесная птица», *меседил сагIат* «золотые часы», *дарайдул горде*

«шелковое платье», *кълбаялъул цІва* «звезда востока», *меседил матІу* «золотое зеркало» и др.

В некоторых случаях и без текста плача по типу номинации можно заметить, лицо какого пола характеризуется языковыми средствами указанного характера:

Дарайдул горде «шелковое платье» (метонимический перенос, когда название одежды используется для обозначения лица женского пола), *чинидул сурат* «фарфоровое лицо» (о женщине), *махІ берцинаб тІегъ* «ароматный цветок» (о женщине) и т.д.

Вместе с тем в плачах не всегда имеет место четкое разграничение во фразеологических средствах оценки лиц мужского и женского пола: *гІарцул матІу* «серебряное зеркало», *пилил магъи* «слоновая кость» (о женщине и мужчине).

Плачи сочинялись и исполнялись женщинами, поэтому очевиден их гендерный характер и то, что в эмоциональном состоянии плакальщица дает оценочные характеристики, не различая оплакиваемых лиц по признаку пола и подбирая красочные средства фразеологического (метафорического) характера.

РагІарабиц, вацал, панаяб хабар,

Пилил магъиялда тІаде ракъ хъвараб,

ГІарцул матІуялда тІад къаву чІвараб?

Слышали ли, братья, плохую весть,

На слоновую кость загребли землю,

Серебряные часы ржавчиной покрылись.

(«*Шамил имамасул вас ГъазимухІамадиде*» -

«Плач по сыну имама Шамиля Газимагомеду»)

Хъат къабун чи чІвалеб чинаридул гъветІ,

Чияр мегІералда хвараб гІадада.

Дерево чинары, ударом убивающее человека,

В чужих горах напрасно погиб.

(«Малачиласде» - «Плач по Малачилаву»)

Мусудузде гъорлъе чинидул сурат,

Чани҃улги угъдана, дур бицун керен.

Среди красавиц у тебя фарфоровое лицо,

Много раз страдало сердце, говоря о тебе.

Черхалда рекъараб дарайдул гурде,

Дурго эбелалда щайдай гурхичей?

Подходящее телу шелковое платье,

Что же не пожалела ты свою мать?

Ракъалда баккараб замзамалъул ици,

Къезего цвечлого, тIерхъана ракъуль.

Из земли пробившийся родник замзама,

Не успела насладиться, ушел в землю [ты].

Дир кодоса ана цо зодил тIавус.

Ушла из моих рук небесная птица.

Кисинибе бугеб меседил сагIат

ТIохъилъун биана, ана ракъулье.

Золотые часы, что носят в кисете [кармане],

Растаяли свинцом, ушли в землю [сырую].

Дуниял къалъараб къилбаялъул цIва,

Къваридгойиц тарай гъанже дуца дун.

Освещающая весь мир звезда востока,

Страдать оставил теперь ты меня.

ХъахIаб рокъоб балеб меседил матIу,

Лъурабищ мусудуль хирияб месед.

Золотое зеркало, что висело на белой стене,

Завернули в саван золото дорогое.

Как и в балладах, в плачах в составе гендерных фразеологизмов используются фольклорно-поэтические номинации с соматическим кодом культуры (с названиями *тIул* «печень», *чехь* «живот»), которые в узусе не используются: *тIул бикъарав вац* «родной [по матери] брат» (букв. «печень поделивший [одной печени] брат», *чехьалъул эбел* «родная мать» (букв. «утробы мать»))

РагIанищ, гIадамал, гьадинаб хабар,

Цо тIул бикъарав вац – вукъизе ккараб.

Слышали ли, люди, такую весть,

Родного брата пришлось хоронить.

(«Унсоколоса ГIусманиде яцалъул магIу» -

«Плач сестры по Осману из Унцукуля»)

Щиб дица гьабилеб чехьалъул эбел,

Чани ракъульги лъун, кин дун йикIиней?

Что же мне делать, родимая мать,

В землю фарфор положила, как же мне быть?

Вореха угьдуге, чехьалъул эбел,

Чанги лачен араб хабал къаникъе.

Нет, не страдай так, родимая мать,

Сколько соколов похоронено в земле!

Кибего гвангъараб хинаб шагъри моцI

Дие бецIлъун бугин, тIулдил вац хведал.

Освещающая все вокруг круглая луна,

Для меня стала темной, как умер родной брат.

В текстах плачей в соответствии с их тематикой и стилистикой употребляются адъективно-субстантивные фразеологические единицы, не только метафорически номинирующие лиц, но и различные обстоятельства, связанные с лицами мужского и женского пола. В этом плане представляют интерес метафорические фразеологические единицы глагольного типа:

мурадалда къвал жемизе «исполниться желаниям» (букв. «обнять желания»), *нахъ руссунарулъуре<ине>* «туда, откуда возврата нет» <уйти>, *ракъуль тIерхъине* «исчезнуть, погрузившись в землю», *ракъуль лъезе* «положить в землю» (=похоронить) и др.

БитIун мурадалда къвал жемулаго,

Къадар батараб куц дие хIадурун.

Ровно, когда достигла желаний (букв. «обнимать стала желания»),

Судьба оказалась плохой для меня.

Гурдалъан баккулеб махI берцинаб тIегъ,

Ракъулье гъебги дъун, кин дун йикIиней?

Растущий на лугу ароматный цветок,

Положив его в землю, как буду я жить?!

В плане использования охарактеризованных выше национально-культурных фразеологических единиц с компонентами-соматизмами *тIул* «печень» и *чехъ* «живот», обозначающих родственные отношения, представляют интерес тексты аварских фольклорных баллад.

Тексты аварских баллад в лингвистическом и лингвокультурологическом аспектах исследованы недостаточно. Фольклорная фразеология, представляющая интерес для национальной аварской языковой картины мира, в системно-комплексном плане исследована в недостаточной степени. Рассматриваемый фразеологический материал аварских баллад в научный оборот вводится и интерпретируется впервые, что свидетельствует об актуальности поднимаемой нами проблемы.

Об актуальности изучения номинаций с соматическим кодом культуры и проблем антропоцентричности языковых единиц свидетельствует и то, что они изучаются на материале различных дискурсов разных языков как в формальном, так и функционально-семантическом аспектах [Гаджиметова, Самедов, 2019: 81-86; Болдырев, 2015: 5-12; Шахбазова, 2018: 90-94; Магадова, 2014:190-194].

Материал для исследования нами был собран из двух источников: «Героические песни и баллады аварцев» (2003) и «*Аваразул халкъиял кучИдул*/Аварские народные песни» (2001). Особо следует подчеркнуть материал баллад, так как аварская баллада, как отмечают исследователи аварского фольклора, изучена в недостаточной степени [Ахлаков, 2003:9], а в лингвистическом и лингвокультурологическом аспекте в силу неизученности, представляет особый интерес.

Прежде всего, в текстах аварских баллад обращают внимание часто повторяющиеся фразеологические единицы с компонентами-соматизмами *тІул* «печень» и *чехь* «живот», представляющие, собой фрагмент семантической группы фразеологизмов, обозначающих родственные отношения. В аварской фразеологической картине мира данные единицы актуализируют соматический и антропный коды культуры.

Гендерный характер характеризуемых фразеологических единиц антропоцентрического характера достаточно очевиден в силу их ориентированности на человека и обозначения ими родственных отношений. Достаточно продуктивно данные единицы, как отмечалось выше, употребляются в текстах аварских баллад, имеющих гендерно окрашенный характер.

Компонент *тІул* «печень» в основном используется в составе фразеологизмов, обозначающих родного (по матери) *брата* или реже *сестры*. Подобные паремиологические (= фразеологические) образы, значимые для аварской языковой (фольклорной) картины как в денотативном, так и в коннотативном аспектах, свидетельствуют о том,

какими путями исторически происходило осмысление соответствующих национально-культурных образов в языковом сознании аварского этноса.

В аварских балладах ФЕ с компонентом *тІул* «печень» употребляются в разных вариантах:

тІуллil вац «родной брат» (букв. «печени брат»), *тІул бикъарав вац* «родной брат» (букв. «печень поделивший [одной печени] брат»), *тІул бикъарал* «печень поделившие», *тІуллilав вац* «печени брат»:

ХІлла букІунебдай тІуллil вацазул

Ва рекІкІ букІунебдай тІул бикъаразул.

Разве бывает коварный подлог у родных братьев,

Может ли быть обман у братьев единоутробных.

(«Къуруль хутІарав ГІали»- «Али, оставленный в ущелье»)

БацІикъа лъутулел цІцІани киниги,

Рахъ-рахъалде ана ункъго тІуллil вац.

Как козы, в страхе бегущие от волков,

Четыре брата родных врассыпную убежали.

(«Цо ясаль бицана берцинаб рагІи» -

«Мне девушка мило сказала одна»)

Меседши, тІуллil вац, дуге бокъулеб,

Доб Хундерил тІалъи дуй меседлъаяв?

Золото ль, брат родной, прельщает тебя?

Золотом пусть станет тебе хунзахское плато.

(«Бахтикал кечІ» - «Песня Бахтики»)

Генитивная определительная форма от слова *тІул* «печень» при определяемом слове *вац* «брат» употребляется в двух формах – архаической (*тІуллil*) и системно правильной в парадигме склонения существительных (*тІулалъул*):

Нужей талихІ къеял, тІулалъул вацал,

Дие инсул щвараб щунусабго гІи

Щу-щуккун бикъила, дун тІаде вахъе.

Счастья вам желаю, родные братья,

Все доставшиеся мне от отца пятьсот баранов
 По пять [голов] считая, раздам, меня [из ущелья] поднимите.
 («Кьуруль хутIарв ГIали» - «Али, оставленный в скалах»)

КватIугеян абе тIулил вацасда...

Пусть не опаздывает родной брат..
 («Унсоколоса ГIусманиде яцалъул магIу» -
 «Плач сестры по Осману из Унцукуля»)

При номинации *тIулил вац* «родной брат» в балладах часто используются местоименные компоненты *дир* «мой», *дур* «твой», конкретизирующие родственные отношения героев баллады. Часто такие структуры используются в речи персонажей баллад (в диалогах):

*Кибдай-цибдайилан рагъде яккидал,
 Рагъда эхетумо дир тIулалъул вац.*

Узнать, что же случилось, вышла во двор,
 В дверях стоит мой родимый брат.

(«Азайнув бодулье арав вас» - «Сын, ушедший в войско в Азайни»)

ДурготIулил вацас къвалакъе къана...

Твой же родной брат честь [твою] запятнал...
 («ГIашура-берцин» - «Ашура-красавица»)

Васигат гъабуна тIулилав вацас

Росда аххалъубе гъаб кIудияб хур.

Завещал мне родной брат
 То поле большое, что на краю села.
 («Вехъги Исубханги» - «Пастух и Исубхан»)

Иногда вместо слова *вац* «брат» используется конкретное имя собственное, как, например, в балладе «Сулейманил яц» - «Сестра Сулеймана». При этом родственные отношения брата и сестры актуализируются и эмоционально усиливаются употреблением местоимения *дир* «мой»:

ДиртIулил [вац] Сулейман кивегIан тарав?

Где оставили родного [букв. «печени»] брата моего Сулеймана

В отдельных случаях причастный компонент *бикъарав* «поделивший» замещается усилительным причастием *хъвалсарав* «расколовший, разделивший» (*тІулхъвалсарав вац* «родной брат»):

Къваридаб кІКалахе дун балагъидал,

Бидул хІорив вуго тІул хъвалсарав вац.

В ущелье тесное когда заглянул,

[Вижу]: в кровавой луже брат мой родной.

(«*Вехъги Исубханги*» - «Пастух и Исубхан»).

Редко употребляется фразеологизм *тІулил яц* «родная сестра (по матери)»:

ЧІвае, тІулил яцал, дие кагІакал,

Лъугъине ккун йиго вацасда хадуи.

Испеките, сестры родные, мне лепешки,

За братом придется отправиться мне.

(«*Сулейманил яц*» - «Сестра Сулеймана»)

Для фольклорных поэтических произведений характерно употребление фразеологизма *чохъол эбел* «родная мать» (букв. «живота [=утробная] мать») и его варианта *чехъалъул эбел* с литературно правильной генитивной формой слова *чехъ* «живот [утроба] матери»:

Дур чохъол эбелалъ ругъел гъабуна,

МаркІачІул какитІе рокъов щвайилан.

Твоя родная мать велела передать,

Чтоб к вечернему намазу прибыл домой.

(«*МугІрузул ГІали*» - «Али с гор»)

Дуе талихІ къеяй, чехъалъул эбел,

Дагъай цеегІан къай, хал гъабун бихъе.

Счастья тебе желаю, родимая мать,

Наклонись слегка вперед и взгляни...

(«*Къурулъ хутІарв ГІали*» - «Али, оставленный в скалах»)

*Лъадал цIезин абун къватIий яхъиндал,
КъотIной дандеккана чехьалъул эбел.*

Когда вышла за водой к роднику,
Встретила во дворе родную мать.
(«Малачиласде магIу» - «Плач по Малачилаву»)

*ГIодуге, гIодуге, чехьалъул эбел,
Нильер рокъобени – цохIо жаназа,
Хевсурасул рокъоб – кIуго жаназа.*

Не плачь, не рыдай ты, родимая мать,
Из нашего дома убит лишь один,
В доме хевсура – целых два трупа.
(«Сулейманил яц» - «Сестра Сулеймана»)

В одной из аварских баллад приводится диалектное фразеологизированное выражение *чохьол эмен* «родной отец» (букв. «живота отец»), которое не зафиксировано в словаре аварских фразеологических единиц [Магомедханов, 1980]. Данный фразеологизм основан на принципе алогизма, использованием логически несовместимой субстантивной валентности слова *чехь* (возможно употребление структуры *чохьол эбел* «утроба матери», но не **чохьол эмен* «утроба отца»).

Характеризуемый фразеологизм с семантически несовместимыми компонентами, на наш взгляд, создан в аварском фольклоре по аналогии с выражением *чохьол эбел* «родная/родимая мать»:

*ВитIумо чи щвана чохьол эмсолъа,
Дурго релел босде чи витIел абун.*

Пришел человек от родного отца,
Пусть, мол, придет кто-нибудь за одеждой своей.
(«ХIажи-чалаби» - «Хаджи-Чалаби»)

Редко в балладах употребляется как просительное обращение матери к сыну коннотативно окрашенное сочетание *чохьол вас* «сын родной/сынок

родной». Так мать предостерегает еще неопытного сына, умоляя его не идти против опасностей:

Унгеха, чохьол вас, мун Азайнуве:

Чиго гIечIев дуца чи рихиларо.

Не ходи, сын родной, ты в Азайни:

Тебе, не ставшему взрослым, джигита не свалить.

(«Азайнув бодулье арав вас» -

«Сын, ушедший в войско в Азайни»).

Обращают на себя внимание глаголы, с которыми сочетаются характеризующие фразеологические единицы в качестве реализации валентностных свойств. Чаще всего глагольные компоненты используются в обращениях героев баллад, оказавшихся в трудных (порой трагических) жизненных ситуациях:

- *унгеха, чохьол вас, мун Азайнуве* «не ходи, родной сын, ты в Азайни»;
- *меседиц, тIулил вац, дуе бокьулеб* «золото ли, родной брат, ты любишь»;
- *гIодуге, гIодуге, чехьальул эбел* «не плачь, не рыдай ты, родимая мать»;
- *нужей талихI кьейл, тIулалъул вацал, ...дун тIаде-вахъе...* «да осчастливит вас [Всевышний], родные мои (букв. «печени [одной] братья, ... спасите меня...») [из обрыва скалистого];
- *дуе талихI кьейл, чехьальул эбел, дагъай цеегIан-къай* «чтоб счастлива была ты, родимая мать, немного вперед подвинься» [просьба сына, оставленного братьями в обрыве скалистом] и т.д.

Как видно из примеров, в таких случаях используются императивные формы глагола, обозначающие обращение-просьбу героя баллады или его близких родственников (обычно матери или сестры). Такие просьбы мотивируются, причинно обосновываются в форме высказываемых разными структурами языка предостережений:

- *унге Азайнув* «не ходи в Азайни» [на состязания]:

- *чиго глечлев дуца чи рихиларо* «тебе, не ставшему взрослым, джигита не свалить» («Азайнув бодулье арав вас» - «Сын, ушедший в войско в Азайни»);
- *гIодуге, гIодуге, чехьалъул эбел: нильер рокъобени – цохIо жаназа, хевсурасул рокъоб – кIиго жаназа* «не плачь, не рыдай ты, родимая мать, из нашего дома убит лишь один, в доме хевсура – целых два трупа («Сулейманил яц» - «Сестра Сулеймана»).

Просьба может быть выражена косвенно (от имени третьего лица):

Дур чохьол эбелаль ругьел гьабуна,

МаркIачIул какитIе рокъов цвайилан.

Твоя родимая мать просила сообщить,

Чтоб к вечернему намазу ты пришел домой.

(«МугIрузул ГIали» - «Али с гор»)

Многие обращения-просьбы к родным братьям, сестрам, матери, названным характеризруемыми устойчивыми сочетаниями фразеологического характера, сопровождаются причинным обоснованием, для чего используются структуры разных уровней аварского языка:

Бачунге, тIулил вац, дуца чагъана,

Чагъана бачани, дий гIазаб буго.

Не играй, родной брат, ты на скрипке-чагане,

Когда ты играешь, это мучения для меня.

(«ГIашура-берцин» - «Ашура-красавица»)

Унге дир, тIулил вас, мун Губданиве:

Дуца эмен чIварал чагIи гIун руго.

Дуца россал чIварал жеги кьоролго.

Не ходи, сын родной, ты в Губден:

Дети убитых тобой отцов выросли,

В вдовах еще жены убитых тобой мужей.

Гюдуге, гюдуге, чехьалъул эбел,

Чанги дун гIадиналъ тараб аб дунял.

Не плачь, не плачь, родимая мать,

Не одна, такая как я, покинула этот мир.

(«БахIарзулъе арай яс»)

ЧIвае, тIулил яцал, дие кагIанал,

Лъугъине ккун йиго вацасда хадуи.

Испеките, сестры родные, мне лепешки,

Должна я отправится за братом.

Имеет место употребление характеризуемых фразеологизированных структур, соотносительных с соматическим и антропным кодами культуры, в вопросно-ответных конструкциях (в диалогах персонажей аварских баллад):

Ассалам гIалайкум, тIул хъвалсарав вац,

Дуе щиб бахараб, дуи щиб лъугъараб?

Ассалам алейкум, родной брат,

Что с тобой стало, что с тобой случилось?

(«Вехъги Исубханги» - «Пастух и Исубхан»)

Дир тIулил Сулейман кивегIан тарав?

Где же оставили моего родного брата Сулеймана?

(«Сулейманил яц» – «Сестра Сулеймана»)

Характеризуемые фразеологизмы свидетельствуют о древнейшем осознании носителями языка *печени* как жизненно важного органа человеческого тела, связывающего мать с ребенком и родных братьев (по матери). Более того, в отдельных дагестанских языках (например, в арчинском: ср. *дилкIлис эхнатIу* «печень не забудет» в знач. «никогда не забудется») *печень* символизирует рационально-эмоциональную память, что свидетельствует о национально-культурной специфике такого типа фразеологизмов как микрофрагментов языковой картины мира.

О древнейшей историко-этимологической интерпретации рассмотренных выше фразеологических образов свидетельствует и преимущественное их использование в фольклорных дискурсах. Отдельные образы, основанные на принципе алогизма, выполняют усилительные функции на коннотативном уровне. Это связано с тем, что содержание баллад строится как повествование о драматических (порой трагических) судьбах близкородственных людей.

При всем разнообразии содержания (сюжетов) баллад их объединяет то, что здесь описываются несколько трагические события. В связи с этим и языковые средства, используемые в аварских балладах, отличаются своей спецификой. В основном фразеологические единицы и в отдельных случаях пословицы и поговорки, используемые в текстах баллад, отличаются яркими коннотациями национально-культурного характера, определяемыми менталитетом носителей аварского языка, их отношением к справедливости и несправедливости, добру и злу, чести и достоинству, к счастью и его отсутствию и т.д.

В связи с этим понятны и образы используемых в текстах баллад фразеологических выражений:

талихI къезе «быть несчастливым», *рекIел хазина* «сокровище сердца», *мугIрузул цIум* «горный орел» (использована мужская символика), *магIул хIор* «лужа слез» (при описании страданий героев баллад, в основном лиц женского пола), *накда сукIичIев* «не преклонивший колени» (=мужественный, сохранивший свое достоинство), *къаламалъул килицал* «красивые пальцы», *хурайсин тIагъур* «о юноше высокого достоинства» (букв. «хорасанская [каракулевая] папаха» (символ мужской гордости, достоинства) и т.д.

Необычно в разных текстах баллад использован образ *къаламул килицал* «красивые пальцы» (букв. «карандашные пальцы»): дело в том что в поэтических (песенных) произведениях дагестанского (в том числе – и аварского) фольклора такой образ используется для характеристики внешней

красоты женщины при описании ее портрета (например, в фольклорной любовной лирике).

В балладах же такое выражение в основном употребляется в экспрессивно-эмоциональной речи женщин-героинь, устами которых дается оценка внешнего облика мужчин – братьев или возлюбленных, погибающих в трагических обстоятельствах. Возможно, такая экспрессивность соответствующих фрагментов текстов баллад делает допустимым употребление характеризуемого маскулинного образа:

Маххул кІулал ричІулел

Дур къаламалъул килщал.

Открывающие железные замки

Твои карандашные пальцы.

(«Гергил кечІ» - «Песня Герги»)

Къаламалъул килщаз михъалги къурун,

Анин, эбел, гъудул ЦІоралде герун.

Карандашными пальцами скрутив усы,

Отправился, мама, друг мой в Цор.

(«Боял ЦІоралде араб» - «Об ушедших в Цор отрядах»)

Специфика баллад, где главными героями выступают мужчины и женщины (муж и жена, возлюбленный и возлюбленная, брат и сестра, мать и дочь), определяет употребление фразеологических маскулинных и фемининных образов, соотносительных с соматическим кодом культуры:

Маргъалул черхалда чарчураб гужгат

Ботун инеб буго къурулъа гъоркъе.

Перламутровое тело в пестрой черкеске

Падает и стелется по крутой скале.

(«Къурулъ хутІарав Пали» - «Али, оставленный в пещере»)

Бидул магІуги тІун, гьинал ракІ гІодун,

Чагъаниги къирун гюдов вуклана.

Слезы кровавые проливая, сердце родное плакало,
И сидели я [от горькой тоски] на чагане мелодии играя.
(«Гашура-берцин» - «Ашура-красавица»)

*Кидаго букКинЧиб берцинаб гъумер,
Кин жакъа букКараб, рекел хазина.*

Никогда не хмурил ты красивого лица,
Как же сегодня нахмурил? сердца сокровище?
(«МугИрузул Гали» - «Али с гор»)

Эти и другие фразеологические образы, характеризующие действия и состояния героев баллад, отличаются высокой стилистикой и экспрессивно-оценочными коннотациями национально-культурного характера:

*ТалихI къарав Гали, можороги къун,
Бакъульанги вухъун, гъоркъе виччана.*

Несчастливого (букв. «проигравшего в счастье») Али,
проигравшего жребий,
Связали и спустили [в ущелье] вниз.
(«Къуруль хутIарав Гали» - «Али, оставленный в ущелье»)

*Гумруяль хвалсинЧел чегIерал берал
Кинха хъвалисарал, дир мугИрузул цIум.*

Никогда не косил ты черные глаза (=не смотрел косо)
Как же скосил [ты], мой горный орел?
(«МугИрузул Гали» - «Али с гор»)

*Елълъеней йихъула херлъарай эбел,
Гаса гIунтIаралъуб магIил хIорги чIван.*

Идущую вижу постаревшую мать,
Где тростью коснется, там лужи слез.

(«Сулейманил яц» - «Сестра Сулеймана»)

Билал гордал къирун, къватИий яккинда,

Чу кьололев вуго хурайсин тIагъур.

Открыв красивые окна, выглянула когда,

Вижу, коня седлает хорасанская папаха.

Кидаго накдае сукIчIев багъадур,

Никогда не гнувший колени храбрец.

(«Гергил кечI» - «Песня Герги»)

Как показывают приведенные примеры, фразеологические образы, использованные в текстах аварских баллад, соотносятся с разными кодами культуры, имеющими отношение к гендеру, так как гендерный фактор в балладах является одним из ключевых.

В редких случаях в балладах используются гендерного характера пословицы и поговорки назидательного характера:

Унге, хирияв вас, апарагъуда,

Аарагасул хоб – хабал рагIалда.

Тогге, лугбал чергес, вижараб росо,

Росу тарасул рукъ – росдал тIаралда.

Не ходи, любимый сын, апарагом станешь,

Апарага¹ могила – на краю кладбища [бывает]/

Не оставляй, красавец, родное село,

Покинувшего село родное – дом на краю села [бывает].

(«Берцинав Салман» - «Красавец Салман»)

Унге, дир вас, мун Азайну болъе,

Гъвей гъечIеб гучкица хъумур кколаро,

Не ходи, сын мой, в войск в Азайни

¹*Апараг* – тот, кто, покинув родное село, поселился в чужом селе (=пришелец). Характеризуется в пословицах и поговорках отрицательно.

Не выросшему щенку волка не словить.

(«Азайнув бодулье арав вас» - «Сын, ушедший в войско в Азайни»)

Росу бахинеГан чу хьочІчІон баче.

Коня, пока о селу идешь, потише веди.

(«Хазами ГІали» - «Хазамил Али»)

В балладах встречаются также национально-культурные гендерные образы, характеризующие достоинство лиц мужского пола, их готовность во что бы то ни стало победить, стать первым, даже если результат заранее не известен, и герой может испытать горечь неудачи:

ГьитІинав чийилан чу бергычІони,

Байха гІертІида гІарц, витІе лъадаве.

Если я слишком юн, и не победит мой конь.

Наденьте веревку на кувшин и

пошлите [как женщин] за водой.

(«Берцінав Салман» - «Красавец Салман»)

Рассмотренные выше структуры, являющиеся микрофрагментами гендерной фразеологии, представляют интерес для исследования аварской языковой картины мира. Комплексное исследование таких единиц на основе текстов разных жанров аварского фольклора позволит сформулировать более широкие обобщения историко-этимологического характера.

Из рассмотренных маскулинных и фемининных образов национально-культурного характера именно в образах, использованных в текстах аварских колыбельных песен, пересекаются гендерный и возрастной признаки. Такое обстоятельство имеет свои последствия.

Во-первых, одни и те же образы могут быть использованы как маскулинные и фемининные, что говорит о недоминирующей роли признака биологического пола ребенка. Во-вторых, по этой же причине в колыбельных песнях, исполняемых для мальчиков, используются образы, связанные с актуализацией внешнего облика (красоты) мальчиков, что не характерно при

гендерной оценке взрослых мужчин. Таким образом, в колыбельных песнях, исполняемых для детей, нерелевантен признак пола, чем определяется использование в целом однотипных образов для характеристики (эмоциональной оценки) как мальчика, так и девочки.

Вместе с тем даже при использовании слов одного культурного кода (например, компонентов зооморфного кода культуры), имеет место определенная специфика дифференцированного названия отдельно мальчика и девочки. Так, например, с одной стороны, для оценочного описания и мальчика, и девочки в составе фразеологического образа могут быть использованы одни и те же зоонимы типа *кьегIер* «ягненок» и *бурутI* «козленок», с другой же стороны слова типа *хух* «ягенок» используются только по отношению к мальчикам. В любом случае более релевантным в текстах колыбельных песен оказывается возрастной признак, а не гендерный.

При символически употребленных субстантивных компонентах фольклорных фразеологических единиц, дифференцирующихся по гендеру, усилительно-оценочную и причинно обосновывающую формируемые соответствующие фразеологические образы функции выполняют определительные функции. В такой функции обычно определительные компоненты употребляются в препозиции и подготавливают читателя к восприятию и интерпретации того или иного маскулинного или фемининного фразеологического образа. Особую значимость определительно-оценочные компоненты приобретают в текстах плачей, так как здесь не только в форме оплакивания дается оценка внешним и внутренним качествам того, кому посвящен плач, но и при помощи лексических и лексико-синтаксических средств гендерного характера актуализируются внутренние состояния и страдания плакальщицы, в роли которой обычно выступают мать, жена, сестра, нареченная невеста.

Как и в аварской фразеологии в целом, в фольклорных фразеологических единицах гендерного характера, особое значение приобретает менталитет носителей аварского языка, характер традиций и

народных обычаев. Так, например, мать, обращаясь к сыну, отправляющемуся в военный поход, советует не садиться на коня, пока не выйдет из села или же ехать на коне тихо (*чу хъхьодон баче* «веди коня тихо»), что свидетельствует о принятой традиции, символизирующей уважение к старшим, ко всему селу.

Или же, *мать, сестра, жена*, встречающие убитого во время военного похода *сына, мужа, брата*, сначала по этикету, принятому в обществе, здороваются с юношами, несущими носилки с покойником, просят остановиться и положить на землю носилки и только потом начинают причитать, при этом прося прощение за то, что так открыто выражаются эмоции (женщина при мужчинах даже в таких ситуациях должна быть сдержанной).

Практически во всех маскулинных и фемининных фразеологических образах экспрессивно-оценочные функции выполняют определительные компоненты, которые нередко содержат согласовательный классный показатель лица (мужского или женского пола), так как субстантивный определяемый компонент при этом, переносно используется для обозначения лица. Особенно это характерно для любовной лирики, в текстах которой и юноша, и девушка символическими метафорами гендерного характера номинируются в форме именительного падежа, а согласовательный классный показатель при этом связывает фразеологизм-метафору с образом характеризуемого лица:

Цоралдаса вачИинчЮ²

Милъир хъахIаб итаркЮ.

Не вернулся из Цора

Сокол белоногий.

Такой факт свидетельствует о том, что в формировании аварской фольклорной паремиологической картины мира принимают участие не только лексические, фразеологические, паремиологические и другие

² Выделенный жирно классный показатель характеризует лицо мужского пола.

культуроносные единицы языка, но и грамматические средства, что еще раз подтверждает факт взаимодействия языка и культуры в целом в рамках парадигмы «этнос – менталитет – культура – язык».

1.3. Этнокультурные особенности аварских паремиологических единиц, построенных на принципе алогизма

Гендерные паремиологические единицы, как и другие единицы языка, в которых человек отразил свое мировосприятие и свой образ, отличаются ярко выраженной антропоцентричностью. В связи с обсуждением проблем антропоцентричности языка Н.Д. Арутюнова отмечает: «Человек запечатлел в языке свой физический облик, свои внутренние состояния, свои эмоции и свой интеллект, свое отношение к предметному и не предметному миру, природе – земной и космической, свои действия, свое отношение к коллективу людей и другому человеку» [Арутюнова, 1999:3].

В этом смысле в системе культурно значимых единиц любого естественного языка особое место занимают фразеологические и паремиологические единицы, являющиеся яркими фрагментами языковой картины мира.

Такая значимость паремиологических единиц, к примеру, заключается в том, что в них отражаются внешние и особенно внутренние качества человека (мужчин и женщин), его поведение в разных жизненных ситуациях, его морально-нравственный мир, отношение к другим людям и т.д. Среди фразеологических и паремиологических единиц особый интерес представляют структуры, построенные на основе принципа алогизма. Такой принцип алогизма исследователи по-другому называют способом обозначения небывальщины, а единицы такого типа – фигурами противоречия.

На такие фразеологические единицы обратил внимание Ю.Л. Солодуб. Он отмечает различные факторы формирования принципа алогизма в сфере русских фразеологических единиц типа *на рыбьем меху* «холодный, легко

продуваемый» (обычно о верхней одежде). В данном случае алогизм создается объединением семантически несовместимых слов, обозначающих ситуацию небывальщины [Солодуб, 1990:59].

В статье Ю.Л. Солодуба приводятся также примеры фразеологизмов с прямой конфронтацией семантической структуры фразеологических единиц со значениями составляющих лексических компонентов.

Как в паремиях, так и во фразеологических единицах слова характеризуемого типа, употребленные в переносных метафорических значениях, приобретают особый символический смысл, становясь при этом культурными знаками языка. На такое продуктивное символическое употребление цветообозначений в художественной речи обращает внимание В.А. Маслова [Маслова, 2004].

В связи с продуктивным использованием в языке художественных произведений языковой символики В.А. Маслова задачей филологической науки считает выявление и описание состава слов-символов в поэзии XX века и составление словаря таких поэтических символов, в которых можно было бы найти сведения не только о содержании конкретного смысла, но и о его употреблении и происхождении [Маслова, 2004:107].

В настоящем разделе анализируются аварские гендерные паремиологические единицы, построенные на основе принципа алогизма и соответственно являющиеся важными составляющими концепта «человек». Такие паремии дагестанских языков не были предметом специального исследования, чем, в первую очередь объясняется актуальность рассматриваемой проблемы.

В отдельных публикациях по дагестанским языкам затрагивается проблема исследования фразеологических единиц, построенных на основе принципа алогизма. Из таких публикаций можно выделить статью Д.С. Самедова посвященную исследованию фразеологических единиц дагестанских языков, построенных на принципе алогизма.

Говоря о фразеологизмах такого характера, Д.С. Самедов отмечает, что в выражении концепта «образ человека», составляющими которого являются «внешний человек» и «внутренний человек», фразеологизмы, построенные на основе принципа алогизма, «занимают особое место в силу их национально-культурного характера и особенностей лексического состава» [Самедов, 2011:101].

Отмеченное в статье Д.С. Самедова вполне можно отнести и к аварским паремиологическим единицам, ориентированным на человека, являющимся в данном случае предметом исследования.

Для наглядной демонстрации внутренней формы паремий, их национально-культурной специфики, в данном разделе также в основном даются пословные (=буквальные) переводы с частичной их литературной обработкой.

В характеризуемых паремиологических единицах в основном обозначаются негативные внутренние качества и поведенческие свойства лиц мужского пола, чем определяется их гендерный характер и ярко выраженная отрицательная оценочность.

В абсолютном большинстве случаев в рассматриваемых паремиях и фразеологизмах предикативно характеризующую роль играют причастия, которые совмещают в себе определительную семантику и значение действия, наследуемое причастием от глагола.

Использование причастий объясняется тем, что в паремиях обозначаются различные внутренние качества человека, а также свойства его поведения в разных ситуациях, связанные с глагольной семантикой причастий (отнесенность обозначаемого качества лицу мужского или женского пола, как уже отмечалось выше, обозначается соответствующими классными показателями *-в* и *-й*: ср. *кварав* «съевший», *кварай* «съевшая»):

➤ *Ги цIунизе бацI тарав.*

«[Чтобы] овец охранять волка оставивший (= поручил волку охранять овец).

➤ *Вакъидал наццІал кварав.*

«Проголодавшись, вшей сьевший».

➤ *Хоно кІкІвалев, кІкІара бечІчулев.*

«Яйцо бреющий, комара доящий» (о чрезмерно алчном, жадном человеке).

➤ *Сагъльиги кьун, унти босарав.*

«Отдав здоровье, болезнь взявший» (=променявший здоровье на болезнь»).

➤ *Хвалчаца тІутІ чІварав Чалдаса Гусман.*

«Кинжалом муху убивший Осман из Чалда».

➤ *ГьекъечІого мехтарав, мехтичІого вигъарав.*

«Не выпив, опьяневший, не опьянев, протрезвившийся».

➤ *ЦилицІида барахицун, рукъ чорок тарай.*

«Пожалев веник, комнату не прибравшая» (букв. «комнату грязной оставившая»).

➤ *Пуруль вукІун, лъльим щоларев.*

«Будучи в реке, воды не смогший набрать».

➤ *МагІарухъе вачІани, жиндирго гьобол лъаларев.*

«Приехав в горы, своего кунака не знающий [не помнящий]» и т.д.

В редких случаях в предикативно характеризующей функции употребляются прилагательные, одновременно выполняющие и определительную функцию, обозначая качества и свойства человека:

КІал бегІерай [прил.], *гІакълу дагъай* [прил.].

«Язык [у которой] острый, ума [у которой] мало» (создается семантический «конфликт» между образами «острый язык» и «малый ум»).

В отдельных паремиологических образах ситуация алогизма создается употреблением семантически несовместимых слов, логически противоречащих друг другу. Такие паремиологические единицы достаточно продуктивны, о чем свидетельствуют приводимые ниже примеры:

➤ *АхІичІого вачІунев* [прич.], *хъамичІого унарев* [прич.].

«Без приглашения приходит, пока не выгонишь, не уходит»».

➤ *Гелалдего херлъарав* [прич.], *хвелалдего шапарав* [прич.].

«Не успел вырасти – состарился, не успел состариться – отошел [скончался]».

➤ *Ахичлого вачлунев* [прич.], *чламичлого кваналев* [прич.].

«Без приглашения приходит, не жуя проглатывает (букв. «ест»)».

➤ *Бугеб гьечлольшарай* [прич.], *гьечлеб бугольшарай*.

«То, что было [у которой], перестало быть, то, что не было [у которой], появилось» (о бестолковой, никчемной хозяйке).

➤ *Паждал хвах бихъун толев, тIаргъида рукъибалев*.

«Оставив порванной штанину, латающий папаху».

➤ *Чехь гIорцIараб – бер бакъараб*.

«Живот сытый – глаза голодные».

➤ *Чагогохварав «бахIарчи»*.

«Будучи живым, мертвый «герой»».

➤ *Жиндиего гьечлеб гIакълу чияе къолев*.

«Для себя ума не имея, с другими делится (букв. «отдает» [то, чего нет])».

В группе паремиологических единиц, представляющих собой «фигуры противоречия», отражен образ человека, поступающего в определенных жизненных обстоятельствах нелогично (так, как не должно быть). В связи с этим часть паремиологических образов строится на основе уступительных смысловых отношений, характеризующихся семантикой «вопреки». В предикативно характеризующей функции употребляются причастия, определяющие поведение человека и его поступки, в которых нет логики:

➤ *Лъадул бусен букIаго, накдарокъов вегулев* [прич.].

«Оставив (букв. «имея») постель жены, на сеновале ночующий».

➤ *Инсул чIагIа бу [кIаго, чIамучIаб лъим гьекъарав* [прич.].

«Имея отцовскую бузу (=хмельной напиток), плохую воду выпивший».

- *Оц бикъидал кьоно тIамурав [прич.], кьотIно вельгъиндал хьитал рукъарав [прич.].*

«После кражи быка дверь на засов закрывший, выйдя на улицу, обувь починивший».

- *Горго бахъилалде хьитал рахъарав [прич.].*

«Еще не переходя реку, обувь снявший».

- *Гачиялъе чу гъурай, чахъабалън рос гъурай.*

«В стадо коров лошадь погнавшая, в стадо овец мужа погнавшая».

Уступительные отношения, характеризующиеся ситуацией логического «конфликта» (=противоречия), могут быть обозначены употреблением специальной формы уступительного наклонения глагола:

- *Чехъ гIорцIаниги [уступ.], бер гIорцIуларев.*

«Хотя живот сыт, глаза [у которого] голодные (ненасытные)».

- *Рокъоб къулгIа букIаниги[уступ.], къватIуса лълъим баччулей.*

«Имея в доме родник (букв. «родник хотя имеется»), с улицы воду носящая».

Национально-культурная специфика в ряде приведенных выше паремиологических единиц создается употреблением в их составе названий национально-культурных реалий:

- *чIагIа «буза [хмельной напиток] местного производства»,*

- *кьоно «засов для запираания дверей»,*

- *накдарокъ «специальный сарай для хранения мякины для скота».*

В отдельных фразеологических и паремиологических единицах характеризуемого типа ситуация алогизма обозначается использованием средств гиперболизации, языковой актуализацией неправдоподобно большого количества. Такие усилительные паремиологические образы, связанные с языковой актуализацией небывальщины, характеризуются яркими национально-культурными коннотациями:

- *Цо речIчIаралъ кIуго чIварав.*

«Одним выстрелом двух убивший».

➤ *Хламица гланасеб къайи баччунев.*

«Столько же, сколько осел, груз тащит».

➤ *Бетлералда нацI кIотинегIан гъекъарав.*

«Выпивающий, пока не сдохнут вши на голове».

➤ *Дунялалгул рагIалда рукъ барав.*

«На краю земли [=неправдоподобно далеко] дом построивший»

Как видно из примеров, в таких образах в качестве средств гиперболизации используются:

а) числительные (*цo* «один» - *кIуго* «два»),

б) существительные и глагольные формы, обозначающие предельность (*кIотине-гIан* «сдохнуть + до» = пока не сдохнут; *дунялалгул рагIалда* «на краю земли»),

в) зоонимы в усилительно-символической функции (ср. *хIама* «осел» - символизирует человека, занимающегося тяжелым физическим трудом, к которому носители языка выражают негативное отношение.

Обозначение чрезмерного обжорства, жадности, алчности также может быть основано на принципе алогизма, неправдоподобия, небывальщины:

➤ *Вакъидал, нацIал кварав*[прич.].

«Проголодавшись, вши съел».

➤ *Лаилагъги бачун, гIеч бикъарав.*

«Прочитав молитву, яблоки укравший» (обозначается ситуация сознательного нарушения религиозного запрета, совершения греха).

➤ *Бидуль ччу-ччун чед кунев.*

«Макая в кровь, хлеб едящий».

В ряде гендерных паремиологических образов, построенных на основе принципа алогизма, используется языковая символика:

➤ *Тамахъо гъечIев сонтIохъан, къвачIа гъечIев гъардухъан.*

«Табака не имеющий нюхальщик [табака], сумки [для попрошайничества] не имеющий попрошайка» (ср. рус. «как сапожник без сапог»).

➤ *КIалбегIерай, гIакълу дагъай.*

«Язык острый, ума мало».

Использование языковых символов (ставших культурными знаками языка) типа *тамахъо* «табак для нюхания» (обозначается старинная традиция в части аварских селений нюхания табака женщинами), *къвачIа* «сумка попрошайки из овечьей шкуры», *хвалчен* «кинжал» и т.д. приводит к формированию национально-культурного компонента гендерных паремиологических образов, построенных на основе принципа алогизма.

Лингвистическая и лингвокультурологическая характеристика аварских гендерных паремиологических образов, построенных на основе принципа алогизма, позволяет сформулировать ряд обобщений, отражающих ключевые культурные смыслы.

В абсолютном большинстве характеризуемых паремиологических единиц имеет место использование причастий в двойной функции – в определительной и предикативно характеризующей, что связано с необходимостью качественной характеристики человека и обозначения его поступков, действий и поведенческих свойств.

Ситуация алогизма создается использованием ряда приемов, ключевыми из которых являются следующие:

- а) употребление семантически несовместимых слов, логически противоречащих друг другу,
- б) использование антонимических (узуальных или контекстуальных) противопоставлений,
- в) актуализация языковых средств гиперболизации,
- г) усиленное использование средств формирования противительно-уступительных отношений (например, специальной формы уступительного склонения глагола).

Национально-культурная специфика рассматриваемых образов создается употреблением в составе паремиологических единиц названий

национально-культурных реалий, а также слов-символов, ставших культурными знаками языка.

Особенности символизации лексических единиц исторически, как показывает материал исследования, определялись менталитетом носителей аварского языка, его духовной культурой и отношением к морально-нравственным ценностям.

1.4. Коды аварской культуры в паремиологических единицах

Паремиологические единицы аварского языка, ориентированные на человека и соотносительные с религиозным кодом культуры, в лингвистическом аспекте изучены недостаточно. Опубликована лишь одна статья А.Н. Магомедовой, посвященная анализу аварских паремий, в которых используется лексика, связанная с религиозной тематикой [Магомедова, 2012а].

Анализ нашего материала дает основание отметить ряд лексико-семантических, морфологических и синтаксических, а также национально-культурных особенностей аварских гендерных паремиологических единиц с религиозным кодом культуры, ориентированных на человека. Рассматриваемые нами единицы представляют интерес как в денотативном, так и коннотативном аспектах.

На коннотативном уровне характеризуемые нами паремиологические единицы аварского языка делятся на две группы:

- а) паремии с положительной оценочной характеристикой человека (1)
- б) паремии, отрицательно оценивающие в основном лиц мужского пола (2), что свидетельствует о маскулинном (в основном) и частично фемининном характере аварских гендерных пословиц и поговорок.

(1). *БетIер кьотIаниги. как бачIого чIоларев*

«Хоть голову отрубишь, будет молиться».

(2) *Гъекъон хадуб как балеv, кванан хадуб кIал кколеv*³

«После выпивки намаз совершает (=молится), после того как поел, пост соблюдает.

Царуе садакъа кьурав «Милостыню раздает для известности имени своего [а не от богобоязненности]».

Количественный анализ такого типа паремиологических единиц с точки зрения их коннотативного характера свидетельствует о том, что паремии с отрицательными оценками человека составляют большинство из рассматриваемого материала.

Такой факт, на наш взгляд, соблюдение религиозных предписаний и обрядов представляется как нечто обязательное для мусульманина, имеющее ценностно-мировоззренческий характер, связанный с пятью основами исламской религии. Следовательно, все это не требует особой положительной оценки как нечто обычное и обязательное в жизни мусульманина.

И, напротив, несоблюдение обязательных ритуальных установок требует осуждения, негативной оценки со стороны религиозного сообщества, что, собственно, предопределяет выполнение соответствующими гендерными пословицами и поговорками достаточно жестких инструктивных функций.

Кроме того, идейно-смысловое содержание рассматриваемых паремий связано с оценочным противопоставлением соблюдения/несоблюдения религиозных ритуалов искренне, от души и сердца верующего, и мнимым соблюдением предписаний ислама, не связанным с богобоязненным поклонением Всевышнему и получаемым внутренним удовлетворением от этого поклонения.

Далеко не случайно то, что в таких паремиологических единицах в предикативно характеризующей функции употребляются адъективные компоненты оценочного характера (причастия и деепричастия), не

³ Маскулинность паремиологических образов обозначается использованием в предикативном слове мужского классного показателя **-в**.

характерные в этой функции для узуса. Употребление причастно-деепричастных форм в предикативно характеризующей функции способствует выражению категоричности, усилению утверждения или назидательной функции паремиологических единиц религиозной тематики. В русских переводах таких паремий адъективным формам причастия и деепричастий (реже) соответствуют и индикативные глагольные формы:

- *Лаилагъа бачун, глеч бикъарав [прич.], члумал рехун, цлибил бикъарав*
«Читая молитвы, яблоки ворует, отсчитывая моления на четках, виноград ворует».
- *Глайбалдасаги нечоларев [прич.], мунагъалдасаги хлинкъларев [прич.]*
«И людских упреков не стыдится, и греха [Свыше] не боится».
- *Какалдаса квен цебеккурав [прич.]*
«Еду предпочитает намазу [совершению обязательной молитвы]».

В связи с отрицательной характеристикой человека, не соблюдающего обязательные для мусульманина религиозные предписания, в основном адъективно-предикативные компоненты рассматриваемых паремий имеют отрицательные формы, переводимые на русский язык, как уже отмечалось, финитными формами глагола:

нечоларев [прич.] (*глайбалдаса*) «не стыдится (упреков), *хлинкъларев* [прич.] (*мунагъалдаса*) «не боится (грехов)», *Бисмиллагъ бахъизе жеги лъларев* [прич.] «Бисмилла⁴ говорить еще не научился».

В рассматриваемых паремиологических единицах национально-культурного характера используются слова в основном трех лексико-семантических групп религиозного содержания:

1) в первую группу входят наименования лиц: *галлимчи* «ученый-богослов», *дибир* «священник», *къади* «кадий» (судья по религиозным вопросам), *будун* «будун» (муэдзин»), *бусурманчи* «мусульманин», *тларикъатчи* «человек, соблюдающий предписания тарикатского учения/направления в исламе» (многие из таких компонентов, которые

⁴ Именем Аллаха (формула у мусульман, которая произносится перед началом всякого действия).

соотносятся с религиозно-антропным кодом культуры, содержат формант - *чи*, указывающий на лицо, характеризуемое признаком, обозначенным производящей основой: *гИалим* (гИелму) «учение» - *гИалим-чи* «ученый (богослов)»;

2) вторую группу образуют слова, обозначающие молитвы, ритуалы, обрядовые действия:

как «намаз», *бисмиллагъ* «бисмилла» (именем Аллаха: формула у мусульман, которая произносится перед началом всякого действия, начинания, мероприятия как религиозного, так и нерелигиозного характера), *лаилагъа* «молитва (молитвенное слово)», *кIал* «пост (воздержание от пищи в священный для мусульман месяц Рабадана)», *садакъа* «раздача милостыни»;

3) третью группу формируют слова, связанные с культовыми предметами и исламскими символами, что придает, естественно, пословицам и поговоркам национально-культурный и конфессиональный характер: *Къуръан* «Коран», *хъанч* «крест» (у христиан), *хабал* «мусульманское кладбище» и т.д.

В части паремий, отличающихся негативными национально-культурными коннотациями, отрицательно характеризуются действия человека, осуждаемые в мусульманской религии и исламской культуре, в связи с чем негативно оцениваются некоторые ключевые морально-нравственные ценности, не соблюдаемые лицами как мужского, так и женского пола (см. выше примеры соответствующих паремий):

- воровство (*гIеч бикъулев* «ворующий яблоки», *цIибил бикъулев* «ворующий виноград», *хIамул рикъулев* «ослов ворует» [после чтения Корана]),
- непослушание предписаниям Всевышнего, священнослужителям, ученым-богословам, судье-кадию: *къади чIезавулев* «кадию не подчиняется» (букв. «останавливает кадия»), *дибиргун къацандулев* «спорит со священником», *Аллагъун къацандулев* «идет против

Аллаха» (букв. «спорящий с Аллагом), *Аллагъасда рихарав* «ставший противным/надоевший Всевышнему»),

- отсутствие чувства страха быть наказанным Свыше за грехи: *нечоларев* «не стыдится», *хлинкъларев* «не боится [греха], *сихлурев* «хитрый», *хиянатав* «коварный» и т.д.

В данном случае негативные общечеловеческие качества привязываются к религиозной морали, что способствует формированию их экспрессивно-оценочных функций в рамках соответствующих пословиц и поговорок.

Поскольку при помощи характеризуемых паремиологических образов отрицательно оценивается противоречивость человека, его мнимая и реальная внутренняя сущность, отсутствие истинной (=богобоязненной) веры при внешнем благообразии, то в группе такого типа паремиологических единиц, построенных по структурным схемам бессоюзных сложных предложений, обычно реализуются противительно-уступительные или сопоставительные смысловые отношения:

- *Радал-къалъизегІан Къуръан џІалулев, къалъудаса нахъе хІамул рикълулев*
«С утра до обеда Коран читает, [а] после обеда ослов ворует».
- *Гъекъон хадуб как балеv, кванан худуб кІал кколеv.*
«Пьет [хотя] – молится, еду употребляет [хотя] – пост соблюдает».
- *Бисмилла бахъичІого, кваналеv – как бачІого, кІал кколеv.*
«Не прочитав молитву [хотя] – кушает, [хотя] не молится – пост соблюдает».
- *Вихъизе – тІарикълатчи, ватизе – хиянатчи.*
«На вид – тарикатец [верующий в тарикате (одно из исламских направлений/ учений)], на деле – хитрец/вероотступник».
- *КълъизегІан гІадамалгун къацандулев, къаде нахъе Аллагъгун къацандулев.*
«До обеда с людьми спорит, [а] после обеда Аллахом спорит».

Для усиления характеризуемых смысловых отношений и оценки поведения несправедливого (в отношении религии) человека используются языковые структуры, обозначающие противопоставленные ситуации, в которых человек ведет себя по-разному (разное поведение человека актуализируется также использованием слов антонимического (узуального или контекстуального) характера:

- *вихъизе – ватизе* «на вид – на деле»,
- *къалъизегІан – къаденахъе* «до обеда – после обеда»,
- *вихъулеб бакІалда – вихъулареб бакІалда* «на виду (у всех) – там, где [люди] не видят»,
- *гІадамазе – Аллагъасе* «для людей – для Аллаха» и т.д.

Таким же образом противопоставляются предикативные адъективные или субстантивные компоненты: читает (Коран) – ворует, служитель Ислама (*тІарикъатчи*) – вероотступник (*хиянатчи*) и т.д.

Противительные-уступительные отношения могут способствовать усилению положительного образа человека, соответственно и для формирования соответствующих национально-культурных коннотаций:

- *БетІер къотІаниги, как бачІого чІоларев.*
«Голову отрубят [если даже] – [а] молиться будет».
- *Хваниги, садакъа бикъичІого чІоларев.*
«Умрет [если даже] – [а] садака (=милостыню) раздавать будет».

Для усиления паремиологических образов могут быть использованы повторы союзов или, как их часто называют в лингвистической литературе по аварскому языку, союзных частиц, которые обычно соответствуют русским повторяющимся соединительным союзам типа *и – и, ни – ни*:

- *ГІайибалдасаги нечоларев, мунагъалдасаги хІинкъуларев.*
«**И** осуждения [со стороны людей] не стыдится, **и** греха [Свыше] не боится».
- *Дибирги къезавулев, къадиги чІезавулев.*

«**И** со священником спорит, **и** кадию говорить не дает» (букв. «кадия останавливает [=не дает говорить]»).

➤ *Бусурманлъун как гурев, капуравлъун хъанч гурев.*

«**Ни** намаза как у мусульманина, **ни** креста как у христианина».

Отдельные паремиологические единицы оценочного характера носят образно-компаративный характер. Компаративность иногда строится на принципе алогизма (= не логико-семантическом «конфликте»):

➤ *Гамал гъечлев гIалимчи – бакъ гъечлеб рагIад.*

«Добро не проповедующий ученый-богослов – [что] тень без солнца».

➤ *Гайибалда къвал барав, мунагъалда къан барав.*

«С упреками [окружающих] в дружбе (букв. «обнимается»), [а] на грехи свои рукой махнул».

➤ *Будунзаби, дибирзаби – дунялалъул сихIирзаби.*

«Будуны [муэдзины] и дибирсы [священники] – признанные в мире хитрецы».

Все охарактеризованные выше паремии носят гендерный характер. Негативные паремиологические образы в основном связаны с лицами мужского пола, что, скорее всего, связано с более высокими требованиями в соблюдении религиозных обрядов в первую очередь лицами мужского пола. Коннотации такого типа пословиц и поговорок усиливаются употреблением в их составе фразеологизированных выражений образно-оценочного характера: *гIамал гъечлев* «поведения [соответствующего] не имеющий» (недостойно с точки зрения религиозной морали) ведущий себя), *гIайибалда къвал барав* «обнимающий виновность» (находящийся в дружбе с чувством вины, не чувствующий своей вины), *мунагъалда къан барав* «ездящий [«гордо»] на грехах» и т.д.

Паремиологические образы, соотносительные с религиозным кодом культуры, усиливаются не только использованием повторов союзных частиц, но и или отдельных десемантизированных форм слов в роли усилительных частиц, что характерно для экспрессивных синтаксических конструкций

аварского языка: ср. *якак гурев, я кIал гурев* «ни намаза [не совершает], ни поста [не соблюдает]».

Таким образом, многие из характеризующих образов строятся на противительных-уступительных или сопоставительных смысловых отношениях, предопределяемых соответствующими ситуациями, в которых человек ведет себя по-разному, и поддерживаемых словами различных лексико-семантических групп религиозного содержания, нередко имеющих национально-культурный характер. Компаративная оценка человека в таких паремиологических единицах предопределяет возможность использования узуальных или контекстуальных антонимических противопоставлений в разных формах.

Известно, что чаще всего языковая символика используется во фразеологических и паремиологических образах, ориентированных на человека. Такая языковая символика на материале дагестанских языков изучена недостаточно.

Паремиологический материал аварского языка в этом плане специально не рассматривался. Значимость символического лексического материала, анализируемого в данном разделе, мотивируется и тем, что символические образы в аварском языке имеют национально-культурный характер, что имеет важное значение с учетом задач нашего диссертационного исследования.

Отмечая недостаточную изученность символических характеризующих гендерных паремиологических образов, следует все же обратить внимание на то, что в отдельных работах, посвященных исследованию аварских фразеологических и паремиологических единиц в лингвокультурологическом аспекте, поднимается проблема национально-культурной специфики языковой символической.

Так, З.Г. Абдуразакова отмечает, что в аварских паремиологических и фразеологических единицах употребляются слова, ставшие символами культуры, стереотипами, компонентами эталонной культуры [Абдуразакова

2014a:19]. Д.С. Самедов и Л.Г. Алиханова, анализируя особенности использования названий времен года в составе аварских паремиологических единиц, выражающих концепт «время», отмечают: «паремиологические единицы обращают на себя внимание тем, что в них отражается потребность носителей языка в символизации, некоторая ритуальность национально-культурных смыслов» [Самедов, Алиханова, 2012:53].

Об использовании зооморфного кода культуры в аварских паремиологических единицах пишет и А.Н. Магомедова: «В ряде паремиологических единиц, которые соотносятся с зооморфным кодом культуры, в переносном значении или в сравнительно-уподобительной функции употребляются названия животных, символизирующие трудолюбивого или, напротив, ленивого человека» [Магомедова, 2013:133].

Национально-культурная символика достаточно часто используется как в паремиологических, так и во фразеологических образах. В этой связи Д.С. Самедов отмечает: «Для понимания таких смыслов (символических), их национально-культурной специфики необходимо знать принципы и культурные основы развертывания заключенного (закодированного в социально-культурном плане) в них смыслового содержания» [Самедов, 2010a:144]. О характере символизации культурных знаков языка говорится в статье М.А. Гасановой, посвященной концепту «труд» в табасаранской языковой картине мира [Гасанова, 2013:196].

При описании национально-культурных смыслов языковых символов имеет значение внутренняя форма языковых единиц, имеющих часто идиоматический характер, так как через внутренние формы передается «информация о культуре и национальном менталитете народов-носителей, выявляются этнокультурные символы, стереотипы и эталоны в идиоматике» [Ворокова, 2003:15].

В литературе отмечается, что определенные слова, приобретая особый национальный смысл, становятся символами народов, а объекты, обозначаемые этими словами, становятся культурно значимыми. Характер

символической интерпретации таких объектов, как отмечает В.А.Маслова, имеет не только специфическую национальную окраску, но и отражает деятельностно-поведенческую доминанту того или иного народа [Маслова, 2004:19].

Достаточно часто в аварских паремиологических единицах, отражающих образ человека, в символической функции используются названия животных. Такое явление свойственно разным дагестанским языкам.

Так, например, отмечая факт использования в табасаранских паремиях зооморфного кода культуры, М.А. Гасанова отмечает: «Зоонимы часто выступают в качестве универсальной языковой метафоры, своеобразного культурного кода, в которых сущностные признаки человека и взаимоотношения людей раскрываются через наделение определенными качествами представителей животного мира» [Гасанова, 2012а:54].

Аварские паремиологические единицы в этом плане отражают как общедагестанские, так и национально-культурные (связанные именно с языковым сознанием аварцев) особенности. Так, например, в аварских паремиологических единицах названия животных в основном компаративно символизируют негативные качества лиц мужского пола, о чем свидетельствуют следующие примеры:

- *Бихьинасе ццц гурев, цццсе деген гурев.*
«Ни коза для самца [=козла], ни козел для самки [козы]» (о никчемности человека).
- *РагIи чол багъаяв – живго чахъдал багъаяв.*
«Слова цены лошади, сам же овцы стоит».
- *Рокъов – деген, къватIив – ццц.*
«Дома – козел [=смелый], на улице [в людях] – коза [трусливый].
- *Рокъов – гъалбацI, къватIив – гIанкI.*
«Дома – лев [смелый, сильный], на улице – заяц [трусливый, слабый].
- *Гадамазе гьойлъарав, гъабзазе ракъалъарав.*

«Для людей собакой стал, для собаки костью стал».

➤ *Анив дегІен, дова цІцІе.*

«Здесь [под защитой] – козел [=смелый, важный], там [где нет защиты] – коза [трусливый]».

➤ *Оцол гІадаб габуралгъул, тІотІол гІадаб бетІералгъул.*

«Шея как у быка [=физически силен], голова [=ум] как у мухи [=ума мало]».

➤ *Оцол тІомониб бачил ракІ лъурав.*

«В бычьем [сильном] теле – телячье [слабое] сердце».

➤ *Гъекъедал – хІелеко, вигъиндал – гІанкІу*

«Выпивши – петух [смелый, заносчивый, горделивый], протрезвевши – заяц [трусливый]».

➤ *Вихъизе бугъа – ватизе бече.*

«На вид – бугай [сильный], на деле теленок [слабый].

➤ *Къаркъала бугъилав, ракІ хІанчІилав.*

«Тело как у бугая [=здоровый, сильный], сердце птичье [трусливый, слабый].

➤ *ГІиял рехъенбугев – бихъараб тІагъур.*

«Отару овец имеет, а папах порванная» и т.д.

В приведенных паремиологических единицах названия животных в основном символически актуализируют отрицательные качества человека: трусость, слабость, никчемность. Компаративный характер этих паремиологических образов связан с противопоставлением видимой, внешней стороны человека и его негативных внутренних качеств, внутренней сущности. Для такого противопоставления используются ставшие символическими названия животных:

➤ *дегІен* «козел» (символ внешнего достоинства) – *цІе* «коза» (символ слабости, пугливости),

➤ *чу* «лошадь» (символ высокой цены, достоинства) – *чахъу* «овца» (символ никчемности, глупости),

- *гъалбацI* «лев» (символ отваги, силы, смелости) – *гIанкI* «заяц» (символ трусливости»),
- *оцол габур* «бычья шея» (символ физического здоровья, силы») – *тIомIол гладаб бетIер* «голова как у мухи» (символ отсутствия интеллекта),
- *оц* «вол» (символ силы, здоровья) - *бече* «теленок» (символ слабости),
- *бугъа* «бугай» (символ физического здоровья, силы) – *хIинчI* «птичка» (символ физической и духовно-моральной слабости),

В компаративных противопоставлениях, актуализирующих негативные качества человека мужчин [на гендерный признак лица мужского или женского пола указывают выделенные классные показатели **-в, -й**], используются названия физически сильных, внешне здоровых животных и относительно маленьких, физически слабых животных, ставших символами негативных внутренних человеческих качеств:

- *бугъа* «бугай» - *бече* «теленок»,
- *чу* «лошадь – *чахъу* «овца»,
- *бугъа* «бугай» - *хIинчI* «птичка»,
- *гъалбацI* «лев» - *гIанкI* «заяц» и т.д.

Кроме того, в паремиологических образах, соотносительных с зооморфным кодом культуры, называются обстоятельства, в которых человек ведет себя по-разному:

- *рокъов* «дома» - *къватIив* «на улице [в людях]»,
- *гладамазе* «для людей» - собака (о злом человеке) – *гъабзазе* «для собак» - кость (символ отношения к злему человеку),
- *гъекъедал* «когда выпьет» - *вигъиндал* «когда отрезвеет» и т.д.

Отдельные паремиологические образы с зооморфным кодом культуры подчеркивают положительные качества человека, но с ироническим оттенком:

Оцоца гIанасеб хIалтIи гъабулев, хIамица гIанасе къайи бачунев.

«Как вол работающий, как осел грузы тянущий» (слово *хIама* «осел» символизирует тяжелый физический труд; ср. в рус. *ишачить*).

Роржунел жалазда гьоркьов чIегIераб лачен Iадав.

«Среди летающих [птиц] подобен черному соколу».

Кверал меседилай, рукъи гIарцулай

«Руки [у которой] золотые, шитье серебряное [красивое]» (слово *гIарац* «серебро» во фразеологических и паремиологических образах разных дагестанских языков приобрело культурно значимую интерпретацию и используется как символ красоты, изящества [Самедов, 2010b:171], часто используется в текстах разных жанров устного народного творчества, особенно в песнях для девочек, балладах и в текстах свадебного обряда (например, при характеристике невесты)).

Для части паремиологических единиц характерен телесный код культуры. Названия частей тела человека и животных в таких пересекающихся паремиологических образах символизируют разные негативные качества человека:

- *чехь* «живот» (символ жадности, ненасытности),
- *бер* «глаз(а)» (символ ненасытности),
- *бетIер* «голова» (символ интеллектуальных свойств человека),
- *рачI* «хвост» (символ хитрости, лицемерия, изменчивости, коварства),
- *зар* «кулак» (в разных дискурсах компаративно символизирует малое количества ума; стойкость),
- *мацI* «язык» (символ болтливости, склонности к сплетням),
- *кверал* «руки» (символ отношения к труду) и т.д.

Приводимые ниже примеры аварских гендерных паремиологических единиц свидетельствуют об этом и подтверждают, несомненно, их национально-культурный характер.

➤ *Бикъун бер гIорцIичIев, кванан чехь гIорцIичIев.*

«От краденного глаза не насытились, от съеденного живот не насытился».

- *Чехь бакъарав, рукъ мискинав.*
«Живот [у которого] голодает, дом [у которого] бедный»
- *Гнакълу заргIанав, гIамал зобгIанав.*
«Ум величиной с кулак (=мало), самомнение величиной с небо» (=большое).
- *Чехь гIорцIаниги, бер гIорцIуларев.*
«Хотя живот сытый, глаза голодные».
- *Чехьальге ияхI гьечIев, ракъуе сабру гьечIев.*
«Живот без чести [ненасытный], от голода нет терпения»
- *МацI халат, гIакълугьечI.*
«Язык длинный, ума мало».
- *Меседил ца бугев, царал рачI бугев.*
«Зубы золотые, хвост лисий».
- *Гьорол къоялъ хIелкил рачI гIадав.*
«В ветреный день хвосту петуха подобный».
- *Бер бакъарав, чехь бакъарав, чияр хIарччда сахаватав.*
«Глаза голодные, живот голодный, у чужого стола хорошо себя чувствует».
- *Хьабиниб рахь букIаго, гьуд кодоса биччачIев.*
«Пока в крынке есть молоко, из рук ложку не выпустит».
- *Кверал къокъ, мацI халат.*
«Руки короткие [=работать не любит], язык длинный [болтать любит].»
- *Гьерсил гор горбода барав, мацIил хьаба хьатикъ ккурав.*
«Вранья круг на шею надел, лжи кувшин в руках держит».
- *ГьаракIуниб кIал лъурай, КIикIунир гIундул лъурай.*
«В Аракуни [назв. нас. пункта] рот положившая [=много сплетничает, болтает], в Кикунни [назв. нас. пункта] уши приложившая [=слушает сплетни].»
- *Бихьинчи вокьулев къурун михь ккурав.*
- «Мужчину любят со скрученными усами».

В приведенных паремиологических образах символические функции выполняют не только названия частей тела, но и другие определительные или определяемые компоненты, имеющие символический характер, формируемый их образно-переносным употреблением:

- *гьерсил гор* «вранья круг» (отражена количественная символика),
- *зобгИанаб гИамал* «о высокомерном человеке», букв. «самооценка в размеры неба» (через компонент *зоб* «небо» отражается количественная оценочная символика),
- *мацИил хьаба* «горшок [глиняный] лжи» (символ количества),
- *ретИел* «одежда» (символ достатка, благополучия): ср. ФЕ *ретИине ретИел гьечИев* «нищий» - букв. «одевать одежды не имеющий»),
- *гИор* «река» (отражает количественную семантику),
- *кИал* «рот», *гИундул* «уши» (соответственно символизируют сплетни, пустую болтовню, склонность человека слушать сплетни),
- *михьал* «усы» (символ мужского достоинства) и т.д.

Национально-культурный характер паремиологических образов создается как характеризуемой символикой, так и употреблением номинаций национально-культурных реалий: названий населенных пунктов, а также слов типа *хьаба* «глиняный горшок местного производства», *хИарччи* «деревянный поднос для еды» и др.

Отличаются национально-культурной значимостью паремиологические образы, соотносительные с предметно-вещным кодом культуры, где объекты, получившие символическую интерпретацию, характеризуются теми или иными типичными свойствами, качествами, переносно характеризующими человека.

В таких паремиологических образах сопоставительно используются названия объектов, символизирующих противоречивые или просто плохие качества, которые человек проявляет в разных обстоятельствах:

- *заз* «колючка» (символ жестокости) – *нах* «масло» (символ мягкости),

- *хъиру* «кремень» (символ жесткости, стойкости) – *квасквас* «хлопок» (символ мягкости),
- *квасквас* «хлопок» (символ слабости, мягкости) – *гъалбацI* «лев» (символ силы, превосходства),
- *цIам* «соль» (символ зла, злословия),
- *кIвекъмахх* «ножницы» - *рукIкIен* «иголка» (символы женского трудолюбия, хозяйственности),
- *чухъа* «черкеска» (символ благополучия, достатка) – *нацIцI* «вошь» (символ нищенства).

Ср. примеры фразового употребления языковой символики:

- *Мискинасе заз гIадав, залимасе нах гIадав.*
«Для бедных (=слабых) как колючка [злой, жестокий], для сильных как масло» [=мягкий].
- *ХIалимасе - хъиру, хъачIасе – квасквас.*
«Для мягкого [по отношению к мягкому человеку] – кремень, для жестокого – хлопок».
- *ХIалтIуе квасквас, кваназе – гъалбацI.*
«В работе – хлопок [=слаб], в еде – лев [силен] ».
- *МацIалда цIам бугев, цIанда борохъ барав.*
«На языке соль имеющий, на пупке [у которого] черви завелись».
- *КIвекъмаххгун барцарай, рукIкIенгун кьаллъарай.*
«С ножницами не дружит, с иголкой во вражде» (о женщинах).
- *Бечелъидал чухъа ретIарав, ресукълъидал нацIцIал кварав.*
«Разбогатевши черкеску надел, обнищавши вшей съел».

Ряд аварских гендерных компаративных паремиологических образов соотносится с природным кодом культуры. В таких паремиях используются лексические компоненты, символизирующие те или иные качества человека (положительные и отрицательные): *цIад* «дождь» (символ обилия, благодати), *гIор* «река» (символ напористости, силы), *ралъад* «море» (символ широты, щедрости) и т.д.:

- *Чвахун балеб цIад гIадав, шун бачIунеб гIор гIадав.*
«Подобный ливневному дождю, похожий на наводнившуюся реку».
- *Лъарал лъльиназда гъоркъов хъахIулаб ралъад гIадав.*
«Среди вод речушек голубому морю подобный».
- *МацIул цIад барав - цIогъол гIор шварав.*
«Сплетни [у которого] как дождь [=много], воровство как наводнившаяся река» [=много].

Имеет место употребление антропных метафор-символов и собственных имен, создающих национально-культурные коннотации:

- *«Бищун лъикIав багъадур» - къалде ккечIев Майиндур.*
«Самый лучший герой» - не воевавший Маиндур».
- *Гъоболлъун индал – хан, гъобол вачIиндал – лагъ.*
«В гостях [как] хан [=вольтотно чувствует], когда гость приходит [как] раб» [беспомощным рабом чувствует].
- *ГIадамазда гъоркъой ханасулбика.*
«Среди людей подобна ханше».
- *КIкIараялдеги хвалчен бахъарав «бихъинчи».*
«Даже на комара кинжал поднявший (букв. «вытащивший») «герой»».

Рассматриваемые паремиологические образы в основном соотносятся с зооморфным, телесным, предметно-вещным, природным и антропным кодами культуры. Национально-культурная специфика образов создается использованием языковой символики, а также названий национально-культурных реалий, получивших символическую интерпретацию, обусловленных социально-культурными факторами и особенностями образно-ассоциативного осмысления носителями языка окружающего мира и места человека в этом мире.

Национально-культурная символика генедерных паремиологических образов часто определяется внутренней формой ставших символами, культурно значимыми эталонами и стереотипами языковых единиц. Называемые такими языковыми единицами объекты имеют национально-

культурную окраску, связанную с их интерпретацией в сознании и восприятии носителей языка.

Как можно было заметить из приведенных выше пословиц и поговорок, многие аварские гендерные паремиологические единицы, в составе которых используется языковая символика, строятся на компаративной основе. Такой компаративный характер паремий связан с особенностями эмоционально-интеллектуальной и образно-ассоциативной интерпретации носителями языка символически номинируемых объектов действительности. Формируемые при этом паремиологические образы служат фрагментами национальной языковой (паремиологической) картины мира.

Экспрессивно-оценочный характер характеризуемых аварских пословиц и поговорок, а также отдельных фразеологизмов определяется переносным употреблением ряда лексических компонентов, исторически получивших символическую интерпретацию в языковом сознании аварцев.

1.5. Особенности символического употребления антропонимов в аварских паремиологических единицах

В опубликованных по аварской паремиологии работах особенности символического употребления антропонимов специально не рассматривались. Этим фактором (=лингвокультурологической значимостью) определяется актуальность поднимаемой в данном разделе проблемы.

Основная цель раздела – выявление и анализ особенностей символического использования аварских антропонимов в пословицах и поговорках, выражающих позитивное или чаще негативное отношение к человеку (к мужчине или женщине). В таком аспекте рассматриваются как мужские, так и женские имена собственные, формирующие национально-культурные компоненты аварских паремиологических единиц, ориентированных на человека.

Анализ материала свидетельствует о том, что в символической функции (в целях оценочной характеристики человека) употребляются имена собственные, исторически получившие определенную символическую интерпретацию. К таким антропонимам, например, относится мужское имя собственное аварского легендарного отважного фольклорного героя Хочбара, которого в достижении поставленных целей не останавливали никакие трудности и опасности.

В паремиях имя Хочбар частично сохранило такую мотивацию, хотя непосредственно оно не связывается именно с фольклорным именем. Об этом свидетельствует лингвокультурологический комментарий, данный автором сборника аварских пословиц и поговорок З. Алихановым к следующей компаративной паремии (точнее – фразеологическому образу):

➤ *Багъун чIалгIунареб тIехI бараб бече гIадин, диваналь къун чIоларев Хочобар гIадин.*

«Как вечно бодающийся паршивый теленок, как не проигрывающий в суде Хочбар».

З. Алиханов, интерпретируя данный паремиологический образ, отмечает: «Хочбар, оказывается, был упрямым, как паршивый теленок, но красноречивым человеком. К Хочбару приходили люди, которые предлагали часть отсудимого имущества или все имущество, но чтобы при этом он помогал в суде. Хочбар никогда не возвращался домой, проиграв в окружном суде. Он обращался к губернатору в Темирхан-Шуре. Еще не успев зайти к губернатору, прямо у входа, он начинал говорить о «своей» проблеме» [Алиханов, 1972: 243].

В приведенном паремиологическом образе актуализируется настойчивость, упорство человека, желание во что бы то ни стало достичь своей цели. В языковом сознании аварцев ассоциативная связь с фольклорным героем Хочбаром здесь, на наш взгляд, достаточно очевидна. Хотя и в иронической форме (стилистический оттенок иронии формируется

сопоставлением Хочбара с «упрямым» паршивым теленком), в данном образе актуализируется положительное качество героя.

Другое исторически значимое имя *Хаджи-Мурад* (имя мюрида Имама Шамиля) используется в нескольких паремиях:

БахIарчи цIакъав – Чондокъа ХIажияв, цIар – ХIажимурадие.

«Хороший храбрец – Хажияв их Чондотля, а слава – Хаджимураду».

Исторический комментарий к данной паремиологической единице гласит: «Хажияв был слугой Хаджимурада и рядовым солдатом. Когда похищали дочь хана для Хаджимурада, Хажияв, смелый слуга Хаджимурада, был первым. Он открыл ворота для похищения дочери хана». [Алиханов, 1972: 245].

Паремиологический образ, основанный на исторически реальном факте, получил ироническую интерпретацию в силу того, что здесь сопоставляются истинные и мнимые заслуги людей, когда заслуги одного человека становятся славой другого.

Другая паремия с тем же компонентом-именем собственным *Хаджимурад* (один из героев Кавказской войны) выполняет поучительно-инструктивную функцию, хотя здесь не использована типичная для таких случаев императивная форма глагола.

Например: *Гуллида ХIажимурад лъаларо* «Пуля не знает Хаджимурада».

«Однажды Хаджимурад оказался под градом пуль русских солдат. Спасаясь, он сбежал от пуль. Когда его спросили, почему он, такой храбрец, сбежал, он ответил приведенным выражением» [Алиханов, 1972: 257]. Паремиологический образ содержит поучение: перед опасностью надо быть осторожным, так как пуля (=опасность) не различает, кто смелый, а кто трусливый.

В одной из аварских паремиологических единиц упоминается имя начальника Гунибского округа конкретного исторического периода Назарова:

Адинги дуниялги букIинареб батила, доваго Назаровги вукIинарев ватила «И время, наверно, таким не останется, и Назаров тоже, наверно, там же не останется».

Использование русского имени собственного в аварской паремиологической единице, которая возникла в конкретный исторический период, объясняется следующим фактом. Данное выражение приписывают чохинцу (жителю села Чох Гунибского округа в тот период). Назаров был грубым начальником Гунибского округа. Среди людей, мечтающих свергнуть его жестокий режим, и распространилось это выражение, у которого, по некоторым предположениям, есть конкретный автор в лице чохинца [Алиханов, 1972:241].

Приведенный паремиологический образ интересен тем, что в нем отражаются образно-оценочные ассоциации носителей языка конкретной территории в конкретный исторический период, стремление людей к свободе и избавлению от подчинения (ментальные морально-нравственные свойства носителей языка).

Иногда отрицательные коннотации паремиологических единиц формируются нарочитым изменением фонетической структуры антропонима. Такой вариант имени собственного (особенно мужского) приобретает стилистический оттенок, в силу чего паремиологический образ становится еще более стилистически окрашенным:

РагIи гьорое биччалев гьорол ВухIума.

«Пускающий слова на ветер ветренный Вухума» [вместо Мухума].

Фонетической трансформацией антропонима (*ВухIума* вместо *МухIума*) формируется отрицательный образ человека-пустослова, которому трудно верить из-за его ненадежности и несерьезности.

В такой же частичной фонетической трансформации могут быть использованы, как показывает материал исследования, и женские имена собственные, что приводит к формированию негативного коннотативного паремиологического пространства. Так, например, в одной из паремий

вместо обычного варианта женского имени *Мириян* использован фонетический вариант с ироническим оттенком *Бариян*:

- *Абун-чадал гЕмер, ячун-чадал дагь, Ячунев чи гьечей Чалла Бариян*
«При сватовстве много хлеба обещает печь, выйдя замуж, мало печет хлеба. Некому [поэтому] брать замуж Чалла Бариян».

Паремиологический образ основан на уподоблении никчемной, не способной быть хорошей хозяйкой невесты (предполагаемой в такой роли женщины), образ которой в сознании носителей языка получил соответствующую историческую негативную интерпретацию.

В другом негативном паремиологическом образе:

МахІамалъун пер гурев, ГъатІиналъун цІан гурев.

«Ни лука, как у Мухумы, ни соли, как у Патины».

в целях стилизации также использованы фонетические трансформации популярных аварских имен собственных: *МахІама* (вместо *МухІамад*//*МухІума*) и *ГъатІина* (вместо *ПатІина*).

Роль антропонимов в составе паремиологических единиц как носителей исторической и этнокультурной информации, как отмечают исследователи, достаточно очевидна. Антропонимические языковые средства в аварских паремиологических единицах, ориентированных на человека, отличающиеся экспрессивно-оценочными характеристиками, употребляются достаточно продуктивно. Соответственно такие антропонимы формируют антропный код культуры, усиливаемый часто оценочно-компаративным характером соответствующего паремиологического образа.

Выводы по первой главе

1. Анализ аварских гендерных паремиологических образов (в том числе собственно фразеологических) с точки зрения их национально-культурной специфики свидетельствует о ряде особенностей, определяемых разными факторами. В этом плане, прежде всего, обращают на себя внимание, гендерные собственно фразеологические и паремиологические

(пословицы и поговорки) единицы, которые функционируют в текстах разных жанров аварского песенного фольклора – в колыбельных песнях, в шуточных песнях, в песнях о любви, историко-героических песнях, балладах и плачах.

Обращают на себя внимание особенности использования мужских и женских имен собственных. В этом случае исходные образы в переосмысленной интерпретации легли в основу фразеологических национально-культурных образов. В основном это мужские имена собственные, реже употребляются женские имена. В таких ФЕ употребляются также названия населенных пунктов, рек, этнонимы, обозначения имевших в прошлом исторических событий.

2. Признак гендерности рассматриваемых образов национально-культурной специфики актуализируется употреблением слов с антропным кодом культуры типа *вац* «брат», *яц* «сестра», *эбел* «мать» (но не *эмен* «отец») в сочетании с соматизмами (ср. *тІулбикъарав вац* «родной [по матери] брат» (букв. «печень поделивший [=одной печени] брат»), *тІулл яц* «родная сестра (букв. «печени сестра»).

Такие ФЕ продуктивно используются в аварских балладах. При необходимости обозначения (актуализации) мужского или женского пола употребляются слова, обозначающие только лиц мужского или женского пола (ср. *бахІарай* «невеста», *кочІохъан* «певец»).

3. О древнейшей историко-этимологической интерпретации некоторых фразеологических образов свидетельствует и преимущественное их использование в фольклорных дискурсах (например, в народных балладах). Отдельные образы такого типа, основанные на принципе алогизма, выполняют усилительные функции на коннотативном уровне. Это связано с тем, что содержание баллад строится как повествование о драматических (порой трагических) судьбах близкородственных людей.

4. Паремнологические образы, соотносительные с религиозным кодом культуры и имеющие оценочный характер, усиливаются использованием

повторов союзных частиц или отдельных десемантизированных форм слов в роли усилительных частиц. Оценочный характер соответствующих паремий предопределяет также возможность использования антонимических противопоставлений в разных формах.

5. Гендерные национально-культурные паремии соотносятся с зооморфным, телесным, предметно-вещным, природным и антропным кодами культуры. Для таких паремий характерна национально-специфическая символика, определяемая внутренней формой ставших символами, культурно значимыми эталонами и стереотипами языковых единиц. Характер интерпретации в плане символизации языковых единиц в определенной мере, как показывает материал исследования, определяется менталитетом, образом жизни и духовной культурой носителей аварского языка.

Многие гендерные паремиологические единицы характеризуемого типа строятся на компаративной основе, что связано с особенностями эмоционально-интеллектуальной и образно-ассоциативной интерпретации носителями языка символически номинируемых объектов действительности.

6. Большинство гендерных паремиологических образов, построенных на основе принципа алогизма, характеризуется специфическими грамматическими особенностями – использованием причастий в определительно и предикативно характеризующей (двойной) функции, что связано с необходимостью качественной оценки человека, обозначения его поступков и поведенческих свойств.

Для формирования принципа алогизма используются различные языковые средства – семантически несовместимые слова, антонимические противопоставления узуального и контекстуального характера, средства гиперболизации, выполняющие усилительные функции, и специальные глагольные формы, характерные для аварского языка (=формы уступительного наклонения), названия национально-культурных реалий.

7. Антропонимические языковые средства в аварских паремиологических единицах, ориентированных на человека, отличаются

экспрессивно-оценочными характеристиками, Соответственно такие антропонимы формируют антропный код культуры, усиливаемый часто оценочно-компаративным характером паремиологического образа.

ГЛАВА II
ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ И МОРФОЛОГО-СИНТАКСИЧЕСКАЯ
ХАРАКТЕРИСТИКА КОМПОНЕНТОВ АВАРСКИХ
ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ

2.1. Роль антонимических противопоставлений в аварских паремиологических единицах, отражающих внешний и внутренний облик человека

Значимость рассматриваемой в данном разделе проблемы заключается в том, что анализируемый паремиологический материал аварского языка является источником не только собственно лингвистической, но и этнолингвистической и лингвокультурной информации. В связи с такой значимостью характеризующие аварские паремиологические единицы в некоторых опубликованных работах исследуются в различных аспектах.

Так, например, статья А.Н.Магомедовой посвящена исследованию особенностей лексического состава аварских паремиологических единиц, выражающих концепт «труд» [Магомедова, 2013:131-133]. В её же статье характеризуется морфолого-синтаксический состав аварских паремиологических единиц как средство формирования паремиологических образов [Магомедова, 2012b:13-17].

В нескольких опубликованных статьях проводится концептуальный анализ аварских паремиологических единиц: рассматриваются концепты «Время» [Самедов, Алиханова, 2012:51-53], «Родина» [Самедов, Магомедова, 2012:30-36], «Смерть» [Самедов, Магомедова, 2012:122-124], «Патриотизм» [Самедов Д.С., Самедов М.Д., Магомедова, 2012:50-53], «Пространство» [Алиханова, 2011d:35-45].

Ряд статей посвящен исследованию в собственно лингвистическом и лингвокультурологическом аспектах аварских компаративных паремиологических единиц [Абдуразакова, 2012:27-32; Абдуразакова, 2014с: 260-262; Абдуразакова, 2014b:103-107; Абдуразакова, 2009:246-252].

Затронут также вопрос о лексико-семантическом составе и особенностях его влияния на формирование паремиологических образов пространственной семантики [Алиханова, Гаджихмедова, 2015:124-130].

Актуальность материала нашего исследования заключается в том, что проблема антонимической организации аварских паремиологических единиц как в целом, так и в частности (например, паремий, характеризующих внутренние качества человека) специально не исследовалась.

Антонимическое противопоставление, носящее зачастую оценочный характер, в аварских паремиях формируют слова разных частей речи. Прежде всего, показательно употребление в такой функции существительных.

В части таких паремий мнимые («показушные») качества человека противопоставляются его действительной (внутренней) сущности, что приводит к формированию оценочных противительных-сопоставительных смысловых отношений. Антонимия в характеризуемых паремиях может носить как узуальный, так и контекстуальный характер. Структурная организация составляющих частей таких паремий отличается симметрией противопоставленных компонентов, выраженных формами различных частей речи с разными значениями (субъектно-объектными, определительными и обстоятельственными):

- *Анив – дегIен, дова – цIцIе.*
«Здесь – козел, там – коза» (компоненты *дегIен* «козел» и *цIцIе* «коза» символизируют достоинство мужчины и его отсутствие).
- *Бицунев – гIабдал, гIин тIамулев – цIодор.*
«Кто рассказывает (=откровенничает) – глупец, кто слушает – умный [человек]».
- *Вихьизе – бахIарчи, ватизе – хIалихъат*
«На вид – герой, на деле – подлец».
- *Вихьизе – бугъа, ватизе – бече*
«На вид – бык, на деле – теленок».
- *Гьоболлъухъ индал – хан, гьобол вачIиндал – лагъ*

«В гостях – хан [царь], когда гость приходит – раб».

- Бадиве вециун, нахъасан какун

«В глаза хвалит, за глаза (букв. «сзади») критикует».

- Рокъов – гъалбацI, къватIив – гIанкI

«Дома – лев, на улице – заяц».

Противопоставляться могут компоненты, получившие исторически в языковом сознании носителей аварского языка образно-символическую интерпретацию:

- Бальда нахъа – хIалихъат, хIарчда нахъа – багъадур

«За лестницей [вне дома] – подлец, за едой [в доме] – герой».

В последнем примере слово *больо* «лестница дома» в форме локатива со значением «за лестницей» ассоциируется с пространством, где человек проявляет себя не так, как у себя в доме (за подносом с едой – *хIерч*), что позволяет их противопоставить в качестве разных (противоположных в поведенческом отношении) культурно-семантических пространств.

В некоторых паремиологических единицах в целях подчеркивания разных качеств человека одновременно противопоставляются слова разных частей речи:

- Бергъарасда гъоркъаги вахъунарев, къурасда тIасаги вахъунарев

«Из-под победившего не встает, и сверху проигравшего не встает» (в значении «и под победившим лежит [не встает], и над проигравшим лежит [чувствуя себя победителем]).

- БитIараб бицунелъул – мацIбабадулев, гъереси бицунелъул – чвахун бачIунев

«Правду говорит – заикается, неправду говорит – будто льется [рекой].

(противопоставлены субстантивные и причастные компоненты; (причастные компоненты, употребленные в предикативно характеризующей функции, на русский язык переводятся финитными формами глагола).

- БоцIольго вегарав, рагъалилъ вахъунев

«Кто рано ложится спать, тот рано утром встает» (противопоставлены глагольные компоненты).

Антонимически противопоставляемые компоненты могут быть как субстантивными, так и глагольными, адъективными и наречными (реже). Глагольные компоненты, как правило, употребляются при обозначении действий, поступков человека, а адъективные – при актуализации различных качеств характеризуемого лица:

- *Бакъ агиян, кьулун – кьо агиян, ворхун*
«Солнце пусть уйдет (=скроется), думая, наклоняется [сгибается, чтобы трудиться], пусть день пройдет, думая, поднимается».
- *Басрияб цулагул цияб гьалдибер, цияй бахIаралгул херав бахIарав*
«Из старых дров новое седло, у молодой (букв. «новой») невесты старый жених».
- *БахIарлгуда – кополчи, харадуниев – чIандачи*
«В молодости – весельчак, в старости – пустослов».

В ряде паремиологических единиц в качестве финитных глагольных форм антонимически противопоставляются (в предикативной функции) инфинитные (причастные и деепричастные) формы:

- *Вакьидал гIодулев [прич.], гIорцIидал велгулев [прич.]*
«Проголодается – плачет, наестся досыта – радуется (букв. «смеется»).
- *Вакьидал кьуларав [прич.], гIорцIидал ворхарав [прич.]*
«Проголодается – склоняется, наестся – выпрямляется».

Интересны и специфичны непродуктивные (в силу необычности, специфичности) случаи употребления глагольных пропозитивно-субстантивированных компонентов, образованных от инфинитивов при помощи адъективаторов (полная редукция определяемого слова при этом приводит к субстантивации причастия образованного от инфинитива):

- *Гьабизесеб тарав, тезесеб гьабурав*
«То, что должно быть сделано, оставил (=не сделал), то, что не должно быть сделано, сделал».

- *Гадамазе гьойгъарав, гъабзазе ракъалгъарав*

«Для людей ставший собакой, для собак ставший костью».

Гендерный (маскулинный) характер характеризуемых паремий достаточно очевиден. Многие из рассматриваемых паремиологических образов характеризуют лиц мужского пола, для которых положительные, но мнимые (=показушные) качества изображаются осуждаемыми. В таких паремиологических образах используется субстантивная зооморфная метафора: названия животных выполняют символические функции, обозначая разные (положительные и отрицательные) качества людей:

- *бугъа* «бык» (символ силы, достоинства) – *бече* «теленок» (символ слабости, никчемности),
- *хМелеко* петух» (символ задиристости, смелости) – *гІанкІу* «курица» (символ трусости),
- *гъалбацІ* «лев» (символ силы, смелости) – *гІанкІ* «заяц» (символ трусости, слабости).

В связи с тем, что рассматриваемые паремиологические образы соотносятся с антропным кодом культуры, в их составе используются наименования людей, являющиеся носителями как положительных, так и отрицательных (осуждаемых) качеств:

- *гІабдал* – *цІодор* «глупец – умный»,
- *бахІарчи* – *хІалихъат* «герой [=настоящий мужчина] – подлец»,
- *хан* – *лагъ* «хан (царь) – раб» (контекстуальные антонимы).
- *бахІарчи* – *цІукІа* «герой – трус».

В части паремиологических единиц с телесным кодом культуры символически противопоставляются (сопоставляются) названия частей тела человека, что также имеет непосредственное отношение к антропоцентрическому характеру рассматриваемых структур:

- *Гадамал ахІуд унелъул чехъ унтарав* [прич.], *игитал къалде цолелъулмугъ унтарав* [прич.]

«Когда люди в военный поход шли – [у него] живот заболел, когда герои до сражения дошли – спина стала болеть».

- *Бусурбанасул квер чIикIун, капурасул роц чIикIун*
«У мусульманина руку лижет [=целует], у неверного зад лижет».
- *Вихъарасе кIал кьолев, тIерхъарасе бер кьолев*
«Языком (букв. «ртом») встречает, глазами провожает».
- *Гъерсил гор горбода барав, мацIил хъаба хъатикъ ккурав*
«Вранья круг на шею повесил, сплетен кувшин в руках держит».

Отдельные паремиологические единицы соотносятся с религиозным кодом культуры:

ср. *Алжан кьун, жужахI босарав*

«Рай на ад променявший» (букв. «Рай отдав, ад принявший»).

Еще одной отличительной особенностью рассматриваемых паремиологических единиц является использование в предикативной функции кратких прилагательных антонимического характера, что не совсем типично для кодифицированного аварского литературного языка (=для узуса):

- *Хьул халат, хIалтIи къокъ*
«Надежда [у которого] длинная, а работа – короткая».
- *Живго гьитIин, гIамал кIодо*
«Сам маленький, а характер большой [со спесью]».
- *Кверал къокъ, мацIхалат*
«Руки короткие, а язык длинный».

В такой же предикативной функции употребляются и полные формы прилагательных:

- *Чужу ячине – херав, хвезе – бахIарав*
«[Если] жениться – [так] старый, [если] умирать – [так] молодой» (о лицемерии мужчин).
- *ХIалтIизе ккани – херав, хвезе ккани – бахIарав*
«Работать – [так] старый, умирать – [так] молодой».

- *Къаркъала бугъилав, ракІхІанчІилав*
«Тело бычье, сердце (душа) птичье» (в паремиологической единице, соотносительной с зооморфным кодом культуры, символически использованы названия животных).
- *ГъастІа кето къарияв, бокъоб боцІи хІалакъав*
«У очага [у которого] кошка жирная, в хлеву [у которого] скот худой».
- *Памал кІудияв, зарал гъитІинав*
«Характер (=мнение о себе) [у которого] большой [горделивый], а вред [от которого] маленький».
- *Чияр бихъизе – канав, жиндирго бихъизе – бецав*
«Чужое чтобы видеть – зрячий, свое чтобы видеть – слепой».

В части аварских паремиологических единиц антонимическое противопоставление основано на нетипичном для узуса самостоятельном употреблении причастий и особенно деепричастий в предикативной функции. Данное свойство характеризуемых паремий не является классифицирующим, но в морфолого-синтаксическом плане представляет определенный интерес:

- *Анкъица виччарав [прич.] цо къояль вакъвалев [прич.]*
«[Кто] месяц мокнет, [тот] в один день высыхает».
- *Анкъица къижулев [прич.], моцІица вегулев [прич.]*
«Кто неделю спит, тот месяц лежит [=бездельничает]»
(контекстуальное противопоставление слов с количественным значением).
- *Багъана гъечІого барщарав [прич.], мухъ къечІого рекъолев [прич.]*
«Кто без причины обиделся, тот без оплаты мирится».
- *Бакъ агиян къулун [деепр.], къо агиян ворхун [деепр.]*
«Когда же солнце –думая наклоняется, когда же день закончится-думая выпрямляется» (о ленивом человеке).
- *Бергъарасда къулун [деепр.], къурасда вортун [деепр.]*

«Перед сильным (букв. «победившим») голову склоняет, перед слабым, на слабого (букв. «проигравшего») нападает».

➤ *АхИчиЮго вачIарав* [прич.], *хъамичЮго унарев* [прич.]

«[Кто] без приглашения пришел, тот по своей воле не уходит».

➤ *Жиндаго бадибе чIалу бихъуларев* [прич.], *чияр бадибе рас бихъулев* [прич.].

«В своем глазу бревна не видит, в чужом глазу волос видит».

Использование причастий той или иной семантической группы в предикативной функции может быть мотивировано пропозитивными деепричастными или масдарными компонентами антонимического или конверсивного характера. Такие пропозитивные (событийные) деепричастия обозначают ситуации, в которых проявляются разные человеческие качества: *смелость-трусость, нетерпеливость, несдержанность, горделивость* и т.д.:

• *Вакъидал* [деепр.] *гЮдулев*, *гЮрцИидал* [деепр.] *велъулев*

«Проголодавшись, плачет, наевшись, смеется».

• *Бергъун* [деепр.] *чЮларев*, *къун* [деепр.] *чЮлев*

«Выиграв, не может успокоиться, проиграв, успокаивается».

• *Бечельидал чухъа ретIарав*, *ресукълъидал нацIаз кварав*

«Разбогатев, черкеску надел, обеднев, вшами покрылся».

• *Гъекъедал вагъулев*, *вигъиндал вахчулев*

«Опьянев, дерется – протрезвев, прячется».

Антонимические компоненты, выраженные прилагательными и причастиями в символических переносных значениях, могут быть использованы не только в предикативной, но и в собственно определительной функции (часто такие субстантивно-атрибутивные сочетания в силу своего символического содержания носят метафорический характер):

• *Басрияб цЮлалъул цИияб гъалдибер*, *цИияй бахIаралъул херав бахIарав*

«Новое седло [для осла] из старого дерева, старый жених для молодой

невесты» (=Седло новое, [а] дерево старое, невеста молодая, [а] жених старый).

- *БахIараб мехаль хIалтIизе кIухIаллъарав херлъидал кIицIул хIалтIизе ккола*

«Кто в молодости (букв. «в молодое время) не работал, тому в старости дважды приходится работать».

Адъективные компоненты могут субстантивироваться. При этом определительное значение у таких адъективных компонентов трансформируется (видоизменяется) в предметное:

- *БиIараб бицунелъул мацI бабадулев, гъереси бицунелъул – чвахунбачIунев*

«Когда говорит правду (букв. «правдивое») заикается, неправду когда говорит – льется [рекой]».

При помощи антонимических компонентов узуального и контекстуального характера могут быть обозначены алогичные ситуации (то, что противоречит логической раскладке фактов). В таких паремиях причинно-следственные отношения приходят в логическое противоречие, приобретают характер алогизма:

- *ГIодизе ккедал – йохарай [прич.], йохизе ккедал – гIодарай [прич.]*
«Когда плакать нужно – радуется, когда радоваться нужно – плачет».
- *Сагъльи кьун, унти босарав*
«Отдав здоровье, взял болезнь» (=променял хорошее на плохое).
- *Алжан кьун, жуужахI босарав*
«Отдав рай, взял ад».

(В смысле: «Променял рай на ад»).

Такого типа паремиологические единицы могут характеризовать лицемерного человека, у которого на языке одно, а в сердце другое (= говорит хорошее, сердцем желает плохое). Употребление антонимических противопоставлений по этой причине в паремиологических единицах характеризуемого типа естественно:

- *КІалалъ сагъльи гъарулей, раКІалъ хвел гъарулей*
«Ртом [=языком] желает здоровья, сердцем желает смерти».
- *Бадиве вециун, нахъасан какун*
«В глаза хвалит, за спиной ругает/критикует».

Антонимически могут быть употреблены и наречные компоненты:

- *Анив КІодо гъавурав, доваги КІодо гъавула*
«Кого здесь возвеличивают, и там возвеличивают».
- *Я цее гурей, я нахъа гурей*
«Ни впереди (среди хорошо работающих), ни сзади (среди отстающих).
- *Я гъанив гурев, я дова гурев*
«Ни здесь, ни там» (о бесполезном человеке).
- *Жакъа цвараб жакъа кунев, метер цвараб метер кунев*
«Что сегодня достал – сегодня ест, что завтра добудет – завтра ест» (о человеке, который не думает о завтрашнем дне).
- *ГІакълу бикъулелъул нахъа хутІарай, хабар бицунелъул, цее канцІарай*
«Когда ум раздавали – сзади была [не дошла], когда болтовню раздавали – вперед прыгнула».
- *Гъоркъан гъаналав, тІассан гъоролав*
«Снизу из плоти, сверху – пустой».
- *Гъоркъан тІутІурав, тІассан хохорав*
«Снизу – порванный, сверху – разорванный».

В последних двух паремиологических единицах компоненты *гъоркъан* «снизу» и *тІассан* «сверху», как нам представляется, использованы в символической функции для обозначения физического [тела] и духовного начала [головы]).

В единичных паремиологических единицах контекстуальные антонимы поддерживают и актуализируют компаративную семантику:

Мискинасе заз гІадав, залимасе нах гІадав «Для бедного – как колючка [колючий, грубый], для богатого – как масло» [мягкий, податливый].

Все отмеченное выше позволяет обобщенно отметить следующие основные особенности аварских паремиологических единиц, ориентированных на человека, образы которых построены на узуальной и контекстуальной антонимии.

Антонимическое противопоставление слов разных частей речи (существительных, прилагательных, причастий и деепричастий) в составе характеризуемых паремиологических единиц позволяет актуализировать одни качества человека (как правило, положительные) путем деактуализации других (негативных).

Чаще путем такого противопоставления осуждаются отрицательные качества лиц мужского пола (например, трусость, глупость, болтливость, несдержанность и т.д.), что объясняется национальным менталитетом и высокими моральными требованиями к мужчинам в культурных традициях носителей языка.

Характерно использование различных кодов культуры и языковых знаков, ставших национально-культурными символами. Особенно часто используется зооморфная символика, позволяющая иносказательно (переносно) и соответственно оценочно характеризовать человека.

Морфолого-синтаксические особенности ряда предикативных компонентов антонимического характера отличают паремиологические единицы от узуальных (общезыковых) антонимических противопоставлений. Антонимия в характеризуемых паремиологических единицах может выступать фактором, поддерживающим и актуализирующим компаративную семантику.

Антонимические противопоставления могут выступать и в качестве средств актуализации алогичных ситуаций действительности, когда причинно-следственные отношения, обычно характеризующиеся закономерностью, приходят в противоречие друг с другом.

2.2. Аварские компаративные паремиологические единицы в структурно-семантическом аспекте

Характеризуемые в данном разделе паремии представляют интерес не только в собственно лингвистическом, но и в лингвокультурологическом и когнитивном аспектах, так как исследование этих единиц дает возможность выявить и описать особенности образно-эмоционального и интеллектуального осмысления носителями языка различных качеств человека (в том числе по гендерному признаку) и его ситуативно обусловленного поведения паремиологическими средствами в качестве культурно значимых фрагментов аварской паремиологической картины мира.

В связи с этим представляется небезынтересным рассмотреть и различные коды культуры, с которыми соотносятся характеризуемые аварские паремиологические единицы, ориентированные на человека.

С точки зрения когнитивной лингвистики в данном случае представляет интерес интерпретация степени мотивированности использования в паремиологических единицах тех или иных грамматических форм, способствующих реализации различных смысловых отношений.

Компаративная семантика в рассматриваемых аварских паремиологических единицах выражается, прежде всего, при помощи сравнительных союзов, сочетающихся в присубстантивных сравнениях с именными компонентами (1), если обозначаются качества человека (используется союз *гIадав/гIадинав* «такой, как; подобный») или с глагольными компонентами (2), если уподобительно в приглагольных сравнениях характеризуется поведение человека в определенных ситуациях (используются союзы *гIадин/гIадинан* «как», *книги* «словно», «как»):

(1) *ХIалимасе хъиругIадав, хъачIасе квасквасгIадав*

«[По отношению] к тому, кто слабее/мягче (букв. «для слабого/мягкого [человека]) такой, как кремень, к тому же, кто грубее/сильнее, такой, как вата».

➤ *Чвахун балеб цIадгIадав, щун бачIунэб гIоргIадав*

«Ливневому дождю подобный, наводнившейся реке подобный».

➤ *Цам гьечлеб чорпагЛадав*

«Недосоленному супу подобный».

➤ *Чурульа бахъараб гIункIкIгЛадав*

«Подобный мышке, вытащенному из пойла» и др.

(2) *Бокъоб гIачIар гIадинан гIергIедулев, гIияль цIцIел жокиниги, э-эдулев* «Словно телка в хлеву, мычит, словно коза в стаде, блеет».

➤ *Гъой гIадин хIандолев, гъойиде сверулев*

«Лающий подобно собаке в собаку превращается».

➤ *Яс гIадин гIодулев ясалъул багъа вукIунарев*

«Плачущий, словно девочка, девочки не стоит» (о мальчике).

При уподоблении по количественному признаку (=семантика интенсивности) в отдельных паремиологических единицах используется союз *гIанасеб* «такой, как [по количеству]», «столько, сколько»:

Оцоца гIанасеб хIалтIи гъабулев, хIамица гIанасеб къайи баччулев «Столько, сколько вол, работающий, столько, сколько осел, груз тянущий».

Имеют место и бессоюзные компаративные паремиологические единицы. Это, в первую очередь, паремии, где уподобительное значение выражается формой номинатива. Такие компаративные паремиологические единицы можно назвать сравнительно-идентифицирующими:

• *Рокъов – дегIен, къватIив – цIцIе*

«Дома – [как] козел [=смелый, важный], на улице [=среди людей] – [как] коза [=трусливый].

• *Рокъов – гъалбацI, къватIив – гIанкI*

«Дома – [как] лев, на улице – [как] заяц».

• *Анив – дегIен, дова - цIцIе*

«Здесь [дома] – [как] козел, там [вне дома] – [как] коза».

• *Гундул рихъун – хIама, рачIчI бихъун – дегIен*

«По ушам – осел, по хвосту – козел».

Рассматриваемые гендерные компаративные паремиологические единицы характеризуются рядом морфолого-синтаксических признаков. К примеру, в предикативно характеризующей функции в ряде паремий используются:

- а) причастие,
- б) прилагательное,
- в) субстантив в номинативе (см. ниже примеры):

а) Оцоца гланасеб хIалти гьабулев [прич.], хIамица гланасеб къайи баччулев [прич.]

«Работает (букв. «работающий») как вол, грузы тацит (букв. «тащащий») как осел».

➤ **Меседил ца бугев [прич.], царал рачIчI бугев [прич.]**

«Золотой зуб имеющий, лисы хвост имеющий».

➤ **Бокъоб гIачIар гIадинан гIергIедулев [прич.]**

«Как телка в хлеву, кричит (букв. «кричащий»)».

➤ **Хъагиниса гелгIанги камуларев [прич.]**

«Подобно ложка, из кастрюли не выходит [кормится]».

б) РагIи чол багъаяв [прил. от багъа «цена»], живго чахъдал багъаяв

«Слово [у которого] лошади стоит, сам овцы стоит».

➤ **Вагъизе ккани – херав, хвезе ккани – бахIарав**

«Когда драться нужно – старый [=прикидывается старым], когда/если умереть нужно – молодой».

в) ГIундул рихъун – хIама, рачIчI бихъун – дегIен

«По ушам – осел, по хвосту – козел».

Анив – дегIен, дова – цIуIе

«Здесь – козел, там – коза».

В редких случаях в предикативной функции используется форма родительного падежа субстантива, что не характерно для узуса:

• **Оцол гIадаб габуралъул, тIотIол гIадаб бетIералъул**

«Шея как у бугая, голова [ум] как у мухи».

- *ХІалтІи* – кати́л, *кванай* [отглагольное существительное] – *хІамил*
«Работа – [как] у кошки, ест– [как] осел» (=Работает как кошка [мало],
ест как осел [много])».

В предикативно-характеризующей функции в редких случаях употребляется также прилагательное компаративной семантики, образованное от генитивной формы субстантива:

- *Къаркъала бугъилав* (←*бугъил+ав*), *ракІ хІанчІилав* (←*хІанчІил + ав*)
«Тело как у бугая, сердце как у птички».

Среди существительных в номинативе, употребляющихся в предикативно характеризующей функции, обращают на себя внимание сложные по структуре образования с первой определительно характеризующей частью:

- *Дир яс йачани* – нуцал-хІелеко, *ячичІого тани* – цІукІа-хІелеко
«Если женится на моей дочери – смельчак, не женится – трус» (букв.
«Если дочь мою возьмет – смелый петух, если не возьмет – трусливый петух»).
- *Бокъоб гІачІар гІадинан гІергІедулев*, *гІияль цІцІелжо* (*цІцІел* – ген.
форма от *цІцІе* «коза» + *жо* «существо; что-либо предметное или живое») *книги*, *э-эдулев*
«Словно телка в хлеву мычит, словно коза в стаде блеет».

В части таких бессоюзных паремиологических единиц, соотносительных с разными кодами культуры (зооморфным, предметным, антропным), компаративный образ мотивируется обозначением обстоятельств, в которых те или иные качества человека (в основном лиц мужского пола) выражаются. По этой причине отдельные паремиологические образы строятся на основе смысловых отношений обусловленности (временной, условной, уступительно-противительной, причинной и т.д.):

- *Воржине ккани* – варани, *хІалтІизе ккани* – хІинчІ
«Если [когда] надо лететь – верблю́д [верблюдом прикидывается], если [когда] надо работать – птичка».

- *Гьоболлгъухъ шведаль – хан, гьобол вачИндад – лагъ*
«В гостях [если/когда] – [как] царь, когда гость приходит – [как] раб».
- *Риидаль – Хасбика, хасало – кьватИулбика*
«Летом – [как] важная госпожа, зимой – [как] уличная госпожа» (=Кто летом время празднично проводит, зимой попрошайничает).
- *БахIараб мехаль – ахтачу, херльараб мехаль – гьагIдолеб хIама*
«В молодости – [как] жеребец, в старости – [как] кричащий осел».
- *ХIалтIуе - квалквал, квание – гьалбацI*
«В работе [=если нужно работать] – ленивец, в еде – [как] лев».
- *Ражи тIагIндад тIураб цIамулгьльингIадав*
«При отсутствии (когда нет) чеснока засоленной воде подобный».
- *Гьорол кьояль хIелкил рачIчI гIадав.*
«В ветреный день хвосту петуха подобный».

В ряде союзных и бессоюзных паремиологических единиц семантика компаративности мотивируется обозначением соответственно качеств лиц и животных, лиц и предметов, с которыми сравнивается человек (в значении «такой [же], как»). Такое уподобление имеет некоторую когнитивную основу, так как в животных и предметах обозначаются желательные или нежелательные качества, позволяющие позитивно или, напротив, негативно, оценить качества самого человека:

- *Пакълу гьечIей бика, рахъ гьечIеб гIака*
«[Как] ума не имеющая госпожа, [как] молока не дающая корова».
- *БечIчIараб рахъгIадав, лъадал хъахIаб полонгIадав*
«Подобный выдоенному молоку [человек], похожий на белую пену воды».
- *Къадалъ рекъолареб гьецIо гIадинав*
«Подобный не смотрящемуся [красиво] в стене необтесанному камню».
- *ЦIам гьечIеб чорпагIадав*
«Недосоленному супу подобный».
- *Гьарун швараб цIад гIадав, цIалун швараб бакъ гIадав*

«Вымоленному дождю подобный, выпрошенному солнцу подобный».

➤ *Гъусун багъулеб гъойгIадав*

➤ «Дерущийся, как напущенная собака».

Как свидетельствуют примеры, в таких компаративных паремиологических единицах, ориентированных на человека, семантика сравнения мотивируется, обосновывается, причинно интерпретируется причастными конструкциями или прилагательными:

гъарун цвараб цIадгIадав «вымоленному дождю подобный (выражается позитивное отношение), *мискинасе заз гIадав* «для слабых (=бедных) колючке подобный» (адресатное прилагательное мотивирует негативное поведение адресанта) и т.д.

Компаративные паремиологические единицы используются и для обозначения качеств никчемного человека. При этом сравнительное значение «ни [такой, как] – ни [такой, как]» выражается употреблением при названии объекта сравнения специфической причастной формы *гурев* «не являющийся» от *гуро* «нет, не является»:

- *Я бекерун бергъунѳбу чу гурев, я хIалтIун свакаларѳб хIама гурев* «Ни [как] побеждающий в скачках лошадь, ни [как] не устающий от работы осел».
- *Бихьинасе цIуIе гурев, цIуясе дегIен гурев* «Ни для самца – [как] коза, ни для самки – [как] козел».

Характеризуемые паремиологические образы в основном построены на зооморфной, предметной природной и антропной метафоре. В таких паремиологических единицах ряд лексических компонентов, ставших культурными знаками языка, выполняет символические функции. Символика характерна практически для всех аварских паремиологических образов, соотносительных с разными кодами культуры.

Прежде всего, следует выделить зооморфную символику, когда названия животных становятся национально-культурными эталонами, языковыми знаками, символизирующими через номинации животных

различные качества человека. В таких поговорах в основном актуализируются негативные качества лиц мужского пола (*трусость, лицемерие, лень* и т.д.), что свидетельствует о гендерной детерминированности данных образов.

Поскольку рассматриваемые паремиологические единицы носят компаративный характер, то в основном в таких поговорах языковые символы представлены парными номинациями, обозначающими положительные и отрицательные качества человека:

- *дегIен* (символ важности, высокомерия) – *цIцIе* «коза» (символ трусливости),
- *гьалбацI* «лев» (символ смелости, силы, отваги) – *гIанкI* «заяц» (символ трусости),
- *бугьа* «бык» (символ силы, достоинства) – *бече* «теленочек» (символ слабости, никчемности),
- *оц* «вол, бык» (символ внешней значительности, силы) – *тIумI* «муха» (символ слабости, никчемности),
- *гьой* «собака» (символ зла, агрессивности), *хIама* «осел» (символ тяжелого физического труда) и т.д..

Ср. примеры фразового употребления такого типа противопоставлений:

- *Гьой гIадин хIандолев, гьойиде сверулев*
«Лающий подобно собаке [человек] в собаку превращается».
- *Гьекъедал – хIелеко, вигьиндал – гIанкIу*
«Выпивши – [как] петух, протрезвевши – [как] курица».
- *Рокъов – дегIен, къватIив – цIцIе*
«Дома – [как] козел [=смелый, важный], на улице [=среди людей] – [как] коза [=трусливый].

Группа компаративных паремиологических единиц соотносится с предметно-вещным кодом культуры. В таких поговорах символически осмысливаются предметы, характеризующиеся какими-либо типичными признаками, переносимыми на человека.

Как и в случае символического использования названий животных, здесь попарно могут быть сопоставлены названия предметов, характеризующихся разными признаками:

- *рахь* «молоко» – *полоп* «пена» (символы белого цвета),
- *заз* «колючка» (символизирует злого человека) – *нах* «масло» (символ мягкости, слабости человека),
- *хьиру* «кремень» (символ стойкости, прочности человека) – *квасквас* «вата» (символ мягкости, слабости) и т.д.:

Ср. примеры паремиологических единиц:

- *БечIчIараб рахьгIадав, лъадал хъахIаб полоп гIадав*
«Подобный выдоенному молоку [человек], похожий на белую пену воды» (типичным признаком, являющимся основой для сравнения, в данном случае является белый цвет).
- *ЦIам гьечIеб чорна гIадав*
«Непосоленному супу подобный».
- *ХIалимасе хьиру гIадав, хъачIасе квасквас гIадав* «букв.
«Для слабого/мягкого [человека] – кремню подобный, для сильного/грубого – вате подобный».

Часть компаративных паремиологических образов соотносится с природным кодом культуры, в связи с чем в таких поговорках используются получившие символическую интерпретацию названия природных явлений типа *цIад* «дождь», *гIор* «река», *бакь* «солнце»:

- *Гъарун щвараб цIад гIадав, цIалун щвараб бакь гIадав*
«Вымоленному дождю подобный, выпрошенному солнцу подобный».
- *Чвахун балеб цIад гIадав, щун бачIунеб гIор гIадав*
«Ливневому дождю подобный, наводнившейся реке подобный».

В связи с тем, что некоторые из рассматриваемых компаративных паремиологических образов носят гендерный характер, то вполне естественна и соотнесенность данных образов с антропным кодом культуры.

В таких паремиях имена собственные и другие слова с антропным кодом культуры выполняют экспрессивно-оценочные функции:

- *Риидал – Хасбика, хасало – къватГулбика*
«Летом – [как] Хасбика (имя собств. жен. – символизирует праздность, лень) – зимой госпожа улиц (=попрошайка)».
- *Гнакълу гъечей бика, рахъ гъечЕб гЛака*
«Ума не имеющая госпожа, молока не дающая корова».
- *Гъоболлгъухъ шведал – хан, гъобол вачИндал – лагъ*
«В гостях – хану [подобен], гость когда приходит – рабу [подобен]».
- *Вихъизе – вас, ватизе – рагЛад*
«На вид – юноша [молодцеватый], на деле – тень».
- *Вихъизе – бахIарчи, ватизе – хIалихъат*
«На вид – герой, на деле – подлец».
- *Вихъизе – чи, ватизе – чухъа*
«На вид – молодец, на деле – трус».

Как свидетельствуют приведенные примеры, в ряде таких аварских паремиологических единиц, ориентированных на человека, сравнительно характеризующих положительные (=мнимые) и отрицательные (по сути) качества человека использованием соответствующего противопоставления *вихъизе – ватизе* «ни вид [одно] – на деле [другое]», паремиологические образы приобретают иронически осуждаемый характер, соответствующую стилистическую окраску.

В некоторых компаративных паремиологических единицах, ориентированных на человека, используются образно-определительные номинации, употребляемые обычно в народных песнях и имеющие, как устойчивые компаративные структуры, символический характер:

- *лълар биццатаб бис* (ГIадав) «(подобный) туру с толстыми рогами»,
- *хъахIилаб ральад* (ГIадав) «голубому морю (подобный)»,
- *чвахун балеб цIад* (ГIадав) «ливневому дождю (подобный),
- *швараб гIор* (ГIадав) «наводнившейся реке (подобный)»,

- *царал рачIчI* (бугев) «лисий хвост (имеющий).

Все отмеченное относительно структуры, семантики и символики аварских компаративных паремиологических единиц позволяет сформулировать некоторые обобщения.

1. Прежде всего, следует отметить, что для эксплицирования компаративной семантики характеризуемых паремий используются морфологические и лексико-синтаксические средства, что свидетельствует о взаимодействии в паремиологических единицах формально-структурных и семантических категорий при формировании соответствующих гендерных образов.

2. Представляет интерес и то, что аварские компаративные паремии, ориентированные на человека, соотносятся с разными кодами культуры.

3. Компаративно сопоставляемые в паремиях слова исторически подверглись символизации и в настоящее время, получив такую интерпретацию, отличаются коннотативной наполненностью.

4. В отдельных случаях на специфику компаративного образа влияет гендерный фактор.

2.3. Морфолого-словообразовательная характеристика компонентов аварских паремиологических единиц, ориентированных на человека

Морфолого-словообразовательная специфика компонентов аварских гендерных паремиологических единиц изучена недостаточно. Специально проблема исследования морфолого-словообразовательных особенностей компонентов гендерных аварских паремий не поднималась.

В аварских паремиологических единицах используются такие формы слов, которые кодифицированному литературному языку обычно не свойственны. Это особые формы сложных существительных: в связи с этим в данном разделе в основном речь идет о словообразовательной структуре сложной слов, являющихся составляющими маскулинных

паремиологических образов, которые обычно отражают информацию о негативных качествах лиц мужского пола.

Материал исследования показывает, что из всего собранного материала только в одной паремиологической единице, характеризующей негативные качества лиц женского пола, представлены сложные слова.

Типичными формами сложных слов, используемыми в предикативно характеризующей роли, являются сложные слова, первая часть которых представляет собой существительное, а вторая аффиктив с нулевой суффиксацией, совпадающий формально с краткими прилагательными.

В целом сложные слова такой структуры можно считать образованными путем сложения с нулевой аффиксацией. В качестве первых компонентов таких сложных слов используются как конкретные, так и отвлеченные по значению слова:

- Хабархалат (← *хабар* «разговор» + *халатав* «[у которого] длинный»), хІалтІидагъ (*хІалтІи* «работа» + *дагъав* «у которого мало») «Болтает много, работает мало».
- МацІхалат (*мацІ* «язык»), гІакълукъокъ (*гІакълу* «ум» + *къокъав* «у которого короткий») «Язык длинный, ум короткий».
- ХерчегІер (*хер* «трава» + *чегІерай* «[у которой] черная»), чІархалат (*чІар* «сорняки в поле» + *халатай* «у которой длинные»).
- Хьулхалат, хІалтІикъокъ «Мечты длинные, работа короткая» (*хьул* «мечта», *хІалтІи* «работа»).
- Квералкъокъ – мацІхалат «Руки короткие [в знач. «до работы не доходят»], [а] язык длинный».

В части таких паремиологических единиц использование антонимических противопоставлений (*короткий* – *длинный*, *большой* – *маленький* и т.д.) приводит к формированию сопоставительных смысловых отношений.

Отдельные паремиологические образы построены на основе противительно-уступительных отношений, когда актуализация одного качества человека приводит к деактуализации другого ожидаемого качества:

- *Цар клудияв ретелгъечI, бетIер клудияв гIакълугъечI*
«[Хотя] имя громкое (букв. «большое»), [но] одежды [средств] не имеет (букв. *ретелгъечI* «не имеющий одежды»), [хотя] голова большая, ума не имеет (букв. *гIакълугъечI* «не имеющий ума»).
- *РагIи гIакъл – гIакълугъечI, гьурикIодо – пишагъечI*
«[Хотя] слова мудрые – ума нет, [хотя] хвастовство большое [но] работы нет (*гIакълугъечI* «ума не имеющий», *хIалтIигъечI* «работы [=дела] не имеющий»).
- *БетIеркIодо – гIакълугъечI, хIатIалкIодо – рилълъингъечI*
«[Хотя] голова большая [но] ума нет, [хотя] ноги большие [но] движения нет» (сложные слова: *бетIеркIодо* «голова [у которого] большая, *гIакълугъечI* «ума [у которого] нет», *хIатIалкIодо* «ноги [у которого] большие», *рилълъингъечI* «движения [у которого] нет»).
- *Вугониги пайдагъечI, гъечIониги заралгъечI*
[Хотя] и есть (=существует), пользы нет, если и нет – вреда нет».

Имеет место употребление сложных существительных, образованных сложением формы родительного падежа с формой номинатива существительного. Такие сложные слова употребляются или в метафорических переносных значениях, или в компаративных паремиях, негативно характеризующих лиц мужского пола:

- *Гьоролкъояль хIелкилрачIчI гIадав*
«Подобный хвосту петуха в ветреный день» (сложные слова: *гьоролкъо*: *гьорол* «ветра» + *къо* «день»; *хIелкилрачI* (*хIелкил* «петуха» + *рачI* «хвост»)).
- *Оцол, хIамил хIисабгъечI, хIамикIартил бетIергъан*

«О быке, осле не думает, заботы [лишь] об осленке» (*xIамикIартил* – форма родительного падежа от *xIамикIерт* «осленок»: *xIами(л)* «осла» + *кIерт* «детеныш/осленок»).

Абсолютное большинство сложных слов, обозначающих негативные качества человека, в паремиях употребляется в предикативно характеризующей роли, хотя в семантическом плане эти слова имеют определительное значение, следовательно, в этом случае сливаются семантические и формально-грамматические функции.

В лингвокультурологическом плане рассматриваемые сложные слова соотносятся с разными кодами культуры:

- зооморфным (*xIамикIерт* «осленок», *xIелкилрачI* «хвост петуха»),
- телесным (*xIатIалкIодо* «большеногий», *квералкъокъ* «короткорукый», *бетIеркIодо* «большеголовый»),
- растительным (*чIархалат* «у которого] сорняки длинные», *херчIегIер* «[у которого] трава черная»),
- предметным (*ретIелгъечI* [у которого] нет одежды») и т.д.

Большинство рассматриваемых сложных слов соотносится с телесным кодом культуры, о чем свидетельствуют такие компоненты сложных слов, как *бетIер* «голова», *xIатIал* «ноги», *кверал* «руки», *мацI* «язык», *рачI* «хвост», *чехъ* «живот» и др.

Чаще всего средствами сложных существительных в паремиологических образах негативно оцениваются такие качества лиц мужского пола, как:

- отсутствие ума (*гIакълугъечI*),
- своего дела/ремесла (*пишагъечI*),
- нерасторопность (*рилъльингъечI*),
- пустословие, болтовня (*хабархалат*, *мацIхалат*),
- отсутствие своей позиции, одного мнения ([*гъоролкъояль*] *xIелкилрачI*),
- отсутствие материальных средств, достатка (*ретIелгъечI*),

- нежелание трудиться (*квералкъокъ, хIалтIидагъ*) и т.д.

В паремиологических единицах с лексическими компонентами-сложными словами имеет место использование принципа алогизма, когда обозначается то, чего в действительности не может быть. Такой принцип алогизма приводит к усилению негативных национально-культурных коннотаций:

- *Щурункъвер къалдасаги kwas бетIулев*
«[Даже] с черепахи норовит стричь шерсть» (о чрезмерной жадности человека).
- *ЧегIергIакайилан ккун, бихъинхIама бечIчIарай*
«Думая, что черная корова, осла-самца подоившая» (сложные существительные *чегIергIака*, *бихъинхIама* образованы по модели «кр.прил. *чегIер* «черная» + сущ. *гIака* «корова», *бихъин* «самцовый» + *хIама* «осел»).

Такие паремиологические единицы, построенные на основе принципа алогизма, небывальщины, не обязательно содержат компоненты сложной структуры:

- *Куй къинлъани, къегIер къолев*
«Если баран ягнится, ягненка отдаст».
- *ГункIкIги бечIчIулев, кIкIараги бечIчIулев*
«Мышку доит и комара дит».
- *Галжан къун, жужахI босарав*
«Рай на ад поменявший» (букв. «Рай отдав, ад взявший»).
- *ТуманкI гъечIевчанахъан*
«Охотник, не имеющий ружья».
- *Таждал хвах бихъун толев, тIаргъида рукъи барав*
«Оставив порванную штанину, залатавший папаху».
- *БахIри гъечIев чанахъан, чухъа гъечIев нуцалчи*
«Охотник, не имеющий гончей собаки, нуцал, не имеющий черкески».
- *Къали бекъун, рикъи бакIарулев*

«Засеяв большую мерку зерна, маленькую мерку [=урожай] собирающий».

Такие паремиологические образы, построенные на основе принципа алогизма, заслуживают специального исследования. Фразеологические и паремиологические образы такого типа в основном имеют национально-культурный характер.

В компаративных структурах с зооморфным кодом культуры также используются сложные слова. В таких структурах используются названия животных, с которыми по разным нежелательным качествам уподобляется человек:

- *БокъобгIачIар гIадинан, гIергIедулев вукIунев, гIияль цIцIелжо кинигинэ-эдулев вукIунев*
«Как телка в хлеву мычит (букв. «мычащим бывает»), как коза в стаде бе-скает».
- *БеIергъанчиясде тIал речIчулеб гъой гIадав, чурихинкI кьурасде багъулеб гIака гIадав*
«Как собака, набрасывающаяся на хозяина, как корова, бодающая того, кто поило ей дает» (о неблагодарном человеке).

Отдельные сложные слова, используемые в качестве лексических компонентов характеризуемых паремиологических единиц, образованы по существующим в языке словообразовательным моделям, но в других дискурсах такого типа структуры обычно не используются (т.е. только в характеризуемых паремиях):

Жиндиего – гъакинух, цогидазе – гIонкIкIонух.

«Для себя – широкая дорога (букв. «дорога для телеги»), для других – тропиночка (букв. «дорога для мышки») – о крайне эгоистичном человеке (лексически компонент сложной структуры *гIонкIкIонух* ← *гIонкIкIо(л) нух* «мышь дорога» с усеченной основой первого компонента встречается только в составе данной паремиологической единицы).

Для формирования паремиологических образов характеризуемого типа используются названия национально-культурных реалий (ср. *къали* «мерка для зерна») и сложные слова окказионального характера, образованные по не существующим в языке моделям в результате слияния двух компонентов.

Обобщая проведенный выше анализ, следует отметить следующее. Сложные существительные, образованные по общеязыковым и окказиональным моделям, в паремиологических единицах выполняют двойную функцию: они определяют негативные качества человека (=семантически используются как определения) и выступают в предикативно характеризующей функции.

Большая часть существительных сложной структуры используется символически в роли культурных знаков языка и соотносится с разными кодами культуры – с телесным, зооморфным, растительным и предметным.

В ряде характеризуемых паремиологических единиц используются антонимические противопоставления, имеющие узуальный или контекстуальный характер. Такие лексико-семантические противопоставления приводят к формированию сопоставительных смысловых отношений.

В части паремиологических единиц, построенных на основе противительно-уступительных отношений, актуализация одного качества человека приводит к деактуализации другого.

Особого внимания в плане выражения национально-культурных коннотаций заслуживают паремиологические образы, построенные на основе принципа алогизма, а также паремии, в составе которых употребляются названия национально-культурных реалий. Дело в том, что принцип алогизма формирует оценочные образы, равно как и использование наименований национально-культурного характера приводит к формированию эмоционально-оценочного слоя многослойной модальной базы паремий.

2.4. Функционально-семантическая характеристика экспрессивно-оценочных существительных в аварских паремиологических единицах, ориентированных на человека

Вопрос об особенностях употребления экспрессивно-оценочных существительных в аварских гендерных паремиологических единицах нами ставится впервые. Специальные исследования, посвященные данной проблеме, не проводились.

Как и в других разделах диссертации, для сохранения специфики аварских национально-культурных паремиологических образов переводы на русский язык иллюстративных примеров даются большей частью в дословной форме. Такая форма перевода аварских паремиологических единиц на русский язык дает возможность продемонстрировать фрагменты аварской паремиологической картины мира, свидетельствующие об особенностях образно-ассоциативного и эмоционально-интеллектуального осмысления окружающего мира носителями аварского языка.

Экспрессивно-оценочный характер рассматриваемых существительных в первую очередь объясняется их употреблением в переносных метафорических значениях. Особенно продуктивно в этой функции употребляются названия животных. Следовательно, такие паремиологические образы соотносятся с зооморфным кодом культуры.

В силу переносно-символического употребления в составе гендерных паремиологических единиц тех или иных зоонимов, характеризующих в основном лиц мужского пола, в целом рассматриваемые паремиологические образы и соответствующие коннотации носят национально-культурный характер.

Так, например, в качестве символических культурных знаков языка в гендерных (маскулинных) паремиях употребляются получившие в сознании носителей аварского языка образно-ассоциативную интерпретацию различные зоонимы.

Такие символические зооморфные коды культуры формируют как позитивные, так и негативные оценки внутренних и внешних качеств человека.

Анализ нашего материала свидетельствует о продуктивном употреблении в аварских паремиологических единицах, ориентированных на человека, следующих зоонимов в качестве соответствующих символов:

- *дегIен* (символ горделивости),
- *гьалбацI* «лев» (символ храбрости),
- *хIелеко* «петух» (символ задиристости, самодовольства, кичливости),
- *бугьа* «бык, бугай» (символ физической силы, мощи, напористости),
- *цIуIе* «коза» (символ трусливости, пугливости),
- *бече* «теленок» (символ никчемности, глупости),
- *гIанкIу* «курица» (символ слабости, трусости),
- *гIанкI* «заяц» (символ трусливости),
- *гьой* «собака» (символизирует злого, агрессивного человека),
- *бацI* «волк» (символ отваги, проворства) и т.д.

Практически все такого типа паремиологические единицы, в силу метафорического употребления названий животных для характеристики качеств человека, носят эксплицированный или имплицированный компаративный характер.

Компаративная основа таких паремиологических единиц способствует формированию национально-культурных образов и соответственно фрагментов аварской паремиологической картины мира:

- *Анив – дегIен, дова – цIуIе*
«Здесь [=дома] – козел, там [=вне дома] – коза».
- *Бакъараб хъумур гIадав, хъантIараб гьой гIадав*
«Голодному волку подобный, алчной собаке подобный».
- *Вихьизе – бугьа, ватизе – бече*

«На вид – бугай, на деле – теленок».

➤ *Гундул рихьун – хлама, рачI бихьун – дегIен*

«По ушам – осел, по хвосту – козел».

➤ *Рокъов – гъалбацI, къватIив – гIанкI*

«Дома – лев, вне дома – заяц».

➤ *Рокъов – дегIен, къватIив – цIцIе*

«Дома – козел, на улице – коза».

➤ *Багъун чIалгIунареб тIехI бараб бече гIадинав*

«Назойливо бодающемуся паршивому теленку подобный».

Примеры свидетельствуют о том, что в составе рассматриваемых паремиологических единиц употребляются названия как домашних, так и диких животных.

В основном такие паремиологические образы строятся на несоответствии качеств и поведения человека в одних («удобных» для человека) и других («неудобных») ситуациях, на противопоставлении кажущихся положительными, но мнимых качества человека и реальных отрицательных качеств. Так противопоставляются качества человека, связанные с его

а) внешним видом:

- *бугъа* «бугай» (большой, физически мощный) – *бече* «теленок» (маленький, немощный)

б) внутренними качествами:

- *гъаобацI* «лев» (=смелый) – *гIанкI* «заяц» (трусливый);
- *дегIен* «козел» (смелый, гордый, сильный) – *цIцIе* «коза» (трусливый, пугливый, слабый) и т.д.

Иногда оба сравнительно-сопоставительных зоонима используются для усиления одного и того же паремиологического образа человека, его коннотативно актуализируемого качества:

бакъараб хъумур гIадав «голодному волку/зверю подобный» – *хъантIараб гъой гIадав* «алчной собаке подобный».

Некоторые паремиологические образы компаративного характера соотносятся с природным кодом культуры, мотивируются метафорически-оценочным употреблением названий природных явлений, в сочетании с которыми уподобляются лица мужского пола. Дифференцированное употребление тех или иных оценочных существительных зависит от возрастного фактора характеризуемого лица.

Так, например, при ласковом обращении женщины к ребенку-мальчику могут быть употреблены компаративно-оценочные паремии следующего характера:

➤ *Гьарун щвараб цIад гIадав, цIалун щвараб бакъ гIадав*

«Явившийся [на свет] как вымоленный дождь, пришедший как выпрошенное солнце» (так выражается идея молитвенной просьбы, обращенной к Всевышнему).

При негативной оценке взрослого человека используются названия природных явлений, употребленные в переносном усилительно-количественном значении:

➤ *МацIул цIад барав, цIогьол гIор щварав*

«Вранье [у кого-либо] льется как дождь, кражи совершаются рекой» (в паремиологическом образе использованы субстантивные метафоры, соотносительные с природным кодом культуры: *мацIул цIад* «вранья дождь» и *цIогьол гIор* «кражи река»).

В ряде паремиологических образов, построенных на основе сравнительно-сопоставительных смысловых отношений, используются экспрессивно-оценочные существительные, противопоставленные на денотативном и коннотативном уровнях и получившие соответствующую символическую интерпретацию в сознании носителей языка:

➤ *Вихъизе – тIарикъатчи, ватизе – хиянатчи*

«На вид – правоверный [мусульманин], на деле – вероломный [человек].

➤ *Вихъизе – чи, ватизе – чухъа*

«На вид – мужчина [настоящий], на деле – трус».

- *Халимасе хъиру гIадав, хъачIасе квасквас гIадав*
«Для слабых [людей] как кремень [жесткий, жестокий], для жестких [людей] – как вата [мягкий].
- *Гъоболгъухъ индал – хан, гъобол вачIиндал – лагъ*
«В гостях – хан (=смелый), когда гости приходят – раб (=трусливый): оценочность создается переносно-символическим употреблением существительных *хан* «хан» и *лагъ* «раб».
- *Перенлъеда – лъетIахъан, шагъранухда – палугъан*
«На мелководье – пловец [хоть куда], на широкой [удобной, безопасной] дороге – словно пехлеван»: использование слов, обозначающих ситуации, где особого мастерства, сноровки и смелости от человека не требуется (*тIеренлъеда* «на мелководье» и *шагъранухда* «на широкой дороге») приводит к выражению стилистической окраски иронии, насмешки.

Для части рассматриваемых паремиологических образов, ориентированных на человека, характерно использование ставших позитивными или, напротив, негативными символами фольклорных мужских имен собственных или частично топонимов, функционирующих в данном паремиологическом дискурсе в качестве оценочных существительных:

- *Диваналь къун чIоларев Хочбар гIадин*
«Подобный Хочбару, не проигрывающему в споре (=в состязании).
- *Хвалчаца тIутI чIварав Чалдаса ГIусман*
«Убивший кинжалом муху Осман из Чалда» (конкретизация паремиологического образа и его национально-культурная специфика создается употреблением названия реального населенного пункта).
- *Дунял гIаламалгъул жо бикъулев цIогъор, цIогъорасул рокъоса жо бикъулев Къебед*
«Вор крадет все, что существует в мире, Кебед [же] крадет [у самого] вора».

В отдельных паремиологических образах для негативной оценки никчемного человека употребляются окказиональные звукоподражательные редуцированные субстантивные образования: *Я мими гурев, я дуду гурев* «Ни мими, ни дуду».

Никчемный, бездарный человек в интерпретации носителей языка рассматривается как не заслуживающий соответствующей узусной номинации, поэтому оценочно номинируется звуко-символическими образованиями окказионального характера.

Отмеченное выше относительно особенностей употребления экспрессивно-оценочных существительных, соотносительных с разными кодами культуры, в составе аварских паремиологических единиц свидетельствует о том, что их оценочная эмотивность в паремиологических образах создается разными факторами:

а) употреблением в паремиях изначально экспрессивно-оценочных существительных,

б) использованием одушевленных (например, названий животных) и неодушевленных существительных в переносных значениях и их символической интерпретацией в аварской языковой картине мира,

в) символизацией (позитивной и негативной) имен собственных людей, исторически связанных с определенными жизненными ситуациями,

г) символической интерпретацией культурных знаков языка носителями аварского языка.

Перечисленные признаки, взаимодействуя, могут накладываться друг на друга, образуя многослойную семантику и модусные значения фразеологических единиц.

2.5. Лексический состав и морфолого-синтаксические свойства аварских паремиологических единиц с противительно-уступительными смысловыми отношениями

В данном разделе анализируются особенности лексического состава и морфолого-синтаксических свойств компонентов паремиологических единиц, в которых реализуются противительно-уступительные смысловые отношения. Такие отношения, реализующиеся в паремиологических единицах способствует усилению противительно-уступительных смысловых отношений и соответственно их внутренних образов.

Противительно-уступительные смысловые отношения, как известно, строятся на основе принципа семантической противоречивости. В таких случаях в придаточной части сложного полипропозитивного предложения описывается ситуация, вопреки которой происходит событие главной части.

Уступка содержит в своей семантике противительный компонент («обманутое ожидание»). Анализ нашего материала свидетельствует о том, что уступительное значение реализуется в аварских паремиологических единицах, построенных как по формулам простых (но полипропозитивных) предложений (1), так и по структурным схемам сложных синтаксических конструкций (2):

(1) *Жиндиего гьечIеб гIакълу чидае кьолев*

«Делится умом, которого не хватает для себя».

Азарго гIи бугев – гIаг гьечIеб шарбал

«Тысячу овец имея, надевает штаны без [одной] штанины».

Лъадул бусен букIаго, накдалгъоров вегарав

«Имея семейную (букв. «у жены»), постель, на сеновале ночует».

(2) *Берал чIахIад, канлъи гьечI* «Глаза большие, зрения [наблюдательности] же не хватает».

Гъунар гьитIунав, гIакълу кIудияв

«Таланта не имеет (букв. «талант маленький»), самомнение большое».

Часть паремиологических единиц строится на эксплицированном (1) или частично имплицированном (2) семантическом противопоставлении понятий «есть» (имеется) – «нет» (не имеется).

(1) *Анкьго вас вугониги инсуца абурабила жиндир вас гьечИлан абун*
 «[Даже] семерых сыновей имея» (букв. «хотя есть»), отец говорит, что у него нет сына».

Кинабго лъайги бугев, лъараб жоги гьечIев

«Все знания имеет и ничего [по существу] не знает (букв. «ничего усвоенного не имеет»).

(2) *ХIатIал кIодо – рилъльгин гьечI*

«Ноги длинные (имеет), а ходьбы нет (=ходить не умеет»).

РагIи гIакъил – гIакълу гьечI

«Слова мудрые (имеет/говорит) – ума не имеет».

В другой группе паремий используются антонимические противопоставления, узуального (1) или контекстуального характера (2):

(1) *Хьул халат, хIалтIи къокъ*

«Намерения [хотя] длинные – работа короткая».

Кванай къарияв, хIалтIи хIалакъав

«Кушает [хотя] жирно – работает худо (букв. «работа худая»)).

ГъастIа кето къарияй, бокъоб боцIи хIалакъай

«У очага кошка [хотя] жирная, в хлеву скот худой».

Чехъ гIорцIарав, бер бакъарав

«Живот [хотя] сытый, глаза голодные».

(2) *КIал бечедав, чед тIеренав*

«Слова [хотя и] богатые, хлеб тонкий» (о жадном, скупом человеке).

Бадие ельулей, нахъасан хъандолей

«В глаза [хотя и] улыбается, за спиной ругается» (о женщине).

Пом чIартилав, ракIквасулав

«Кожа [букв. «шкура»] из шкуры [= «жесткая»], [а] сердце из шерсти [=«мягкое»]».

Такие противопоставления могут носить образно-символический характер. При этом паремиологические единицы соотносятся с разными кодами культуры (чаще – с зооморфным):

- *Рокъов гьалбацI – кьватIив гIанкI*
«Дома лев – в людях (букв. «вне дома») заяц».
- *Оцол тIомониб бачил ракI лъурав*
«В шкуре быка – телячье сердце (=душа)».

Подобного характера оценочно-символические противопоставления в ряде рассматриваемых паремиологических единиц носят компаративный (эксплицитированный при помощи сравнительных союзов или имплицитированный) характер:

- *Оцол гIадаб габуралъул, тIотIол гIадаб бетIералъул*
«Шея как у быка, а голова как у мухи».
- *Рокъов гьалбацI – кьватIив гIанкI*
«Дома [как] лев [=смелый], на улице [как] заяц [трусливый].
- *БахIри гьечIев чанахъан [гIадав], чухъа гьечIев нуцал [гIадав]*
«Охотнику без гончей [подобный], нуцалу [хану/правителю] без черкески [подобный].
- *ТIом чIартилав, ракI квасулав*
«Кожа [как] из шкуры [=жесткая], сердце [как] из шерсти [=мягкое].

Принцип алогизма в таких паремиологических образах способствует усилению противительно-уступительных смысловых отношений:

- *Рокъобго кьулгIаги тун, кьватIиса лълъим бачарав*
«Имея в доме родник, с улицы воду носят».
- *Порго бихьилалде, хьитал рахъарав*
«Еще реку не увидел, обувь снимает».
- *ГьекъечIого мехтулев, мехтичIого вигъунев*
«Не пьет – пьянеет, не пьянея – трезвеет».

- *Гелалдего херлъулев, хвелалдего шапулев*

«Еще не созрев, стареет, еще не умерев, мертвым падает».

В части характеризуемых паремий противительно-уступительные отношения с усилительным оттенком «если даже» выражаются специальной формой уступительного наклонения глагола:

- *Чехь гЛорцЛаниги, бер гЛорцЛуларев*

«Хотя живот сытый, глаза голодные».

- *Вас хваниги, къуличлев, къварилъи кканиги, чучичлев*

«Хоть сын умер, не согнулся, хоть беда настигла, держался крепко».

- *Кверал къотЛаниги, бикъичЛого чЛоларев*

«Руки хоть отрубишь, воровать не бросит».

Следует также отметить специфическое для аварского языка употребление кратких форм прилагательных в предикативной функции в анализируемых и других аналогичных паремиологических единицах:

- *РагИи гЛакъил – гЛакълу гъечI*

«Слова [как будто бы] мудрые – ума нет».

- *Хьул халат – хЛалтИи къокъ*

«Намерения [у которого] длинные – работа короткая».

- *Гамал кЛодо – гьунар гьитИин*

«Самомнение большое, [а] талант маленький».

- *Живго гьитИин – гЛамал кЛодо*

«Сам маленький, [а] мнение о себе большое».

К числу грамматических признаков компонентов характеризуемых паремиологических единиц можно отнести и использование в предикативной функции суффиксальных форм, образованных от кратких прилагательных с суффиксом *-ад*, указывающих на большой размер частей тела, но при этом не выполняющих свои функции:

- *Берал чЛахалад – канлъи гъечI*

«Глаза большие [имеющий] – [а] зрения нет» (о ненаблюдательном человеке).

➤ *Бетлер кюдо – глукълу гъечI*

«Голова большая, [а] «ума нет».

➤ *ХатIал кюдо – рилъльин гъечI*

«Ноги длинные (букв. «большие»), а ходить не может» (букв. «хотьбы нет»).

Представляют интерес также глагольные грамматические формы, выражающие семантику ограничения результативности действия («ещё не...», «прежде чем...») и обозначающие не предполагаемый при таком незавершенном действии («вопреки») результат:

- *Пелалдего херлъарав, хвелалдего шапарав*

«Еще не вырос, [но] состарился, еще не умер [но] пал».

- *Гюр бихьилалдего хьитал рахъарай*

«Еще реку не увидела (=прежде чем увидеть реку), [но] обувь сняла».

В отдельных паремиологических единицах употребляются деепричастная форма от глагола *букIине* «иметь» с формантом *-го*, предполагающая логически противоречащий результат, чем и создается эффект «обманутого ожидания» (= алогизма):

➤ *Инсул чIагла букIаго, чIамучIаб лъим гъекъарав*

«Имея отцовскую бузу, отстойную воду пьет».

В предикативной функции в ряде случаев выступают причастные формы, выполняющие в основном роль финитных форм глагола:

➤ *Дидаги гурхIулев, дир чедги кваналев*

«И меня [хотя] жалеет, и меня обворовывает».

➤ *Мугъалда квер бахъулев, чехъалда малал рарав*

«По спине рукой гладит, по животу ногами бьет».

➤ *Ах сайгъат гъабурав инсуре цIолбол кIолкIони къечIев*

«Отцу, подарившему сад, виноградники не дал».

➤ *Лаилагъа бачун, гIеч бикъарав«Молитвы [хотя и] читает, а яблоки ворует»*

Рассмотренные выше паремиологические образы через ключевые лексические составляющие соотносятся с разными кодами культуры:

- телесным (ср. *чехь* «живот», *бер* «глаз»),
- зооморфным (ср. *оц* «бык», *бече* «теленоч», *тлутI* «муха», *кето* «кошка»),
- растительным (ср. *цIибил* «виноград», *гIеч* «яблоки»),
- религиозным (ср. *как* «намаз», *кIалкквей* «пост, воздержание от пищи», *лаилагъа* «молитва»),
- антропным (ср. *чанахъан* «охотничок», *нуцалчи* «хан, правитель»),
- пищевым (ср. *чед* «хлеб», *чIагIа* «буза, брага») и др.

Такие культурно-символические лексические составляющие формируют национально-специфические паремиологические образы, ориентированные на человека.

Обобщая отмеченное выше, можно отметить следующее:

Противительно-уступительные отношения, реализующиеся в рассматриваемых паремиях, поддерживаются соответствующим лексико-грамматическим составом и усиливаются принципом алогизма, отчего паремиологические образы приобретают экспрессивно-оценочный характер.

Противительно-уступительные смысловые отношения реализуются в паремиях, структурно соответствующих структурным схемам как простых, так и сложных предложений. В формировании таких отношений участвуют лексико-семантические и морфолого-синтаксические средства специального назначения (например, формы уступительного наклонения глагола).

Оценочно характеризующие антонимические противопоставления, способствующие реализации противительно-уступительных отношений, могут носить как узуальный, так и контекстуальный компаративный характер. Компаративность не всегда эксплицируется соответствующими средствами языка.

Между тем обращают на себя внимание краткие формы прилагательных, выполняющие в паремиях с компаративным слоем

семантики предикативные функции, а также финитные и инфинитные (деепричастные и причастные) глагольные формы, актуализирующие компонент «обманутого ожидания» уступительной семантики.

В формировании противительно-уступительной семантики участвуют ключевые лексические компоненты, соотносительные с разными кодами культуры и получившие в языковом сознании аварцев когнитивно-символическую (=причинно обосновывающую) интерпретацию.

2.6. Особенности функционирования деепричастий и причастий в составе аварских паремиологических единиц, ориентированных на человека

Большинство рассматриваемых в данном разделе паремиологических единиц, построено по структурным схемам бессоюзных сложных предложений. В таких синтаксических структурах в разных функциях употребляются деепричастные формы глагола.

На особенности самостоятельного употребления деепричастий в бессоюзных предложениях в предикативной функции, в отличие от узуса, обратил внимание Д.С.Самедов. В связи с этим он отмечает: «Специфика грамматических частей сложных предложений заключается также в употреблении деепричастий в функции самостоятельных сказуемых» [Самедов,1996:14].

В такой функции в конечной позиции частей паремиологических единиц, построенных по формуле бессоюзного сложного предложения, деепричастия употребляются непродуктивно (аварским деепричастиям в русских переводах соответствуют формы глагола настоящего времени, обозначающие вневременное действие):

- *Бакъ агиян кьулун* [деепр.], *къо агиян ворхун* [деепр.]
«Думая, когда уйдет] солнце, сгибается [=сгибает спину], думая, когда закончится день, поднимается [разгибает спину]».
- *Бадиве вецун* [деепр.], *нахъассан какун* [деепр.]

«В глаза хвалит, за спиной (букв. «сзади») критикует».

В ряде паремиологических единиц, где употребляются деепричастия (в первой части паремии) и причастия (во второй части), в функционально-семантическом плане причастные формы соответствуют финитным формам глагола. Такие паремиологические образы могут быть построены на основе принципа алогизма

- *Как бачлого [деепр.], кIал кколев [прич.]*
«Не делая намаза, уразу держит».
- *Бисмилла абичлого [деепр.], квен кваналев [прич.]*
«Не сказав «бисмилла», еду ест» (что не соответствует религиозным канонам).
- *РокъобкъулгIа букIаго, къватIиса лым баччулев*
«Имея родник дома, с улицы воду тащит».
- *Би гъекъон гурони, къеч буссунарев [прич.]*
«Только выпив кровь, жажду утоляет».
- *Чу нахъа тун[деепр.], лъалкIбалагъулев [прич.]*
«Оставив коня сзади, след ищет».

Отдельные паремиологические единицы с причастиями и деепричастиями, употребленными в предикативной функции, соответствуют местоименно-соотносительным предложениям нерасчлененной структуры в современном русском языке:

- *Багъана гъечлого[деепр.], баръцарав [прич.], мухъ къечлого[деепр.], рекъолев [прич.]*
«Кто без причины обиделся, тот без оплаты помирился».
- *Бицун [деепр.] кантIуларев, бихъун кIантIулев [прич.]*
«Тот, кто, услышав, не кается, увидев, кается».

Отдельные паремиологические единицы по характеру смысловых отношений, реализующихся между частями, соответствуют сложноподчиненным предложениям с целевым значением. В таких паремиях деепричастия, употребленные в предикативной функции, обозначают

действия, имеющие целевое предназначение, а желаемый результат при этом обозначается причастиями:

- *Куй хъун* [деепр.], *кIалъазайурай* [прич.], *оц хъун* [деепр.], *юцIуинайурай* [прич.]

«Зарезали барана, чтобы заставить говорить, зарезали быка, чтобы заговорить».

Особый интерес представляют паремии с редкой формой причастия от слова *гуро* «нет» в предикативной функции. Такие паремиологические образы характеризуют никчемного человека, от которого ни в какой ситуации нет пользы:

- *Воржун хIанчIаль гурев, рештIун, гъудуль гурев*
«Ни, летая, среди птиц, ни, сев [опустившись], среди воронов».
- *АхIун хIанчIаль гурев, гъун гъудуль гурев*
«Ни среди птиц, ни среди воронов».
- *ВукIун хайиргурев, хун заралгурев*
«Ни пользы от того, что есть, ни вреда от того, что нет» (о бесполезном человеке).

Никчемность, неприспособленность человека к жизненным ситуациям обозначается и употреблением в усилительно-предикативной функции одного и того же причастных форм одного и того же глагола в обеих частях паремии, которые формируют значение категоричности:

- *КIалдиб лъураб чIамун бажаруларев, чIамун къураб къулчIун бажаруларев*
«То, что в рот положили, не может жевать, то, что, прожевав, дали, не может проглотить».
- *Бергъунги чIоларев, къунги чIоларев*
«Ни победив, не успокаивается, ни проиграв, не успокаивается».
- *Рос какулаго, рукъ кварай, гIака какулаго, нах кварай*
«Ругая мужа, дом (состояние) тратит (букв. «съела»), ругая корову, масло ест».

Обобщение материала, проанализированных выше гендерных паремиологических единиц аварского языка относительно особенностей употребления в их составе деепричастий и причастий в предикативной функции, позволяет отметить следующее. В паремиях деепричастия и причастия самостоятельно выполняют предикативные функции, занимая синтаксические позиции финитных форм глагола.

Обычно такие инфинитные формы глагола в паремиях выполняют усилительную функцию и отличаются стилистической окраской. Создаваемые такими паремиями образы имеют ориентированный на человека антропоцентрический характер и соотносятся с разными кодами культуры – с зооморфным, природным, предметным и т.д. В формально-структурном отношении характеризуемые паремиологические единицы соотносятся с разными типами сложносочиненных и сложноподчиненных предложений.

Выводы по второй главе

1. Семантическая структура аварских паремиологических единиц, ориентированных на человека, отчасти строится на антонимических противопоставлениях слов разных частей речи, что позволяет актуализировать в паремиях в основном положительные качества путем деактуализации негативных. В таких противопоставлениях, имеющих гендерный характер, осуждаются отрицательные качества лиц мужского пола (например, трусливость, глупость, болтливость, несдержанность и т.д.), что объясняется национальным менталитетом и высокими моральными требованиями к мужчинам в культурных традициях носителей языка. В части таких паремий используются различные коды культуры и языковые знаки, ставшие национально-культурными символами.

Антонимия в паремиологических единицах может выступать фактором, поддерживающим и актуализирующим компаративную семантику. Кроме того, антонимические противопоставления могут выступать в качестве

средств актуализации алогичных ситуаций действительности, когда закономерные по сути причинно-следственные отношения приходят в противоречие друг с другом.

2. Компаративная семантика паремий, ориентированных на человека и соотносительных с разными кодами культуры, эксплицируется при помощи морфологических и лексико-синтаксических средств. Лексические средства создания компаративности в таких паремиологических единицах подверглись символизации и отличаются коннотативной наполненностью. Имеют место случаи, когда на специфику компаративного образа влияет гендерный фактор.

3. В морфологическом плане представляет интерес употребление в составе характеризуемых паремий сложных существительных, образованных как по общеязыковым, так и окказиональным моделям. Такие структуры выполняют двойную (семантическую и грамматическую) функцию: обозначают негативные качества человека (=семантически используются как определения) и выступают в предикативно характеризующей функции. Многие существительные сложной структуры в паремиях символически используются в роли культурных знаков языка и соотносятся с разными кодами культуры – с телесным, зооморфным, растительным и предметным.

В группе паремий используются антонимические противопоставления узуального или контекстуального характера, формирующие, как правило, сопоставительные (или противительно-уступительные) смысловые отношения. В плане аварской паремиологической языковой картины мира и актуализации национально-культурных коннотаций обращают на себя внимание паремиологические образы, построенные на основе принципа алогизма.

4. Для морфологического компонента характеризуемых паремий характерно употребление экспрессивно-оценочных существительных, соотносительных с разными кодами культуры. Эмотивный характер паремиологических образов создается:

- а) употреблением экспрессивно-оценочных существительных,
- б) использованием существительных в переносных значениях и их символической интерпретацией в аварской языковой картине мира,
- в) позитивной и негативной символизацией собственных имен людей, исторически связанных с конкретными ситуациями,
- г) исторически обусловленной символической интерпретацией культурных знаков языка.

5. Обращают на себя внимание паремиологические образы, в которых противительные отношения, осложненные уступительной семантикой, поддерживаются соответствующим лексико-грамматическим составом паремий, в результате чего формируется экспрессивно-оценочный характер соответствующих паремий.

Противительно-уступительные смысловые отношения реализуются в паремиологических единицах, структурно соотносительных как с простыми, так и сложными предложениями.

В формировании таких отношений участвуют лексико-семантические и специальные морфолого-синтаксические средства (например, формы уступительного наклонения глагола, которых нет в русском языке). Краткие формы прилагательных, выполняющие в компаративных паремиях предикативные функции, а также финитные и инфинитные (деепричастные и причастные) глагольные формы используются в функции актуализации (=усиления) компонента «обманутого ожидания» уступительной семантики.

6. Для аварских паремиологических единиц, ориентированных на человека, как и для соответствующих паремий в ряде других дагестанских языков, характерно употребление деепричастий и причастий в предикативной функции, выполняя усилительную функцию и формируя стилистическую окраску. Такие паремиологические образы антропоцентрического характера соотносятся с разными кодами культуры.

ГЛАВА III

ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ АВАРСКОГО ЯЗЫКА КАК ОТРАЖЕНИЕ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ КАРТИНЫ МИРА: ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКОВОЙ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ

3.1. Концепт «КIиго гьумеральул чи / Двуличный человек» в аварской паремиологической картине мира

Аварские паремиологические единицы, отражающие образ двуличного человека, ни в лингвистическом, ни в лингвокультурологическом аспекте специально не исследовались. Отдельные семантические группы аварских паремий с учетом их различных признаков рассматриваются в разных научных работах. Так, например, компаративные паремии в сопоставлении с соответствующим материалом русского языка анализируются в кандидатской диссертации З. Г.Абдуразаковой, в которой затронуты вопросы собственно лингвистической и лингвокультурологической характеристики аварских компаративных паремий в сопоставлении с аналогичным материалом русского языка. Результаты этого исследования для нас достаточно значимы, так как здесь частично рассматриваются паремиологические единицы, ориентированные на человека [Абдуразакова, 2014а].

В ряде опубликованных научных статей анализируются лингвистические и лингвокультурологические особенности конкретных семантических групп аварских паремиологических единиц; например: структурно-грамматические и национально-культурные признаки компаративных паремий [Абдуразакова, 2014с: 260-262; Абдуразакова, Самедов, 2009:39-43], характер выражения императивной семантики при помощи паремиологических единиц [Магдилова, 2014:166-169], лексико-грамматический состав пословиц и поговорок пространственной и темпоральной семантики [Алиханова, Гаджихмедова, 2015:124-130; Самедов, Алиханова, 2012:51-53], особенности лексического наполнения паремиологических единиц, актуализирующих концепт «труд» [Магомедова, 2013:131-133], морфолого-синтаксический состав составляющих

компонентов как средство формирования паремиологических образов [Магомедова 2012b:13-17], синтаксические особенности пословиц и поговорок, выражающих концепты «пространство» и «время» [Алиханова, 2011d:35-45] и т.д.

Характеризуемые в данном разделе паремиологические единицы в основном отражают образ двуличного мужчины (что на согласовательном уровне выражается в использовании классного показателя первого [мужского] класса *-в*). Паремиологические образы, характеризующие двуличие женщин, представлены единичными примерами. Следовательно, маскулинный гендерный характер анализируемых паремиологических единиц наполняется соответствующими национально-культурными коннотациями, характеризующими в основном лиц мужского пола, для которых лицемерие и двуличие в аварской паремиологической картине мира характеризуются как негативные и недостойные для настоящего мужчины качества, что не соответствует аварскому (дагестанскому) национальному менталитету.

Для характеристики человека, у которого внешняя сторона противоречит его внутренним качествам, действительной сущности, используются узуальные и контекстуальные антонимические противопоставления, представленные симметрично в двух частях (составляющих структуру) паремиологической единицы:

- *вецизе – какизе* «хвалить – критиковать»,
- *бокьулев – бокьуларев* «любящий – не любящий»,
- *бахIарчи – хIалихъат* «герой – трус»,
- *вас – рагIад* «юноша [человек] – тень [человека],
- *бусурбан – капур* «мусульманин [верующий] – неверующий и т.д.

Приводимые ниже примеры паремиологических единиц такого типа свидетельствуют об этом:

- *Бадиве вецун* [деепр.], *нахъасан какун* [деепр.]

- «В глаза хвалят [кого-либо], за глаза (букв. «сзади» [=за спиной]) критикует».
- *Бикъизе бокъулев [прич.], цлогъорин абизе бокъуларев [прич.]* «Воровать любит, чтобы вором называли – не любит».
 - *Вихъизе - бахларчи, ватизе – хлалихъат.*
«На вид – герой, на деле – трус».
 - *Вихъизе – вас, ватизе – раглад*
«На вид – человек, в действительности – тень [человека].
 - *Гъоболлгъухъ индал – хан, гъобол вачИнда – лагъ*
«В гостях – хан, как гост приходит – раб».
 - *ХлалтIизе ккани – херав, хвезе ккани – бахларав*
«Когда нужно работать – старый [прикидывается старым], если умирать нужно – [еще] молодой».
 - *Падамазда гъоркъов – лъикIавчи, живго хутИдал – хиянатчи*
«Среди людей – хороший человек, кода сам один остается – подлый [=нехороший] человек.
 - *Чужу ячине – херав, хвезе – бахларав* «Если жениться нужно – стар, если же умирать нужно – [еще] молод».
 - *Жаниве вачIунелъул – нилъерав, къватIиве унелъул – чиярав*
«Когда заходит – наш, когда уходит – чужой».

Как показывают приведенные выше примеры, слова антонимического характера в основном используются в предикативно характеризующей функции, что, на наш взгляд, связано не с обозначением постоянного качества человека, определяющего его внутреннюю сущность, а с характеристикой изменчивости его поведения, временного состояния в соответствующей жизненной ситуации.

Нередко такие антонимические противопоставления связаны с зооморфным кодом культуры, поэтому здесь используются названия животных, символизирующие соответствующие противоречивые качества

человека и способствующие формированию компаративного паремиологического образа:

- *бугъа – бече* «бык (символ силы, напористости)– теленок (символ никчемности, мягкотелости)»,
- *хМелеко – гланкIу* «петух (символ горделивости) – курица» (символ трусости),
- *гъалбацI* (символ храбрости) – *гланкI* «лев – заяц» (символ трусости),
- *дегIен – цIе* «козел – коза» и т.д.

При помощи таких противопоставлений подчеркивается мнимая, показушная смелость, в действительности же это типичная для данного человека трусость, слабость:

- *Рокъов гъалбацI – къватIив гланкI*
«Дома – лев, на улице – заяц».
- *Рокъов – дегIен, къватIив – цIе*
«Дома – козел, на улице – коза».
- *Вихъизе – бугъа, ватизе – бече*
«На вид – бык, на деле – теленок».

Примеры свидетельствуют о том, что в антонимических противопоставлениях используются разные части речи (существительные, глаголы, адъективы), что мотивируется обозначением в маскулинных паремиологических образах качеств, признаков или действий, поступков человека (в основном лиц мужского пола).

Часто в качестве опорных слов контекстуально противопоставляются слова *вихъизе* «на вид» (букв. «видеть») – *ватизе* «на деле», актуализирующие внешнюю, видимую сторону человека и его истинное лицо (внутреннюю сущность), несоответствие одного другому:

- *Вихъизе – бусурбан, ватизе – капур*
«На вид – мусульманин, на деле – нечистый (=не мусульманин)».
- *Вихъизе – вас, ватизе – рагIад*

«На вид – юноша, на деле – тень».

➤ *Вихъизе – тIарикъатчи, ватизе – хиянатчи*

«На вид – [человек] праведный, на деле – [человек] предательский».

Для таких паремиологических единиц, как уже отмечалось, характерно использование названий животных, в переносном употреблении символизирующих и актуализирующих плохие качества человека путем деактуализации мнимых «достойных» качеств:

- *бугъа* (символ физической силы, здоровья),
- *гъалбацI* «лев» (символ смелости, отваги),
- *хIелеко* (символ верховенства, гордыни),
- *гIанкIу* «курица» (символ слабости, отсутствия воли, подчинения),
- *дегIен* (символ руководящей роли) и т.д.

Символика здесь имеет гендерный характер, так как сильные качества человека актуализируются мужской языковой символикой, а слабые – женской.

Поведение двуличного человека (мужчины) изображается в разных обстоятельствах, в различных жизненных ситуациях, что находит соответствующую лексико-синтаксическую и морфолого-синтаксическую поддержку:

- *бадибе – нахъасан* «в глаза – сзади (за спиной)»,
- *воржине – хIалтIизе* «летать – работать»,
- *гъекъедал – вигъиндал* «выпивши – трезвым»,
- *гIадамазда гъоркъов – живго хутIидал* «среди людей – когда сам один»,
- *рокъов – къватIив* «дома – на улице», *жанив – къватIив* «внутри (в доме) – на улице» и т.д.

Обычно первые части таких паремиологических образов характеризуют мнимые (показушные) качества человека, а вторые подчеркивают сущностные характеристики человека, что приводит к

деактуализации того, что является мнимым, кажущимся, внешним, обозначенным в первой части паремиологических единиц:

- *Бадиве вецун, нахъасан какун*
«В глаза хвалит [кого-либо], за глаза (букв. «сзади» [=за спиной]) критикует».
- *Воржине ккани – варани, хIалтIизе кккани – хIинчI*
«Чтобы [когда нужно] лететь – верблюд [не может летать], чтобы [когда нужно] работать – птица [не умеет работать]: в паремиологической единице отражается образ прикидывающегося в соответствии с ситуацией человека.
- *Падамазда гьоркьов – лъикIав чи, живго хутIидал – хиянатчи*
«Среди людей – хороший человек, когда сам один – подлый [человек]».
- *Рокъов – дегIен, къватIив – цIцIе*
«Дома – козел, на улице – коза».
- *ХIалимасе – хъиру, хъачIасе – квасквас*
«Для мягкого человека [по отношению к мягкому человеку] – камень, для грубого человека – вата».
- *Вихъизе – чи, ватизе – чукъа*
«На вид – мужчина, на деле – трус» и т.д.

В отдельных паремиологических единицах используется форма глагола императивной семантики, выполняющая назидательную функцию. Из двух существующих альтернативных ситуаций императивная форма, используемая в соответствующей паремиологической единице, «советует» выбрать нравственно правильную, отвечающую моральным нормам жизни:

- *Бадиве вецун, нахъасан какуге*
«Похвалив в лицо, за спиной не осуждай».
- *Гъекъедал вагъун, вигъиндал вахчуге (вариант поговорки)*
«Пьяным подравшись, отрезвев, не прячься» (противопоставляются качества *трусости* – *смелости*).

В обеих частях паремиологических единиц может быть употреблена запретительная форма, если обозначаемые ситуации не оставляют возможности выбора:

- *Къуватасе хИелуге, хИал бугесе къулуге*
«Перед сильным не лъсти, перед мощным не прогибайся».
- *Мискинасе заз гИадинги вукIунге, бечедасе нах гИадинги вукIунге*
«Для бедного [=по отношению к бедному] как колючка не будь, для богатого как масло (=мягким) не будь».

Часть паремиологических единиц характеризуемой семантической группы имеет имплицированную компаративную основу. Особенно такая компаративность характерна для паремиологических образов, сравнительно идентифицирующих человека с объектами внешнего мира (например, с животными). Предикатные компоненты таких паремий выражаются существительными в номинативе:

- *Вихъизе – бугъа, ватизе – бече*
«На вид – [как] бугай, на деле – [как] теленок».
- *Рокъов – гъалбацI, къватIив – гIанкI*
«Дома – [как] лев, на улице – [как] заяц».
- *Рокъов – дегIен, къватIив – цIцIе*
«Дома – [как] козел, на улице – [как] коза».

Такого типа компаративные паремиологические единицы с формально не выраженной семантикой сравнения могут быть соотносительными не только с зооморфным кодом культуры, но и с предметным, где номинации сравниваемых объектов имеют переносно символическое значение. В этом случае формируется вещно-предметная метафора:

- *Вихъизе – хIан, ватизе – рахъ*
«На вид – [как] сыр, в действительности – [как] молоко».
- *ХИалимасе – хъиру, хъачIасе – квасквас*
«Для слабого (доброе) [человека] – [как] камень, для сильного – [как] вата».

Компаративность характерна и для паремиологических образов, соотносительных с антропным кодом культуры, где через номинации человека сравнительно противопоставляются положительные (мнимые) и отрицательные (действительные) качества человека:

➤ *Вихъизе – бахIарчи, ватизе – хIалихъат*

«На вид – [как] герой, на деле – [как] подлец».

➤ *Вихъизе – чи, ватизе – чукъа*

«На вид – [как] настоящий человек, на деле – [как] трус».

Компаративная семантика отдельных паремиологических единиц может быть эксплицирована при помощи соответствующих сравнительных союзов (*гIадав* «подобный, похожий», *гIадин* «как»):

➤ *Мискинасе зазгIадав, залимасе нахгIадав*

«Для бедного (=слабого) колючке подобный, для сильного маслу подобный».

➤ *Гъоболлъухъ индал – хангIадин, гъобол вачIиндал – лагъгIадин*

«В гостях – как хан, когда гость приходит – как раб».

Признак двуличия человека может быть обозначен и усилен употреблением в разных частях сложной по структуре паремиологической единицы предикатов, выраженных положительной и отрицательной формами причастия:

➤ *Бикъизе бокъулев [прич. положит.], цIогъорин абизе бокъуларев [прич. отриц.]*

«Воровать любит, воров называют – не любит».

➤ *Чияр бадибе унеб рас бихъулев [прич. положит.], жиндирго бадибе унебчIалу бихъуларев [прич. отриц.]*

«В чужом глазу волос видит, в своем глазу бревно не видит [=не замечает]».

В случае обозначения безальтернативно отрицательных качеств человека, которому нравится то, что в обществе не принято делать, что не

является нормой поведения, то в обеих частях паремиологической единицы употребляется положительная форма причастия:

- *Гьекъон хадуб как базе бокъулев, кванан хадуб кIал кквезе бокъулев*
«После выпивки молиться любит, после еды – пост соблюдать любит».
- *Хинкъарасда мал базе бокъулев, къвакIарасда къвал базе бокъулев*
«Слабому пинка давать любит, с сильным обниматься любит».

В отдельных случаях форма условного наклонения глагола может быть употреблена в долженствовательном значении, осложненном оттенком временного значения в зависимости от обозначаемой ситуации:

- *Боржине ккани – варани, хIалтIизе ккани – хIинчI*
«Если [+когда] необходимо летать – [как] верблюд, если [когда] нужно работать – [как] птичка».
- *Чияр бихъизе ккани – канав, жиндирго бихъизе ккани – бецав*
«Если [+когда] чужое [чужие недостатки] надо увидеть (=заметить) – [как] зрячий, если [+когда] свое [свои недостатки] нужно увидеть – [как] слепой».
- *ХIалтIизе ккани – херав, хвезе ккани – бахIарав*
«Когда [+если] нужно работать – старый [прикидывается старым], если [+когда] умирать нужно – [еще] молодой [молодым прикидывается]».

Проведенный анализ позволяет отметить, что в аварских паремиологических единицах образ двуличного человека отражается при помощи различных лексико-семантических, лексико-синтаксических и морфологических средств.

Имеет место употребление в предикативно характеризующей роли специфических морфологических форм, не характерных для узуса (например, причастий, деепричастий, полных форм прилагательных).

Качество двуличия в ряде образов пересекается с лицемерием, никчемностью, трусостью, моральной безответственностью человека (в основном лиц мужского пола: то, что прощается женщинам по менталитету, не прощается мужчинам).

Маскулинность отрицательных образов, таким образом, определяется менталитетом носителей языка и их традиционными моральными устоями, нравственными признаками, социально- общественными ориентирами.

Сопоставительные смысловые отношения в характеризуемых паремиологических единицах, в структурном плане представляющих бессоюзные сложные предложения, реализуются при участии слов антонимического характера, выполняющих функции различных кодов культуры и языковых символов, ставшими культурными знаками языка.

3.2. Концепт «ЧужугIадан / Женщина» в аварской паремиологической картине мира: лингвокультурологический анализ

Несмотря на то, что в существующих научных работах затрагиваются разные проблемы аварских паремиологических единиц, гендерный аспект паремий, ориентированных на человека, практически не затронут, не выявлены и не описаны специфические национально-культурные особенности аварских гендерных паремиологических единиц. Ни в собственно лингвистическом, ни в лингвокультурологическом аспектах, можно сказать, дифференцированно не актуализированы паремиологические образы женщин и мужчин (в том числе – мужа и жены).

Анализ нашего материала свидетельствует о следующем. Во многом аварские паремиологические единицы, характеризующие жену, носят оценочно-назидательный характер. В связи с этим основными средствами общей оценки жены (*чIужу/лъади*) в характеризуемых паремиях являются адъективы (прилагательные и причастия):

лъикIай «хорошая», *квешай* «плохая», *барахцарай* «скупая», *гIакъилай* «мудрая», *цIодорай* «умная», *берцинай* «красивая», а также фразеологические единицы с определительно-оценочной категориальной семантикой:

кIал квеш «злоречивая», *рукъцIунарай* «бережливая» [букв. «дом берегущая»], *чадил мучари гъабулей* «склонная к преувеличению; из мухи слона делающая» (букв. «из хлеба тмин делающая»).

Приводимые ниже примеры свидетельствуют об этом.

- *ЛъикІай чІужуялъ рукъ цІунила, квешаль цущахъ биххила*
«Хорошая жена дом [=имущество] сбережет, плохая же разрушит [=растратит].»
- *ЛъикІаб дару къогІаб букІунѐб, лъикІай чІужу тамахай йикІуней*
«Хорошее лекарство горькое бывает, хорошая жена мягкая [с мягким характером] бывает».
- *ЧІужу барахцарай лъикІай, рос сахаватав лъикІав*
«Жена хороша скупая (=бережливая), муж – щедрый» (скупость жены приравнивается к бережливости и оценивается положительно).
- *ЛъикІай лъадиялда бацадаб жо щибго гъечІѐб* «Равного хорошей жене ничего нет».
- *КІал квеш лъадилъиларо* «Злоязычная (букв. «язык у которой злой») женой [настоящей] не станет».

Жена может быть оценена со стороны мужа. Многие из таких единиц носят компаративный характер:

- *Йокъуларей лъади – бокъуларѐб квен* «Нелюбимая жена – [что] нелюбимая [=невкусная] еда».
- *Бищунго цІакъ рукъалъул хІал чІужуялда лъала, бищунго цІакъ чІужуялъул хІал росасда лъала*
«Лучше всего дом жена знает, лучше всего жену муж знает».
- *ЧІужу ецун квегъе, чу беэдун квегъе*
«Жену, похвалив, обуздай – коня, обласкав, обуздай» (=Жену хвалить надо, коня ласкать надо»).
- *КІиабизе ячарай чІужу – кІиабизе тІураб бухІаражсо*
«Вторая жена – [что] второй раз налитое горячее» [=горячая еда].»
- *КІиго чІужу – кІиго тушман*
«Две жены – [что] два врага».
- *КІиабизе чІужульун йикІунегІан, кІицІулго хабаль лъикІ*
«Чем быть второй женой, лучше быть дважды в могиле».

Семантика оценочности в такого типа паремиологических единицах поддерживается лексическими или лексико-синтаксическими средствами с имплицитной или эксплицитной коннотацией: *бухIаражо* «горячая [=обжигаящая] [еда]», *тушман* «враг», *хоб* «могила», *бокьулареб квен* «нелюбимая еда» и т.д.

Оппозиция *жена – муж* позволяет дать положительную или отрицательную оценку качествам и поведению жены в доме:

- *Къарияб жинцаго куней, хIалакъаб росасе къолей*
«Жирное [мясо] сама ест, худое мужу дает»: оценочный характер паремиологической единицы актуализируется употреблением в предикативно-характеризующей функции не глаголов, как, например, в русском языке, а адъективных (причастных) компонентов: *куней* «едающая», *къолей* «дающая» и т.д.
- *Рос хер гъавулейги чIужу, рос бахIар гъавулейги чIужу*
«Жена мужа и старит, и молодит» (как и в предыдущей паремии, здесь в предикативно-характеризующей функции использованы адъективные компоненты, усиливающие оценочный характер: *хер-гъавулей* «старящая» [мужа] и *бахIар-гъавулей* «молодящая» [мужа]).
- *ЧIужу барахцарай лъикIай, рос сахаватав лъикIав*
«Жена хороша скупая, муж – щедрый».
- *ЧIужу лъикIав чи лъазе годекIанир ралагье*
«[Мужа], имеющего хорошую жену, ищите на годекане» (данный национально-культурный образ словесно не мотивирован, но вполне понятен из национально-культурного компонента *годикIан* «годекан» (публичное место для мужчин, где можно других посмотреть, послушать и себя показать)).
- *ЧIужу лъикIав чи – лъикIав чи, чIужу квешав чи – квешав чи*
«У кого жена хорошая – хороший человек, у кого жена плохая – плохой человек».
- *Лъади гьечIев росги, рос гьечIей чIужугIаданги – чIобогояб рукъ*

«Муж без жены, и женщина без мужа – пустой дом».

➤ *Лъади гъечIесул гIумру гIазабалде гирула*

«У не имеющего жены жизнь трудная бывает (букв. «в муку превращается»).

Компаративность гендерных аварских паремиологических единиц способствует выражению положительной или отрицательной оценки жены:

➤ *Дунялалгъул чIаголъи – канлъи, канлъулги чIаголъи – чIужу.*

«Красота мира – свет, красота света – жена».

➤ *МугIрул рукъ – буртина, рукъалгъул хIуби – чIужу*

«В горах [у чабанов] дом – бурка, столб [=опора] дома – жена»: данный образ носит несколько неожиданный характер, так как обычно символ столба-опоры потолка дома (*хIуби*) используется по отношению к мужчине; возможно, здесь понятие «столб-опора» использовано в качестве символа домашнего уюта, негаснущего огня в очаге, т.е. имеет несколько другую интерпретацию.

➤ *Чу лъикIаб чияца рекIинчIеб, лъади лъикIай – чияе инчIей*

«Лошадь хороша чужими [людьми] не объезженная, жена хороша замужем не бывшая».

➤ *ЛъикIай чIужу горболгъод гIадай йикIуней*

«Хорошая жена шейному позвонку подобная бывает» (=по мудрости своей поворачивает ситуацию в нужную сторону (ср. в рус. *Муж – голова, жена – шея*)).

Такие паремиологические единицы, как свидетельствуют примеры, через сопоставляемые номинации соотносительны с разными кодами культуры:

- зооморфным (*чу – лъади* «лошадь – жена»),
- соматическим (*чIужу – горболгъод* «жена – шейный позвонок»),
- предметно-вещным (*чIужу – рукъалгъул хIуби* «жена – опорное бревно в доме, подпирающее потолок»),
- природным (*чIужу – канлъи* «жена – свет») и т.д.

Оценка жене дается и в связи с ее отношением к матери мужа, к свекрови:

- *Жийго нусльун йигей мехаль якъад рихуней, жийго якъад йигей мехаль нус рихуней*

«Когда сама невестка [=будучи невесткой] – свекровь не любит, когда сама свекровь [=будучи свекровью] – невестку не любит».

В качестве положительных качеств жены при помощи фразеологических средств или метафор оцениваются не только бережливость, мягкость характера, податливость, но и ум, мудрость, необходимость которых для жены мотивируется пояснительными структурами:

- *Чужу гАкъилай яче: гАдалаб гАнкIуяль цIодораб хоно гьабуларо*
«Жену возьми умную: глупая курица умное яйцо не снесет» (вторая мотивирующая часть паремиологической единицы построена на зооморфной метафоре).
- *Габдалай бикадаса гАкъилай гъарабашиго лъикI*
«Чем дурная госпожа, мудрая служанка лучше».
- *ЦIодорай чIужуяль рукъ бечельзабулеб*
«Мудрая жена дом богатым делает».
- *ГАкълу гьечIей чIужу – росасе гАкъуба*
«Неумная (букв. «ума не имеющая») жена – муки для мужа» (путем деактуализации глупости, отсутствия мудрости актуализируется мысль о значимости в семье умной жены).

Внешняя красота жены не актуализируется: она бросается в глаза и привлекает чужие взоры:

- *Чужу чияр берцинай лъикIай, чу нильерго берциаб лъикIаб*
«Жена лучше красивая – чужая, конь лучше красивый – свой».
- *ГАкъилас чIужу ялагъула гАкъилай, гАбдалас ялагъула берцинай*
«Умный жену находит мудрую, дурак находит красивую» (параллельные сопоставления *гАкъил* «умный/мудрый» - *гАбдал* «глупый», *гАкъилай* «мудрая» - *берцинай* «красивая» приводит в

усилению категоричности сопоставительных смысловых отношений, реализующихся между частями паремиологической единицы).

Жена оценивается как опора дома, от которой зависит его состояние, благополучие:

➤ *Чужу егани, рукъ бегулеб*

«Если жена ляжет [=заболеет], дом опрокинется». Гостеприимство дома, прежде всего, оценивается как качество, необходимое для жены:

➤ *Чужу квешил гьобол воххун унарев*

«Если жена плохая, гость довольным не уходит».

Жена в такого типа паремиологических образах оценивается как символ гостеприимства, умения достойно встречать гостей. Отсюда и общая оценка дома с хорошей или плохой женой-хозяйкой:

➤ *Чужу лъикIаб рукъ – лъикIаб рукъ, чужу квешаб рукъ – квешаб рукъ*

«Если жена хорошая, то и дом хороший, если жена плохая – и дом плохой».

Трудолюбие жены, её расторопность в делах, заботы о благополучии дома оцениваются как положительные качества, которые делают жену настоящей женой. Такие гендерные паремиологические единицы соотносятся с разными кодами культуры – с зооморфным, вещным, природным и т.д.:

➤ *Гъасда кету къарияй, бокъоб боцIуIи хIалакъай*

«У кого [= у той], что дома кошка жирная, в хлеву скот худой [бывает].

➤ *Царгъиниб гьури барай, гьороб бакъ барай*

«В сундуке [для зерна] – ветер гуляет, в хлеву – засуха (букв. «солнце») гуляет [о ленивой, не заботящейся о хозяйстве женщине/жене]».

➤ *КIукъмаххгун барицарай [прич.], рукIкIенгун къалъарай [прич.]*

«На ножницы обиделась, с иглой враждует» (о ленивой женщине).

Оценочно-экспрессивный характер приведенных паремиологических образов свидетельствует о том, что лень характеризуется как один из существенных недостатков жены. Отсутствие интеллектуальных данных у жены не столь категорично отрицательно оцениваются, сколько отсутствие

трудолюбия.

Степень экспрессивности образов усиливается употреблением в предикативно-характеризующей функции определительных компонентов (прилагательных и причастий), обозначающих не события или ситуации, а признаки ленивой жены.

Ни в одном из приведенных примеров не употреблены глаголы, так как в этих образах оценивается не деятельность жены, а ее бездеятельность, приводящая к плохим, нежелательным последствиям.

Одним из способов создания национально-культурного компонента характеризуемых гендерных паремиологических образов является употребление в их составе лексических единиц (номинаций), обозначающих национально-культурные реалии: *буртина* «бурка», *рукъалъул хлуби* «специальное опорное бревно в старых домах, подпирающее потолок», *годекан* «годекан» и т.д. Такие номинации органично вписываются в создаваемые гендерными паремиологическими единицами образы жены.

Обобщая сказанное выше относительно образа жены в аварских гендерных паремиологических единицах, следует отметить следующее. В большинстве паремиологических единиц в предикативно-характеризующей роли употребляются адъективные (определительные) компоненты, что не характерно для узуса.

Такое лингвистическое явление связано с оценочной характеристикой жены, ее качеств и свойств. Если выстроить ряд определительно-характеризующих образ хорошей жены лексико-морфологических единиц, то создается следующая цепочка:

лъиклай «хорошая», *глакъилай* «мудрая», *цлудорай* «умная», *барахцарай* «скуповатая» (=«бережливая»), *рукъалъул хлуби* «опора дома», *тамахай* «мягкая, нежная/послушная», *рукъцлунарай* «дом берегущая», *рукъалъул канлъи* «свет дома», *горболъод гладай* «подобная шейному позвонку» (символ послушания, умения находить компромиссы), *рукъ бечелъизабулей* «дом делающая богатым», *гъоболлъигъабизе лъалей* «гостеприимная» (букв.

«гостеприимство [как] делать знающая») и др.

Экспрессивно-оценочный компонент части рассматриваемых паремиологических единиц формируется употреблением в предикативно-характеризующей функции фразеологизированных структур определительной семантики (ср. *царгъиниб гъури барай* «в сундуке [для хранения зерна] ветер у которой гуляет»).

Образ жены во многих паремиях оценивается через противопоставления *жена – муж, жена* (невестка) – *свекровь, жена – гость* в доме (символ гостеприимства), *ленивая – трудолюбивая, хорошая – плохая, мудрая – немудрая* и т.д.

Такие паремиологические образы соотносятся с разными кодами культуры, часть из них строится на метафорической основе. В ряде гендерных паремиологических единиц используются национально-культурные номинации, обозначающие национально-культурные реалии.

Образ жены является частью проблемы «образ женщины в языке и культуре», поэтому рассматриваемые в настоящем разделе диссертации вопросы имеют определенную перспективу, связанную с изучением данной проблемы в лингвистическом и лингвокультурологическом аспектах.

Учитывая такое обстоятельство, связанное с гендерным характером проблемы, в данном разделе следует представить также оценочные характеристики женщины как лица женского пола, актуализируемые аварскими паремиологическими единицами (= пословицами и поговорками).

Аварские паремии, характеризующие женщин, ни в лингвистическом, но в лингвокультурологическом аспектах специально не изучались, чем объясняется актуальность проблемы в целом. Анализ соответствующего паремиологического материала свидетельствует о следующем.

Лексический состав аварских паремиологических единиц, характеризующих женщин, прежде всего, определяется обозначением тех видов деятельности, которые актуализируются в качестве традиционно приписываемых женщине-жене, хозяйке дома.

Лексические составляющие данных паремий по этой причине носят характер женской символики. Соответственно женщина в паремиях оценивается положительно или, напротив, негативно в зависимости от того, насколько она соответствует народному идеалу, представлениям носителей аварского языка об образе женщины-горянки.

К числу таких символических лексических составляющих гендерных паремиологических единиц, характеризующих женщин, относятся следующие субстантивные языковые знаки культуры:

- *мерго* «веретено для прядения», *нах* «масло» (характеризует процесс сбивания масла женщинами в глиняных кувшинах), *панкъ* «лепешка», *цIам* «соль», *чед* «хлеб», *хинкIал* «хинкалы в виде крупных галушек» (оценивается работа женщины на кухне), *гIака* «корова» (обозначается процесс дойки коров), *лIим* «вода» (символ женской стихии), *тIанса* «ковер», *салмаг* «палас» (обозначается процесс ковроткачества как традиционно женского ремесла), *тIор* «колос», *мугь* «зерно», *хер* «трава», *чIар* «сорняки», *хур* «пол»,
- *сум* «стебель зерновых» (символизируют сельскохозяйственные работы), *бокь* «сарай», *боцIи* «скот» (слова с зооморфным кодом культуры), *квар* «нитка», *рукъи* «шитье; шов», *кIвекьмахх* «ножницы», *рукIкIен* «иголка», *хьит* «обувь», *гурде* «платье» (слова, оценивающие способности женщины шить, вязать).

Такие субстантивные компоненты, используемые в паремиологических единицах аварского языка, рисуют тот или иной (положительный или отрицательный) облик (=образ) женщины в зависимости от степени её соответствия представляемому в языковом сознании идеалу:

- *Рос* *какулаго*, *рукъ* *кварай*, *гIака* *какулаго*, *нах* *кварай*
«Сетуя на мужа, ест [мужем] нажитое, сетуя на корову, масло ест».
- *Рокъобго* *къулгIаги тун*, *къватIиса* *лълIим* *баччарай*
«Имея родник дома, с улицы воду носит».
- *Хер* *чIегIер*, *чIар* *халат*

«Трава [для которой] стала ненавистойной (букв. «черной»), сорняки стали длинными» [не убираются].

- *Панкъ гьабизе лъим щевчелей, лъелъе базе цлан щевчелей*
«Чтобы лепешки печь, воды не нашла, чтобы в воду сыпать, соли не нашла» (о никчемной женщине),
- *Гъастла кето къарияй, бокъоб боцли хлалакъай*
«У очага кошка [у которой] жирная, а в хлеву [у которой] скот худой».
- *Гъоболлъухъ унелъул хъитал рукъарай, хъвадизе унелъул гурде букъарай*
«Обувь сшила, [только] когда в гости собралась, платье сшила, [только] когда выйти собралась».

Глагольные составляющие рассматриваемых паремиологических единиц связаны также в основном с женскими работами, с выполнением ею обязанностей хозяйки, жены, что соответственно актуализируется глагольными языковыми средствами:

букъизе «шить», *бечлчизе* «доить», *гъабизе* «делать; печь, готовить», *лъехъезе* «подметать», (лъим) *баччизе* «(воду) носить», *лъилъазе* «жать (поле)», *хинкIал гъаризе* «готовить хинкалы», *бессизе* «ткать», *чуризе* «стирать» и т.д.:

- *Нух бихъидал, хъит букъарай, гъобол вачIиндал, рукъ лъухъарай*
«Увидев дорогу, обувь сшила, гость когда пришел, дом подмела».
- *Бессараб тIанса сурмияй, салмаг гвангъарай*
«Сотканный ковер [у которой] красив, палас [у которой] ярок».
- *Цулада барахицун, цIа свине тарай*
«Пожалев дрова, огню погаснуть дала».
- *ЦилициI хвелебилан лъехъоларей, лъим тIагIинебилан чердоларей.*
«Думая, что испортится веник, не подметает, думая, что кончится вода, не купается».
- *Гъызараб чуруларей, чурараб цIунуларей*
«Грязное не стирает, постиранное не бережет».

Группа анализируемых паремиологических единиц, характеризующих женщин, как и фразеологизмы, строится на принципе алогизма. При этом осуждается и отрицательно оценивается то, что не соответствует норме поведения женщины:

- *Гадада теларилан, хвараб гІака бечІІарай*
«Чтобы даром не пропала, мертвую корову подоила».
- *Пакайилан ккун, хІама бечІІарай*
«Думая, что корова, осла подоила».
- *Подизе ккедал – йоххарай, йоххизе ккедал – гІударай*
«Когда надо плакать – радуется, [а] когда надо радоваться – плачет».
- *Гьуинаб кьогІльарай, кьогІаб гьуинльарай* «Садкое [для которой] стало горьким, горькое стало сладким».

Осуждаются такие качества женщины, как неаккуратность, нечистоплотность, отсутствие заботы о доме, отсутствие экономности, хозяйственности и т.д. Напротив, положительно оцениваются способности женщины шить, ткать, наводить в доме порядок. В части паремий, в основном отрицательно характеризующих женщин, реализуются противительные-уступительные смысловые отношения:

- *РакІаль хвел гьарулей, кІалаль сагъльи гьарулей*
«[Хотя] сердцем смерти желает, словами здоровья желает».
- *СахІие жо рокъоб гьечІей, кьолоде жо тІад ретІуней*
«В доме на сах [маленькая мерка для муки, зерна] нет ничего, [а] одевается на кали [большая мерка] – в смысле «В доме пусто, а тратит густо».
- *Порго бахъиналде лъитал рахъарай*
«Не доходя до речки, обувь сняла».
- *Рокъобго кьулгІаги тун, кьватІуса лъльим баччарай*
«Имея дома родник, с улицы воду носит».

Реализация противительных-уступительных отношений в приведенных выше паремиях поддерживается оппозиционно противопоставленными лексическими единицами:

- *хвел – сагълъи* «смерть – здоровье»,
- *гЮдизе – йоххизе* «плакать – радоваться»,
- *гьуинаб – кьогIаб* «сладкое – горькое»,
- *гIака – хIама* «корова (дойная) – осел»,
- *ракI – кIал* «слова» (букв. «рот») «сердце – слова»,
- *сахI – къали* «сах (маленькая мерка для муки/зерна) – кали» (большая мерки для зерна/муки),
- *рокъоб – къватIиб* «дома – на улице».

В части характеризуемых паремий негативно оценивается неадекватное поведение женщины, неумение слушать и слышать наставления, советы, отсутствие ответственности. Соответственно лексический состав таких паремий (в основном глаголы и ФЕ) носит несколько другой характер:

- *бицине* «сказать, советовать, наставлять»,
- *кIал гъезе* «болтать»,
- *тезе* «не слушать [совета], оставлять без внимания»,
- *цее кIанцIизе* «выскакивать вперед» (символизирует отсутствие женского этикета, скромности),
- *нуцIа къазе* «прекратить что-либо делать» (букв. «дверь закрыть») и т.д.

Из материала исследования следует, что в характеризуемых паремиологических единицах используются различные коды культуры.

- *Радал бицараб къоркъое арай, къаси бицараб борхъие арай*
«Что, советовали утром, то оставила для лягушки, что советовали днем – оставила для змеи» (используются зооморфные образы).
- *РагIуда хIатIал лъурай, хIалтIуда нуцIа къарай*

«К словам ноги пришила [=болтает много], на работу дверь закрыла [работать не любит]».

➤ *Рекъечлъуб кIал гъурай, кIваричлъуб бергъурай*

«Где не следует языком болтает, куда не нужно глаза глядят» (использован соматический код культуры).

➤ *Пакълу бикъулелъул, нахъа хутIарай, хабар бикъулелъул, цее кIанцIарай*
«Ум [когда] раздавали – отстала [от других], слова (=болтовню) [когда] раздавали – вперед выскочила» (использовано контекстуальное антонимическое противопоставление *нахъа хутIизе* «отстать; не высовываться вперед» - *цее кIанцIизе* «высовываться (букв. «прыгать») вперед»).

➤ *Цогърониб гъури барай, гъороб бакъ барай*

«В закромах ветер гуляет, в сарае засуха наступила» (в смысле «Нет ни зерна в закромах, ни сена в сарае»).

В морфологической и структурно-грамматической организации рассматриваемых паремиологических единиц наблюдаются некоторые особенности, не характерные для узуса. Так, например, в качестве предикатов используются причастные формы, замещающие позицию финитных форм глагола:

➤ *Рокъобго къулгIаги тун, къватIиса лълъим баччарай* [прич.]

«Имея родник в доме, с улицы воду носит».

➤ *Дибирги къезавулей* [прич.], *къадигичIезавулей* [прич.]

«И дибира поспорит (букв. «победит»), и кадия остановит» (слова *дибир* и *къади* обозначают статус мусульманских священников).

В предикативной функции используются также краткие прилагательные, что не характерно для узуса (краткие прилагательные в узусе употребляются в определительной функции) и обычно используемые во фразеологизмах, представляющих собой результат редукции паремиологических единиц:

➤ *Хер чIегIер* [кр. прил.], *чIар халат* [кр. прил.]

«Трава [у которой] черная [= косить не любит], сорняки [у которой] длинные [убирать сорняки не любит].

- *КIал бегIер* [кр. прил], *гIакълу дагъ* [кр. прил.]

«Слова острые [любит болтать], ума мало».

В первой паремиологической единице цветообозначение *чIегIер(аб)* «черный» употреблено в символическом переносном значении. В паремиологических и фразеологических единицах слова в переносных метафорических значениях (в том числе цветообозначения), приобретают особый символический смысл, становясь при этом культурными знаками языка.

В части паремий в функции отрицания *ни-ни* используется необычная морфологическая адъективная форма *гурей*, образованная от *гуро* «нет» с классно-согласовательным «женским» показателем *-й*,

- *Алагаъ разияб гIамалгурей*, *гIадамал разияб пишагурей*

«Ни угодного богу поведения, ни угодного [полезного] людям дела».

- *Лъимер лъезе чехъгурей*, *чохтIо кквезе гъалгурей*

«Ни утробы для ребенка, ни кос для головного убора».

Ещё одной особенностью характеризуемых паремий является использование в постпозитивной предикативной функции экспрессивно-оценочных прилагательных, образованных от генитивных форм существительных, выполняющих обычно в ряде дагестанских языков функцию относительных прилагательных:

- *Кверал меседил-ай*, *рукъи гIарцул-ай*

«Руки [у которой] золотые, шитье [у которой] серебряное (=красивое).

- *Мерго меседил-ай*, *тIагъди гIарцул-ай*

«Веретено [у которой] золотое, чашка для веретена [у которой] серебряная».

В приведенных паремиологических образах прилагательные, образованные от названий металлов (*месед* «золото», *гIарац* «серебро»), использованы в качестве символов красоты, изящества. Особенно в этом

отношении следует отметить, оценочное употребление прилагательного *ǰарцулай* «серебряная», выступающего в аварском и других дагестанских языках в качестве символа женской красоты.

Все отмеченное выше относительно специфики лексико-грамматического состава аварских паремиологических единиц, оценочно характеризующих женщин, позволяет сформулировать ряд выводов.

В рассматриваемых паремиях употребляются исторически получившие фемининную интерпретацию культурные знаки языка. Большинство анализируемых паремий носит образно-оценочный характер. Положительные или негативные коннотации, выражаемые данными паремиями, определяются степенью соответствия женщины представлениям носителей языка.

Определенную роль в формировании негативных паремиологических образов женщины играют принцип алогизма и грамматическая семантика конструкций (=противительно-уступительные смысловые отношения).

К числу грамматических особенностей можно отнести предикативное функционирование причастий и кратких прилагательных, а также использование особых адъективных грамматических форм в служебной функции.

3. 3. Концепт «ПайдагъечI / Никчемный человек» в аварской паремиологической картине мира

Отрицательный образ никчемного человека, отраженный в аварских паремиологических единицах, не был предметом лингвистического и лингвокультурологического анализа, что свидетельствует об актуальности проблемы.

Характеризуемые здесь паремиологические единицы носят гендерный характер, поскольку они отрицательно характеризуют лиц как мужского, так и женского пола. Однако количественные характеристики показали, что отрицательно средствами паремий характеризуются лица мужского пола:

количественные подсчеты показывают, что примерно два раза больше паремиологических единиц, создающих образ никчемных мужчин.

В собственно лингвистическом аспекте рассматриваемые паремиологические единицы представляют интерес тем, что предикатные компоненты в них выражены адъективными формами, что не очень характерно для узуса, так как в стилистически нейтральных предложениях в аварском языке в конечной позиции употребляются финитные глагольные формы.

Приведенные ниже примеры паремиологических единиц свидетельствуют о морфологическом разнообразии предикатных компонентов:

- *Унев, унев вукIунев [прич.], унеб бакIги лъаларев [прич.]*
«Идущий, идущий бывает, куда идет, не знает».
- *Кваналевги чIоларев [прич.], кунеб жоги лъаларев [прич.]*
«И ест не останавливаясь, и что ест, не знает».
- *ЦилицIида барахицун, рукъ чорок тарай [прич.]*
«Пожалев веник, дом неподметенным оставила (букв. «оставившая»)».
- *Рокъобго къулгIаги тун,къватIисса лъльим баччарай [прич.]*
«Оставив в доме [=имеющийся] родник, воду с улицы носит».

В первых частях приведенных примеров употребляется инфинитная форма причастия, в переводе на русский язык соответствующая финитной глагольной форме.

Другим интересным в лингвистическом плане явлением можно считать то, что в качестве предикатов в ряде паремиологических единиц используется структура, образованная способом сложения с нулевой суффиксацией, что обычно характерно для разговорной речи и паремиологических единиц в целом.

В качестве второго связанного компонента таких сложных структур выступает усеченная форма слова *гъечIев* «не имеющий» (отсекается адъективатор *-ев* с классно-числовым показателем). Такие

паремиологические единицы строятся на основе уступительных смысловых отношений («хотя...но...»):

- *БеитIеркIодо – гIакълугъечI, хIатIалкIодо – рильлъгингъечI*
«[Хотя] голова большая, ума нет, [хотя] ноги большие – ходьбы нет/=ходить не умеет» (букв. «Большеголовый – ума не имеющий, большеногий – ходьбы не имеющий»).
- *Вугониги пайдагъечI, гъечIониги чарагъечI*
«[Если и] существует [кто-либо]– пользы нет, [если и] не существует – необходимости [в существовании] нет» (паремиологическая единица отражает образ человека, существование или несуществование которого в силу его никчемности не является актуальным).

Обычно такие по форме паремиологические единицы характеризуют лиц мужского пола, что связано со строгими требованиями к лицам мужского пола, традиционно связанными с менталитетом носителей аварского языка.

В отдельных паремиологических единицах вместо сложных по структуре предикатов представлены аналитические формы, построенные по модели «существительное [обозначает вещественный признак] + *гъечIев* «не имеющий». Для подобных паремиологических единиц характерна компаративность:

ГанчIидаса тIотIоегIан рукълъе пайдагъечIев «[Столько же, сколько] от камня для мухи, пользы не имеет (букв. «не имеющий»).

В начальной позиции ряда характеризуемых паремиологических единиц используется инфинитив, обозначающий то, что должен уметь делать человек, но не умеет (принцип логического противоречия), а предикативные компоненты оформляются причастиями в позиции финитной формы глагола. Такие паремиологические образы построены на логическом противоречии между тем, что должно быть, и тем, что в действительности есть:

- *Гъабизеги лъаларей* [прич], *лъабизеги бокъларей* [прич.]
«Ни делать [как] не знает, ни знать [как делать] не хочет».
- *Гъабизеги лъаларей* [прич.], *кваназеги лъаларей* [прич.]

«Ни готовить не умеет (*букв.* «не знает [как]»), ни есть не умеет (*букв.* не знает)»).

Такие аварские паремиологические единицы, как свидетельствуют переводы, соотносятся с русскими поговорками с повторяющимся союзом *ни...ни...*, предсказывающим отрицание.

В аварском языке в отдельных случаях соответствующий повторяющийся союз *я...я...* эксплицируется:

Я мими гурев [прич. от *гуро* «нет»], *я дуду гурев*

«Ни мими не умеет, ни дуду не умеет» (=Ни плакать не умеет, ни веселиться не умеет): в данном случае символически использованы звукоподражания *мими* и *дуду*, что характерно для экспрессивной разговорной речи и малых жанров фольклора.

Предикативный компонент *гурев* (1 кл.)/*гурей* (2 кл.) с выделенными классными показателями в значении «не имеет/не имеющий» часто используются в аварских паремиологических единицах с имплицитным союзом *я...я...* (в рус. *ни...ни...*). Такие поговорки негативно характеризуют как внутренние качества, так и внешний облик лиц обоего пола:

- *Бихъизе лага гурей* [прич.], *балагъизе куцгурей* [прич.]
«Ни тела [стройного], чтобы видеть, ни внешности [=красоты], чтобы посмотреть».
- *КІалдиб ца гурев* [прич.] *цайтІа кІветІ гурев* [прич.]
«Ни зубов [красивых] во рту, ни губы над зубами» (использована форма единственного числа *ца* «зуб» в усилительном значении множественности, что достаточно характерно для аварских паремиологических единиц и текстов историко-героических песен).
- *Нилъее чед гурев, чияе гурга гурев*
«Ни хлеба для себя, никаравая для чужих».
- *ГюштІое рохъ гурев, рохъдое мегІер гурев*
«Ни леса для топора, ни пастбища для скота».
- *Бусурбанлъун как гурев, капуравлъун хъанчгурев*

«Ни намаза как у мусульманина, ни креста как у христианина».

- *Аллагь разияб гIамал гурей, гIадамал разияб пиша гурей*

«Ни характера богоугодного, ни работы, чтобы люди были довольны».

Причастный компонент продуктивно используется как в рассматриваемых паремиологических единицах, так и в составе аварских паремиологических единиц в целом. Поскольку такие паремиологические единицы характеризуют отступления от нормы поведения, то для соответствующих паремиологических образов характерна негативная коннотация, выраженная отрицательными формами причастий:

- *ЦилициI хвелебилан лъехьоларей [прич.], лъльым тIагIинебилан чердоларей [прич.].*

«Думая, что веник испортится, не подмела, думая, что вода закончится, не умылась».

- *Цулада барахицун, цIа свине тарай [прич.]*

«Пожалев дрова, огонь не развела».

- *ЦилициIида барахицун, рукъ чорок тарай [прич.]*

«Веник пожалев, дом не подмела (букв. «грязным оставила»)».

- *Гъызараб чуруларей [прич.], чурараб цIунуларей [прич.]*

«Испачканную [одежду] не стирает, постиранную не бережет».

- *Жал бурияб бацIлъугъинчIев [прич.], лъльар ххечаб оц лъугъинчIев [прич.]*

«Ни волка не вышло с гривой, ни быка не вышло с рогами острыми».

Отдельные паремиологические единицы с такой морфологической структурой предиката построены на основе принципа алогизма (=несоответствия тому, что должно быть по логике вещей):

- *ГIодизе ккедал йоххарай [прич.], йоххизе ккедал гIодарай [прич.]*

«Когда нужно плакать, радуется, когда нужно радоваться, плачет».

- *Рокъобго къулгIаги тун, къватIуса лъльым баччарай [прич.]*

«Оставив родник в доме, воду с улицы носит».

- *Рос* *какулаго*, *рукъ кварай* [прич.], *гЛака* *какулаго*, *нах кварай* [прич.]
«Мужа ругает, а состояние тратит, корову ругает, а масло ест».
- *Вегани* – *хъибил унтулев* [прич.], *вахъани* – *мугъ унтулев* [прич.]
«Ложится [если] – бок болит, встает [если]– спина болит».

Часть паремиологических образов имеет компаративную основу. Компаративность может быть имплицированной или эксплицированной при помощи соответствующего компаративного союза *гЛадав* (-й) «такой (-ая), как/подобный»:

- *Вагъизе ккани* – *херав*, *хвезе ккани* – *бахIарав*
«Если (+когда) драться нужно – [как] старый [=прикидывается старым], когда (+если) умереть нужно – [как] молодой [=прикидывается молодым].»
- *Рижи тIагIиндал тIурабцIамулъин гЛадав*
«Подобный солевой воде, использованной при отсутствии чеснока».
- *Гаданилан гЛадамаль гурев*, *хIайванилан хIайваналь гурев*
«Ни как человек среди людей, ни как скотина среди животных».

В силу того, что в части характеризуемых паремиологических единиц реализуются сопоставительно-противительные отношения, то в них используются лексические противопоставления антонимического характера:

- *воржине* – *рештIине* «полетать – спуститься»,
- *гIодизе* – *воххизе* «плакать – радоваться»,
- *рокъоб* – *къватIиб* «дома – на улице»,
- *херав* – *бахIарав* «старый – молодой»,
- *вегизе* – *вахъизе* «лечь – встать»,
- *вуго* – *гъечIо* «имеется – «не имеется»,
- *жсндиего* – *чияе* «себе – другим (=чужим)»,
- *гъызараб* – *чураараб* «грязная – постиранная (=чистая)»,
- *хайир* – *зарал* «польза – вред» и т.д.

Ср. примеры фразового употребления таких противопоставлений в структуре паремиологических единиц:

- *Вагъизе ккани – херав, хвезе ккани – бахIарав*
«Когда драться нужно – старый, когда умереть нужно – молодой».
- *Вегани – хьибил унтулев, вахъани – мугъ унтулев*
«Когда ложится – бок болит, когда встает – спина болит» (образ человека, который жалуется на все).
- *Вугониги пайдагъечI, гъечIониги чарагъечI*
«Когда есть[=кто-либо] – пользы нет, когда нет – и необходимости нет» (о человеке).
- *ВукIун хайир гурев, хун зарал гурев*
«Когда есть, пользы нет, когда умирает, вреда нет».
- *Жиндиего чед гурев, чияе гурга гурев*
«Ни хлеба для себя, ни гурга [вид хлеба] для других».
- *Гъызараб чуруларей, чурараб цIунуларей*
«Грязное не стирает, постиранное (=чистое) не бережет».
- *Гюдизе ккедал йоххарай, йоххизе ккедал гIударай*
«Нужно плакать – радуется, нужно радоваться – плачет».
- *Рокъобго къулгIаги тун, къватIуса лълъим баччарай*
«Дома родник оставив (=имея), с улицы воду возит».

Характеризуемые паремиологические единицы соотносятся с разными кодами культуры. Отчасти это связано с тем, что группа паремиологических образов строится на компаративной основе, предопределяющей использование различного рода метафор.

Прежде всего, обращают на себя внимание гендерно обусловленные паремиологические образы, соотносительные с зооморфным кодом культуры, характеризующие в основном лиц мужского пола:

- *Воржун хIанчIаль гурев, рецтIун гъудуль гурев*
«Ни в полете среди птиц, ни на земле среди ворон».
- *ГIанкIудул ханазул тIамуниги, лал бахъуларев*
«Даже из куриных яиц молотьбу устроить не может».
- *ГIаданилан гIадамаль гурев, хIайванилан хIайваналь гурев*

«Ни [как] человек среди людей, ни [как] скотина среди животных».

➤ *Жал бурияб бацI лъугьинчIев, лъльар ххечаб оц лъугьинчIев*

«Ни волка не вышло серого (букв. «с серой шерстью»), ни бык не вышел [=не получился] с острыми рогами».

➤ *Рос какулаго, рукъ кварай, гIака какулаго, нах кварай*

«Ругая мужа, состояние [=дом] тратит, ругая корову, масло ест».

Как видно из примеров, в части паремий использованы зоонимы, символизирующие мужские качества: *бацI* «волк» (=символ отваги, проворства), *оц* «бык» (=символ упорства, стойкости, физической силы), *хIинчI* «птица» (=символ свободы, полета) и др.

Усиление таких маскулинных символических образов достигается употреблением сопроводительных определительных компонентов:

- *гъал бурияб бацI* «волк с гривой»,
- *лъльар ххечаб оц* «бык с острыми рогами»,
- *воржун хIанчIаль гурев* «ни в полете среди птиц...» (=боржунэб *хIинчI гурев* «не птица летающая»).

Имеют место паремиологические единицы с телесным кодом культуры, что обусловлено гендерной спецификой характеризуемых паремий:

➤ *Вегани – хьибил унтулев, вахъани – мугъ унтулев*

«Когда ложится – бок болит, когда встает – спина болит».

➤ *КIалдиб ца гурев цайитIа кIветI гурев*

«Ни зубов [красивых] во рту, ни губы над зубами» (о никчемной внешности).

➤ *Бихъизе лага гурей, балагъизе куц гурей*

«Ни тела [чтобы], чтобы видеть, ни внешности [красоты], чтобы посмотреть».

Отдельные паремиологические образы соотносятся с религиозным кодом культуры, поэтому в таких паремиях употребляются слова типа *Аллагъ* «Аллах», *бусурбан(чи)* «мусульманин», *как* «намаз», *хъанч* «крест», *канур(ав)* «не мусульманской веры» (=христианин) и др.:

➤ *Бусурбанлъун как гурев, капуравлъунхъанч гурев*

«Ни намаза как у мусульманина, ни креста как у христианина»

➤ *Аллагъ разияб Гамал гурей, Гадамал разияб пиша гурей*

«Ни угодного Аллаху характера, ни угодной для людей работы».

Вещно-предметный код культуры характерен для паремиологических образов, в которых составляющие компоненты обозначают:

орудия действия, предметы бытового пользования (*глаштлу* «топор», *цилици* «веник» и т.д.),

продукты питания (*нах* «масло», *чед* «хлеб», *гурга* «вид хлеба», *рижи* «чеснок», *лъльим* «вода»):

➤ *ПоштIое рохь гурев, рохьдое мегIер гурев*

«Ни топора для леса, ни пастбища для скота».

➤ *Цилицида барахицун, рукъ чорок тарай*

«Пожалев веник, дом оставила грязным» (=не подмела).

➤ *Жиндиего чед гурев, чияе гурга гурев* «Ни хлеба для себя, ни гурга (=вид хлеба) для других».

➤ *Рокъобго къулГаги тун, къватIуса лъльим баччарай*

«Оставив (=имея) дома родник, с улицы воду носит».

Обобщая отмеченные выше лингвистические и лингвокультурологические особенности аварских паремиологических единиц, репрезентирующих гендерный концепт «никчемный человек», следует отметить, прежде всего, негативный характер образов (мужчин и женщин), создаваемых ими.

Собственно лингвистические особенности рассмотренных паремий связаны с формами предикативных компонентов и с особенностями их лексико-семантического состава.

Национально-специфический характер анализируемым паремиям придают названия национально-культурных реалий и символы как культурные знаки языка, чем, собственно, определяется соотносительность характеризуемых паремиологических единиц с разными кодами культуры.

3.4. Концепт «Къарумлѝи / Жадность» в аварской паремиологической картине мира

Аварские паремиологические единицы, актуализирующие образ жадного человека, специально не исследовались. Частично образ жадного человека рассмотрен в кандидатской диссертации Н.П. Идрисовой на материале фразеологических единиц аварского языка [Идрисова, 2007]. Гендерные аварские фразеологические единицы, ориентированные на человека, в сопоставлении с английскими рассматриваются в диссертационной работе Л.А. Мисиевой [Мисиева, 2009].

Из научных работ, имеющих отношение к вопросам, поднимаемым в данном разделе, следует отметить статью С.Ц. Магадовой, посвященную проблеме отражения образа *щедрого* и *жадного человека* в лакских фразеологических единицах [Магадова, 2012b:47-50]. В этой работе в частности отмечается, что лексический состав фразеологических единиц, характеризующих *жадного* и *щедрого* человека, может иметь национально-культурную специфику, связанную с особенностями эмоционально-интеллектуального осмысления носителями данного языка окружающей действительности» [Там же:47].

Исследование роли лексико-семантического состава паремиологических единиц в формировании образа жадного человека следует считать актуальной проблемой, так как такая проблема имеет не только собственно лингвистическую, но и лингвокультурологическую значимость: лексические составляющие паремиологических единиц могут быть наименованиями национально-культурных реалий и носителями национально-специфических коннотаций.

Аварские паремиологические единицы, отражающие образ жадного человека, как уже отмечалось, не являлись предметом специального лингвокультурологического исследования. В связи с этим в данном разделе внимание обращается на коды культуры, с которыми соотносится

паремиологический образ жадного/ненасытного человека, и символы, являющиеся культурными знаками языка.

Паремиологические единицы в целях сохранения внутреннего образа и демонстрации соответствующих национально-специфических коннотаций в основном даются в буквальных переводах. В необходимых случаях в квадратных скобках даются комментарии.

Прежде всего следует отметить, что характеризующие аварские паремиологические единицы через ключевой компонент *чехь* «живот» соотносятся с телесным кодом культуры.

Использование данного компонента, сопровождаемого различными определительными компонентами, приводит к формированию образа ненасытного (=жадного) человека, о чем свидетельствуют приводимые ниже примеры, в которых негативная оценка обозначаемого качества и коннотации усиливаются причастными компонентами в роли предикатов, употребленными вместо финитных глагольных форм. В предикативно характеризующей функции употребляются и прилагательные:

- *Чехь глорцланиги, бер глорцлупарев* [прич.]
«Хоть живот сыт, глаза голодные».
- *Чехь глорцларав* [прич.] – *бер бакъарав* [прич.], *рукъ бечедав* [прил.] – *ракмискинав* [прил.]
«С сытым животом, но с голодными глазами, с богатым домом, но с бедным сердцем» (букв. «Живот [у которого] сытый – глаза [у которого] голодные, дом [у которого] богатый – сердце [у которого] бедное»).
- *Чохьол гурони мацI лъаларев* [прич.] *чадил гурони бицунарев* [прич.] «Только язык живота знающий/понимающий (=знает), только о хлебе рассказывающий (=рассказывает)».
- *Чехь бакъарав* [прич.], *рукъ мискинав*
«Живот у которого голодный, дом у которого бедный».

- *Бер бакъарав* [прич.], *чехь бакъарав* [прич.], *чияр хIарччида сахаватав* «Глаза у которого голодные, живот у которого голодный, у чужого подноса [с едой] проворный».

Как свидетельствует часть приведенных примеров, в формировании образа ненасытного человека одновременно принимают участие два соматизма – *чехь* «живот» и *бер* «глаз». При этом признак жадности через предикативно характеризующие определительные компоненты усиливается подчеркиванием именно ненасытности глаз:

- *бер гIорцIуларев* «ненасытный» (букв. «глаза у которого ненасытные»),
- *бер бакъарав* «ненасытный» (букв. «глаза у которого голодные») и т.д.

Интересно и то, что в усилительной функции употреблена форма единственного числа *бер* «глаз» вместо формы *берал* «глаза». Такое явление особенно характерно для паремиологических единиц разных (в том числе дагестанских) языков.

Несколько паремиологических образов построено на телесной метафоре, создаваемой парным употреблением соматизмов *чехь* «живот» и *мугъ* «спина»:

- *Мугъ сверунги чехь бугев*
«Даже на спине (букв. «вокруг спины») живот имеющий» (образ усиливается количественной характеристикой).
- *Жинцаго квани, чехь унтулев, чияца квани, мугъ унтулев*
«Сам ест [если] – живот болит, другой ест [если] – спина болит» (актуализируется образ «ни себе, ни другим»).

Некоторые из рассматриваемых паремиологических образов строятся на основе противительно-уступительных смысловых отношений, характеризуемых логическим противоречием: [хотя]живот насытился, глаза не насытились;[хотя] живот насытился, глаза голодные и т.д. Ср. также:

- *Бикъун* [деепр.], *бер гIорцIучIев* [прич.], *кванан* [деепр.], *чехь гIорцIучIев* [прич.]

«Украв (=хотя украл), глаз не насытился, поев (=хотя поел), живот не насытился».

Уступительно-противительные отношения могут быть выражены употреблением соответствующей формы уступительного наклонения глагола:

➤ *Чехъ гЛорцЛаниги [уступ. накл.], бер гЛорцЛуларев [прич.]*

«Хоть живот насытился, [но] глаза голодные».

Логическое противоречие, обозначаемое частями паремиологических единиц, приводит к образно-ассоциативному усилению качества ненасытности негативно характеризуемого лица.

Отдельные паремиологические единицы, отражающие образ жадного/ненасытного человека, структурно и семантически организуются употреблением противопоставлений антонимического характера, что приводит к расширению оценочно-коннотативных возможностей языковых средств в новых синтаксических условиях. Антонимические противопоставления могут носить и контекстуальный характер:

➤ *Жиндирабго чехьаль кварав, чияраб бераль кварав*

«Своё животом съел, чужое глазами съел».

➤ *Жинцаго квани, чехъ унтулев, чияца квани, мугъ унтулев*

«Если сам съест – живот болит, другой съест – спина болит» (в значении «ни себе, ни другим»).

➤ *Кванай къарияв, хЛалтИи хЛалакъав*

«Еда у которого жирная [=много ест], работа у которого худая [мало работает].

➤ *Къарияб жинцаго куней, хЛалакъаб росасе къолей*

«Жирное (=хорошее) сама ест, худое (=плохое) мужу отдает».

Имеет место логически мотивируемая соотносительность некоторых фразеологических образов ненасытного/жадного человека с пищевым кодом культуры:

➤ *ТабкИниб хинкI букIаго, харбиде вуссунарев*

«Пока есть хинкалы на подносе, о беседе забывает» (в усилительной функции для обозначения множественности использована обобщающая форма единственного числа *хинкI* [вместо *хинкIал* «хинкалы»]).

- *Хъабиниб рахь букIаго, гъуд кодоса биччачIев*

«Пока в крынке есть молоко, ложку из рук не выпускает».

Косвенно паремиологические образы жадного человека соотносятся с пищевым кодом культуры и через компоненты *кваназе* «есть», *хIарччи* «поднос для еды», *бечIчIизе* «доить» [молоко], *бер* «глаза», *чехь* «живот» и т.д.:

- *Жиндирабго чехьаль кварав, чияраб бераль кварав*

«Свое животом ест, чужое глазами» (=съев свое, норовит съесть и чужое).

- *Кванай къарияв, хIалтIи хIалакъав*

«Еда у которого жирная [=ест хорошо], работа у которого худая [=работает плохо].»

- *Бербакъарав, чехь бакъарав, чияр хIарччида сахаватав*

«Глаза [у которого] ненасытные, живот [у которого] ненасытный, у чужого подноса [с едой] проворный».

- *ХварабгIака бечIчIарай* «Подохшую корову подоившая»

(паремиологический образ построен на основе принципа алогизма, что приводит к усилению национально-культурной коннотации).

На принципе алогизма, небывальщины построены отдельные паремиологические образы, соотносительные и с зооморфным кодом культуры. Достаточно часто такие паремиологические единицы характеризуются национально-культурными коннотациями, о чем свидетельствуют следующие паремиологические единицы:

- *Гадада жо теларилан хвараб гIака бечIчIарай* [прич.] – букв.

«Чтобы напрасно не оставлять [=чтобы получить выгоду], подохшую корову подоила».

- *Хайир букӀине хоноги кӀкӀварав* [прич.], *кӀкӀараги бечӀчӀларав* [прич.]
«Чтобы польза была, яйцо сбрил и комара подоил».

Признак жадности в отдельных паремиологических образах ассоциативно пересекается с отсутствием достоинства, с никчемностью человека, с его низкими морально-нравственными качествами (чаще так характеризуются лица мужского пола, что говорит о значимости гендерного признака).

Актуализация негативных образов лиц мужского пола мотивируется ментальностью носителей аварского языка, которые то, что прощают женщинам, не прощают мужчинам и соответствующие образы создают использованием языковых форм со значением осуждения.

Отнесенность обозначаемого негативного качества к лицам мужского пола обычно обозначается употреблением в составе причастного предикативного компонента показателя **-в** первого [мужского] класса:

- *БоцӀухъ гӀумру бичарав, чадихъ намус бичарав*
«Ради богатства жизнь продавший [=продал], ради хлеба достоинство продавший [=продал]».
- *Чехъ сабаблъун бетӀер хварав*
«Из-за живота [ненасытного] голову [=достоинство] потерявший [=потерял]».
- *Чадихъ гъан бичарав, чохъоца рехарав*
«За хлеб себя продавший [продал], из-за живота отвергнутый [окружающими]».

В таких паремиологических единицах выделенные причастные предикатные компоненты, соотносительные в русских переводах с глаголами, выражают негативные коннотации, связанные, прежде всего, с отрицательной оценкой лиц мужского пола.

Проведенный анализ аварских паремиологических единиц, отражающих образ жадного/ненасытного человека, позволяет отметить следующее.

Большинство анализируемых паремиологических единиц соотносится с телесным и пищевым кодами культуры, поддерживаемыми непосредственно или косвенно соответствующими лексическими составляющими. Функцию предикативно или определительно характеризующих компонентов выполняют в основном причастия и прилагательные, в составе которых гендерный признак актуализируется употреблением соответствующего показателя лица.

Категоричность негативных оценок и национально-культурных коннотаций поддерживается уступительно-противительными отношениями, употреблением противопоставлений антонимического характера и принципом алогизма (небывальщины), которым характеризуется обозначаемая ситуация.

В ряде случаев многослойная модально-семантическая база аварских паремиологических единиц, отражающих образ жадного/ненасытного человека, определяется особенностями их лексико-семантического состава. В этих паремиях, как, собственно, и в других семантических группах паремиологических единиц, используются символически ключевые слова, способствующие формированию соответствующего паремиологического образа.

3.5. Концепт «Мискинлџи / Бедность» в аварской паремиологической картине мира

Аварские паремиологические единицы, репрезентирующие концепт «Бедность», в лингвистической литературе по аварскому языку специально не рассматривались, что определяет актуальность поставленной в данном разделе задачи.

В автореферате докторской диссертации М.А.Гасановой среди других концептов рассматриваются концепты «Богатство» и «Бедность», в связи с чем отмечается, что в табасаранской паремиологической картине мира бедность вызывает не только сочувствие и сострадание, но и даже в определенной степени неуважение [Гасанова, 2015:25]. Такая негативная

оценка бедности с точки зрения дагестанского менталитета имеет свое обоснование (см. об этом ниже).

Паремии, репрезентирующие концепт «Богатство», в аварском языке представлены единично и не создают целостной (объемной по материалу) системы в паремиологической картине мира, что мотивируется экстралингвистическими факторами – изначальной неактуальностью для аварского (=дагестанского) менталитета понятия «богатый, богатство».

Бедность же негативно оценивается с точки зрения отсутствия желания человека работать, быть деятельным, трудолюбивым, хозяйственным. В этом плане интерес представляет тот факт, что образ бедности в паремиях нередко пересекается с образами ленивого, бездеятельного, безответственного человека, что, естественно, по логическим причинам может быть оценено только в негативном плане.

Характеризуемые паремиологические единицы отличаются негативными национально-культурными коннотациями. Интересно то, что в основном отрицательно характеризуется бедность лиц мужского пола, что находит формальное выражение в специальном классном показателе *-в*.

В собственно лингвистическом плане следует отметить регулярное употребление отрицания *гурев* (с классным показателем первого класса), что соответствует усилению отрицания в русском языке при помощи повторяющегося союза *ни...ни...* (так в обоих языках усиливается отрицательная оценка лица, связанная с его бедностью, бездеятельностью):

➤ *Бекъизе хур гурев, гинтIизе оц гурев*

«Ни поля, чтобы сеять, ни вола, чтобы пахать»: в данном случае части паремиологической единицы связаны причинно-следственными смысловыми отношениями.

➤ *Похда гьоло гурев, гьоцIиб лал гурев*

«Ни гороха на крыше [на плоских крышах домов в старину высушивали горох], ни молотьбы на гумне».

➤ *Лъмалазе чед гурев, чое базе хер гурев*

«Ни хлеба для детей, ни сена для лошади».

➤ *Нилъее чед гурев, чияе гурга гурев*

«Ни хлеба для себя, ни гурга [вид хлеба] для других».

➤ *МухАмалъун пер гурев, ПатИмалъун цАам гурев*

«Ни лука как у Мухамы, ни соли как у Патимы».

Как видно из примеров, в отличие от русского языка, где отрицание *ни* ставится в препозиции по отношению к отрицаемому компоненту, отрицающий компонент *гурев* в аварском языке ставится после отрицаемого слова.

Такие аварские паремиологические компоненты через лексические компоненты соотносятся с разными кодами культуры – с зооморфным (ср. компонент *оц* «бык»), растительным (ср. компоненты *пер* «лук», *гьоло* «горох» и др.), антропным (ср. использование антропонимов *МухАма*, *ПатИма*) и вещно-предметным и пищевым (ср. *цАам* «соль», *чед* «хлеб»).

В предикативной функции в части характеризуемых паремиологических единиц используются и причастия, что не типично для узуса. Использование такой адъективной формы предиката приводит к усилению категоричности обозначаемого:

➤ *Гъоркъан тIутIурав* [прич.], *тIассан хохорав*[прич.],

«Снизу разорванный, сверху изношенный» (в паремиологическом образе имплицированно содержится намек на крайне изношенную одежду бедняка, происходит градационное усиление такого образа с использованием приема редупликации синонимов *тIутIурав*, *хохорав*).

➤ *Хъабчил къвалалда къого рукъи барав*[прич.],

«На рукаве тулуца двадцать заплаток [у которого] пришито» (определенная гиперболизации образа бедности происходит путем использования количественного слова *къого* «двадцать»).

➤ *Жакъа цвараб жакъа кунев* [прич.], *метер цвараб метер кунев*

[прич.]«Что добыл сегодня – сегодня [же] ест, что завтра добыл – завтра [же] ест».

- *Бечельидал чухъа ретIарав [прич.], ресукъльидал нацIал кварав [прич.]*
«Разбогатеv, черкеску надел, обеднев, вшами питался [ел]» и др.

Как свидетельствуют приведенные примеры, в русском языке аварским причастным (инфинитным) компонентам, использованным в паремиях в предикативно характеризующей роли, соответствуют глагольные компоненты, которые в аварском литературном языке обычно используются в стилистически нейтральных предложениях.

В предикативной роли могут быть использованы и прилагательные, согласующиеся при помощи классного показателя со словом, обозначающим субъект:

- *КIал бечедав, чед тIеренав*

«Язык [у которого] богатый [хвастает], хлеб [у которого] тонкий».

Отрицание *гурев* и адъективные предикативные компоненты в одних и тех же паремиях могут чередоваться:

- *КъватIиб гъури-муч кIудияв [прич.], рокъоб оцое лълъаралда базе жо гурев*

«На улице много хвастает (букв. «у которого хвастовство большое»), дома ничего [не имеет], чтобы на рог быка накинуть».

- *Рукъалда нуцIагъечIев [прич.], ахикъе гъалду гурев*

«Ни дверей в доме (букв. «в доме дверей не имеющий»), ни калитки в саду».

Использование таких предикативных компонентов приводит к усилению национально-культурных негативных коннотаций. Усиление отрицательного образа бедного человека достигается и противопоставленным использованием в соответствующем дискурсе собственно антонимических или контекстуально противопоставленных слов:

гъоркъан – тIассан «снизу – сверху», *жакъа – метер* «сегодня – завтра», *нилъее – чияе* «себе – другим/чужим», *тIохда – гъоцIиб* «на крыше – на гумне», *рукъалда – ахикъ* «дома – в саду» и т.д.

Ср. примеры фразового употребления таких противопоставлений:

➤ *Нилъее чед гурев, чияе гурга гурев*

«Ни хлеба для себя, ни гурга [вид хлеба] для других».

➤ *Пюхда гьоло гурев, гьоцлиб лал гурев*

«Ни гороха на крыше [лингвокультурологический комментарий см. выше], ни молотьбы на гумне».

➤ *Рукъалда нуцла гьечлев [прич.], ахикье гьалду гурев*

«Ни дверей в доме (букв. «в доме дверей не имеющий»), ни калитки в саду».

Для ряда рассматриваемых паремиологических единиц характерно использование инфинитивов со значением цели, долженствования, однако логическое противоречие (алогизм ситуации) при этом заключается в том, что такая цель не может быть достигнута в силу отсутствия соответствующих условий. Актуализация подобной алогичной ситуации приводит к усилению образа бедного человека:

сверизе «чтоб ходить, гулять», [но нет своей земли], *бекъизе* «надо бы пахать» [но нет своего поля], *члвазе* «чтобы раздавить» [даже вшей нет], *глинтлизе* «чтобы пахать» [нет быков], *чое базе* «чтобы накормить лошадь» [но нет сена] и т.д.

Все такие ситуации ставятся в упрек лицу мужского пола как нечто недостойное для настоящего мужчины, который своим трудом должен содержать с достоинством мужским дом и семью. Такое противопоставление значения долженствования и отсутствия того, что должно быть, усиливает экспрессивность соответствующих паремиологических образов.

В экспрессивно-оценочном плане представляют интерес слова звукоподражательного характера, выполняющие одновременно текстообразующие и символические функции (такие слова обычно имеют редуцированный характер):

➤ *Цогърониб гьваргьвар гурев, гьабуда делдел гурев*

«Ни шума [зерна в сундуке], ни гроздьев в саду» (символ отсутствия сада): звукоподражательная субстантивная форма *гьваргьвар* образована от

глагола *гъваризе* «греть, шуметь» и символизирует содержимое деревянного сундука для хранения зерна, а звуко-символическая редуцированная форма *дедел* образована от глагола *дализе* «висеть» и символизирует висящие гроздья фруктового дерева в саду.

Следует обратить внимание еще на одно фонетическое явление, играющее текстообразующую роль в характеризуемых паремиологических единицах и создающее определенную мелодичность, ритмичность. Часто в этой функции в симметричных, семантически и символически опорных компонентах паремии используется аллитерация:

- *Билизе чиет гурев, чIвазе нацI гурев*
«Ни блохи, чтобы потерять, ни вши, чтобы раздавить».
- *КIал бечедав, чед тIеренав*
«Языком хвастает, а хлеб тонкий».
- *Жиндиего чед гурев, чияе гурга гурев*
«Ни хлеба для себя, ни гурга для других».
- *ТIохда гьоло гурев, гьоцIиб лал гурев*
«Ни гороха на крыше, ни молотьбы на гумне».

Как свидетельствуют приведенные и другие примеры, в фонетической организации паремиологических единиц используется принцип, характерный для аварского стиха: опорный согласный предыдущей части повторяется в первом слове следующей части. Анализ материала свидетельствует, что такое явление характерно для абсолютного большинства характеризуемых паремиологических единиц, что создает некоторую стихотворно-песенную напевность.

В лингвокультурологическом аспекте можно отметить несколько существенных факторов, характеризующих данные паремиологические образы в качестве национально-культурных структур.

Во-первых, национально-культурная специфика паремиологических образов, составляющих концепт «бедность», определяется специфическими

для аварского языка грамматическими формами в предикативно характеризующей роли, о которых говорилось выше.

Во-вторых, в составе паремий используются названия национально-культурных реалий:

- *цагъур* «деревянный сундук для хранения зерна, муки»,
- *гурга* «вид хлеба»,
- *тIох* «плоская крыша дома в горах» [использовалась для высушки сена, гороха, зерна и т.д.],
- *чухъа* «мужская накидка-черкеска», *хъабача* «шуба из овчины местного производства» и др.

В третьих, в формировании паремиологических образов *бедного человека* участвуют слова или сочетания, ставшие символическими, национально эталонными. Такие структуры обосновывают в когнитивном аспекте степень бедности:

рукъалда нуцIа гъечIев «не имеющий двери дома», *тIохда гъоло гурев* «ни гороха [высушиваемого] на крыше дома [урожай гороха в старину символизировал материальное благополучие хозяина], *къохъол шарбал* «брюки из грубой овчины», *лъималазе чед гурев* «ни (не имеющий) хлеба для детей».

В ряде случаев образ бедного человека пересекается с образом безответственного, ленивого, ничем не занимающегося человека, что приводит к негативной оценке бедности:

- *КIал бечедав, чед тIеренав*
«Язык богат [хвастает], а хлеб тонкий».
- *Нилъее чед гурев, чияе гурга гурев*
«Ни хлеба для себя, ни гурга для других».
- *Жакъа цвараб жакъа кунев, метер цвараб метер кунев*
«Что достал сегодня – сегодня [же] ест, что достанет завтра – завтра [же] поест» [поэтому и беден].

Компонентами образа материального благополучия в рассматриваемых паремиологических единицах выступают в основном слова или сочетания слов, обозначающие:

- продукты питания (*гурга* «вид хлеба», *гьоло* «горох», *чед* «хлеб», *пер* «лук», *цIам* «соль»),
- одежду (*хъабача* «шуба из овчины», *шарбал* «брюки»),
- дом, поле, сад (*рукъ* «дом», *тIох* «крыша дома», *нуцIа* «дверь», *гъабу* «гроздь», *хур* «поле», *лал* «молотба», *ах* «сад»).

Такой лексический (компонентный) состав паремиологических единиц приводит к формированию соответствующих кодов культуры и использованию различного рода метафор при формировании соответствующих паремиологических образов— зооморфных, растительных, предметно-вещных и антропных.

Все отмеченное выше свидетельствует о значимости аварских паремиологических единиц, выражающих концепт «бедность», как в собственно лингвистическом, так и в лингвокультурологическом аспектах.

Рассмотренные паремиологические образы характеризуются негативными национально-культурными коннотациями: отрицательно характеризуются как сама бедность, так и обстоятельства, которые приводят к бедности: безответственность, бездеятельность, ленивость человека (в основном лиц мужского пола), что говорит о маскулинном характере рассмотренных паремиологических образов.

Для данной семантической группы паремиологических единиц, как и для многих других паремий, характерно предикативное употребление инфинитных форм глагола, что нередко связано с определенной стилистической окраской и с задачами усиления категоричности паремиологических образов.

3.6. Концепты «ЩукIалъи / Трусость» и «ХIинкъи гъечIолъи / Смелость» в аварской паремиологической картине мира

Актуальность проблем, поднимаемых в данном разделе диссертации, объясняется той ролью, которую рассматриваемые паремиологические образы играют в формировании аварской паремиологической языковой картины мира в целом.

Материал нашего исследования показывает, что трусость как негативное и осуждаемое в обществе качество актуализируется аварскими паремиологическими единицами, характеризующими в основном лиц мужского пола. При обозначении данного качества фразеологическими и паремиологическими единицами аварского языка происходит культурно обусловленная поляризация лиц по признаку биологического пола.

Исследователи отмечают, что в лингвистике и лингвокультурологии дихотомия «мужчина» и «женщина» смоделированы как явления языка и культуры [Маслова, 2004]. Особой гендерной значимостью отличаются фразеологические и паремиологические единицы, являющиеся яркими фрагментами языковой картины мира.

В этой связи Д.С. Самедов отмечает: «Категория гендера получает особое преломление в единицах языка, в том числе во фразеологических единицах и создаваемых ими образах человека» [Самедов, 2010с:174].

Характеризуемые нами паремиологические единицы, как и фразеологизмы, создают маскулиноцентричное образно-ассоциативное поле, где компаративность играет особую роль.

С компаративным характером части характеризуемых паремиологических единиц связаны и разные коды культуры, с которыми соотносятся соответствующие паремиологические образы. Так, например, ряд аварских паремиологических образов трусливого человека соотносится с зооморфным кодом культуры:

- *Анив – дегIен, дова – цIцIе*

«Здесь – козел, там – коза» (компонент *дегIен* «козел» символизирует смелость, гордость, а слово *цIуIе* «коза», напротив, употребляется как символ трусливого человека).

➤ *Вихьизе* – бугъа, *ватизе* – бече

«На вид – бугай, на деле – теленок».

➤ *Къаркъала* бугъилав, *ракIхIанчIилав*

«Тело [как] у бугая, сердце [как] у птички».

Как свидетельствуют примеры, в целях противопоставления смелости и трусости в таких компаративных паремиологических единицах используются как общезыковые, так и контекстуальные антонимы, обозначающие качества человека и обстоятельства, в которых они проявляются:

- *анив* «здесь» - *дова* «там»,
- *вихьизе* «на вид» - *ватизе* «на деле»,
- *гъекъедал* «выпивши» - *вигъиндал* «протрезвевши»;
- *дегIен* «козел» - *цIуIе* «коза»,
- *бугъа* «бугай» - *бече* «теленок»,
- *къаркъала* «тело» (данный лексический компонент употреблен в переносном метонимическом значении «человек») - *ракI* «сердце»,
- *бугъа* «бугай» - *хIинчI* «птичка».

В таких компаративных противопоставлениях для негативной актуализации трусости лиц мужского пола используются названия животных, которые символизируют внешнюю физическую мощь и моральную слабость мужчин, определительно-обстоятельственные компоненты содержат ироническую мотивацию проявления негативного качества трусости (ср. *гъекъедал* «выпивши» [смел] – *вигъиндал* «протрезвевши» [труслив]).

Такая символика, как отмечают исследователи, характерна и для фразеологических единиц с зооморфным кодом культуры в лакском языке [Магадова, 2012а: 43-46; Самедов, 2010:144].

Выявленные нами компаративные противопоставления, выражающие национально-культурные коннотации, характерны и для паремиологических образов, соотносительных с антропным кодом культуры:

- *Балъда нахъа – хIалихъат, хIарчда нахъа – багъадур*
«За лестницей [на улице] – трус/подлец, за подносом – герой» [= трусливый и подлый, но в еде - герой].
- *Вихъизе – вас, ватизе – рагIад*
«На вид – юноша [мужчина], на деле тень».
- *Вихъизе – чи, ватизе – чухъа*
«На вид - мужчина, на деле – трус».
- *Гъоболлъухъ индал – хан, гъобол вачIиндал – лагъ*
«В гостях – царь, гость когда приходит – раб».
- *Гадамазда гъоркъов – лъикIавчи, живго хутIиндал – хиянатчи*
«В людях – хороший человек, на деле (букв. «когда сам [один] остается)– трус/подлец» и др.

Как свидетельствуют приведенные примеры, ряд паремиологических образов отличается многослойными семантико-стилистическими оттенками значений: в таких образах качество трусливости пересекается с семантикой лицемерия, показушности в зависимости от обстоятельств, в которых оказывается человек:

в гостях [как царь] – у себя дома [как раб], в людях [хороший человек] – на самом деле [подлый трус], на вид [человек] – на деле [трус] и т.д.

Такие пересекающиеся образы выражаются паремиологическими и фразеологическими единицами разных дагестанских языков. Так, С.Ц. Магадова отмечает, что в отдельных фразеологических образах лакского языка «образ трусливого человека пересекается с образом никчемного, духовно слабого, совершенно безынициативного человека. Так создается многослойная семантика фразеологической единицы» [Магадова, 2014:192].

Отдельные паремиологические образы построены на основе условных отношений, осложненных оттенком временной семантики: в таких паремиях

при помощи формы условного наклонения глагола обозначаются условия и обстоятельства, при которых человек ведет себя по-разному (=достойно или недостойно, трусливо). Значение трусости при этом осложняется указанием на недостойное поведение:

- *ЧагIа гъекъани – къого чи, гъекъечIони – бацдав чи*
 «Если бузу выпьет - [будто] двадцать человек (=смелый), если не выпьет – полчеловека (=трусливый, недостойный).
- *ЦIад хIаллъани – рокъове, бакъ хIаллъани – гъорове*
 «Если дождь мучает – домой [бежит], если солнце мучает – в сарай [бежит].
- *РечIани, къелъе унев, къани, хIоболъе унев*
 «Если ударить – в стену войдет, если затолкнешь [=надавишь] – в столб войдет».

Через такие национально-культурные паремиологические образы и их коннотации осуществляется связь языка с национальной культурой, с национальным менталитетом, особенностями образно-эмоционального освоения окружающей действительности и осмысления места человека в этой действительности.

В.А.Маслова в этой связи отмечает: «Такая культурно маркированная коннотация возникает как результат интерпретации ассоциативно-образного обоснования ФЕ или метафоры посредством соотнесения его с культурно-эмоциональными эталонами и стереотипами. Компоненты с символическим прочтением также во многом обуславливают содержание культурной коннотации» [Маслова, 2004:55].

Обсуждая вопрос об особенностях отражения образа трусливого человека во фразеологических единицах даргинского языка, Д.С. Самедов отмечает: «Менталитет носителей дагестанских языков связывает домашний очаг, камин в основном с образом женщины, хранительницы очага. Рядом с женщиной-матерью может находиться мальчик-малыш, но не мальчик-подросток (юноша). Образ «маменькиного сынка» (иронически оцениваемый

как качество «домашней смелости») отражается в отдельных фразеологических единицах даргинского языка» [Самедов, 2010с:175]:

ср. *анкъилав цІакъси* «о трусливом человеке» (букв. «у камина смелый»). В арчинском языке используется символический образ *сита* (цІом): *цІаман ди оІхъаІтІутту* «запах сита [у которого] не отошел» (через компонент *сито* образ связывается с домашним очагом, с образом матери).

Аналогичный образ в аварском языке актуализируется паремиологической единицей *эбелалъул цІалкІил гъаракъ рагІулареб бакІалда сордо баларев* «багдадур» - букв. «не ночующий там, где не слышен звук сита, «герой» (естественно, компонент «герой» в данной паремии использован с известной долей иронии для отражения образа трусливого «маменькиного сынка»).

Обращают на себя внимание и некоторые специфические особенности морфолого-синтаксической организации характеризуемых паремиологических единиц. Так, в предикативной функции употребляются деепричастия, что не характерно для кодифицированного литературного языка, в котором обычно в той же роли, как и в русском языке, употребляются финитные формы глагола:

➤ *Бергъарасда – къулун* [деепр.], *къурасде – вортун* [деепр.]

«Сильному поклоняется, на слабого набрасывается».

Характерно употребление в предикативной роли специфической адъективной формы *гурев*, образованной от отрицания *гуро* «нет, не является»:

➤ *Бадиб кьер гурев*, *къандив рухІгурев*

«Ни огня/=смелости [букв. «ни цвета»] в глазах, ни духа в теле».

Как и деепричастия, в предикативно характеризующей роли продуктивно употребляются причастия и прилагательные (полные и краткие). Такие негативные паремиологические образы трусливого человека отличаются яркой образностью и национально-культурными оценочными коннотациями:

- *Бихъинчийилан кьалда холарев* [прич.], *члужугладанилан кьинлъухъе холарев* [прич.].

«Ни как настоящий мужчина на войне не погибает, ни как женщина при родах не умирает».

- *Хинкъарасда мал балеv*[прич.], *къвакIарасда къвал балеv* [прич.]
- «Трусливого ногой пинает, смелого обнимает». *Льутизеги тIадагъав* [прил.], *тIуризеги хIадурав*[прил.]

букв. «И убежать [струсив] быстро [умеет], и сбежать тоже [всегда] готов».

- *Квералкъокъ* [кр.прил.], *мацIхалат* [кр.прил.]

«Руки короткие [в знач. «драться не умеет, труслив»], язык длинный».

Большинство анализируемых паремиологических образов имеет эксплицированный при помощи сравнительного союза *гIадав* «такой, как» или имплицированный компаративный характер. В таких паремиях символически употребляются различные противопоставления антонимического характера:

- *Мискинасе заз гIадав, залимасе нах гIадав*

«С бедными [=слабыми] как колючка, с богатыми [=сильными] как масло».

- *ХIалимасе хъиру гIадав, хъачIасе квасквас гIадав*

«С мягкими [людьми] как кремень, с дерзкими как вата [мягко, труслив]».

Такие противопоставления узуального и контекстуального (чаще) типа носят символический характер.

Оценка трусливому человеку может быть дана через отражение в паремиологическом образе его отношения к сильному (=смелому) и слабому человеку, негативно оценивается мнимая «смелость» перед человеком слабее себя:

- *Бергъарасда гъоркъаги вахъунарев, къурасда тIасаги вахъунарев*

«Под сильным лежит [=сильному подчиняется], со слабого не поднимается [=слабого подчиняет]».

➤ *Бергьарасда кьалев, кьурасда тIаделъулев*

«Перед сильным трусит, на слабого набрасывается».

На фоне образа трусливого человека особую значимость приобретают гендерные паремиологические единицы, характеризующие смелость, решительность лиц мужского пола:

➤ *РечIани, кьадалъ кьалев, кьани, хьуцIилъа вахъунев*

«Если кинуть – в стену войдет, если в болоте погрязнет – [сам] выберется».

➤ *Ракьулъе реханиги, месед холарев, хабалъе аниги, бахIарчи холарев*

«Даже в земле золото не портится, и герой (=смелый) даже в могиле не умирает» (в смысле: остается его славное имя).

➤ *РагIи хвей – бахIарчиясе живго хвей гIадаб жо*

«Не сдержат слова – для героя, все равно, что умереть».

➤ *БахIарчи кьалда хола, хIалихъат буснов хола*

«Герой в бою погибает, подлец в постели умирает».

➤ *БахIарчи хвани, цIар хутIулеб, цIукIа хвани, рогъо хутIулеб*

«Если погибает герой (храбрец), то остается доброе имя, если погибает трус – остается позор».

➤ *БахIарчиясул чIухIи – кьалда бергьин, хIалихъатасул чIухIи – кванан бергьин*

«Гордость храбреца – победить в бою, гордость подлеца – победить в поедании пищи».

Примеры свидетельствуют о том, что храбрец и трус часто сопоставляются. Даже позитивные характеристики смелого человека/героя способствуют актуализации осуждаемых качеств трусливого человека, что соответствует менталитету народа. В таких антитезных противопоставлениях используются лексические оппозиции символического характера («сталкиваются» ключевые лингвокультурные смыслы):

бахIарчи – *xIалихъат* «герой – подлец», *бахIарчи* – *цIукIа* «храбрец – трус», *рагъ/къал* «война» (пространство героя) – *бусен* «постель» (пространство труса), Кроме того, актуализируется мысль о том, что после смерти героя остаются его славное имя и достойные поступки (*цIар* «имя» - символ доброго имени), *къалда бергъин* – победа в бою, *чIухIи* – гордость (символ достинства настоящего горца) в противовес позору труса (*рогъо*).

Выявленные и описанные особенности позволяют отметить следующее. Несомненным является факт гендерного и компаративного характера паремиологических единиц, отражающих образы смелого и трусливого человека (=мужчины). Гендерная отнесенность паремиологического образа выражается специальным (выделенным нами в примерах) показателем *-в* первого (=мужского) лексико-грамматического класса. Компаративность может иметь эксплицированный или имплицированный характер.

Характеризуемые паремиологические единицы соотносятся с зооморфным, антропным и предметно-вещным кодами культуры. В соответствующих паремиологических образах большую роль играет языковая символика, в основе которой лежит компаративность и которая в ряде случаев носит национально-культурный характер.

Коннотации рассматриваемых образов объясняются гендерно ориентированной позитивной и негативной оценкой смелости (храбрости) и трусости. Представления о таких качествах формируются на основе особенностей образно-ассоциативного осмысления окружающего мира и самого человека в пространстве человеческих отношений (поведения) и их оценки носителями языка.

К лингвистическим особенностям характеризующих паремий относятся использование антонимических противопоставлений компаративного характера и их морфолого-синтаксические особенности. Морфолого-синтаксическая организация аварских паремиологических единиц, отражающих образы смелого и трусливого человека, отличается своей

спецификой: в предикативно характеризующей роли продуктивно употребляются причастия, деепричастия и прилагательные, что не совсем типично для кодифицированного аварского литературного языка.

Выводы по третьей главе

1. В аварской паремиологической картине мира образ двуличного человека актуализируется путем использования различных лексико-семантических, лексико-синтаксических и морфологических средств. В предикативно характеризующей роли в таких паремиях употребляются специфические морфологические формы, не характерные для узуса (например, причастия, деепричастия, полные формы прилагательных). Признак двуличия в группе паремиологических образов пересекается с лицемерием, никчемностью, трусостью, моральной безответственностью лиц мужского пола. Маскулинность отрицательных образов в этом случае определяется менталитетом носителей языка и их традиционными моральными устоями, нравственными признаками, социально-общественными ориентирами относительно достоинства настоящего мужчины.

Сопоставительные смысловые отношения в паремиях, отражающих образ двуличного человека, актуализируются словами антонимического характера, выполняющими функции различных кодов культуры и языковых символов, ставшими культурными знаками языка.

2. Представляют интерес случаи употребления исторически получивших фемининную интерпретацию культурных знаков языка. Большинство паремий фемининного характера носит образно-оценочный характер. Положительные или негативные коннотации, актуализируемые данными паремиями, определяются степенью соответствия женщины представлениям носителей языка об её идеале.

В формировании негативных образов женщины важную роль играет принцип алогизма и соответствующая грамматическая семантика конструкций (=противительно-уступительные смысловые отношения).

3. Паремиологические единицы, актуализирующие концепт «Никчемный человек», отличаются лингвистическими и лингвокультурологическими особенностями. Создаваемые этими паремиями образы в основном носят негативный характер, что диктуется характером самого концепта. Лингвистические особенности характеризуемых паремий связаны с формами предикативных компонентов и с особенностями их лексико-семантического состава. Национально-специфический характер анализируемым паремиологическим образам придают названия национально-культурных реалий и символы как культурные знаки языка, определяющие соотносительность характеризуемых паремиологических единиц с разными кодами культуры.

4. Большинство аварских паремий, отражающих образ жадного/ненасытного человека, соотносится с телесным и пищевым кодами культуры. Функцию предикативно или определительно характеризующих компонентов выполняют в основном причастия и прилагательные с формальным признаком (классным показателем) гендерности.

Негативные оценки и национально-культурные коннотации в таких паремиологических образах поддерживаются уступительно-противительными отношениями, употреблением противопоставлений антонимического характера и принципом алогизма, характеризующим обозначаемую ситуацию. Модально-семантическая база паремиологических единиц, отражающих образ жадного/ненасытного человека, может определяться особенностями их лексико-семантического состава.

5. Паремиологические единицы, актуализирующие концепт «Бедность» (*Мискинлъи*), характеризуются негативными национально-культурными коннотациями: при этом отрицательно характеризуются не только сама бедность, но и обстоятельства, которые приводят к бедности:

безответственность, бездеятельность, ленивость человека (в основном лиц мужского пола).

Это свидетельствует о маскулинном характере соответствующих паремиологических образов. Из грамматических признаков следует отметить предикативное употребление инфинитных форм глагола, что нередко связано с определенной стилистической окраской и с задачами усиления категоричности паремиологических образов.

6. Паремии, отражающие образ трусливого человека (в основном лиц мужского пола), носят гендерный и компаративный характер. Компаративность может иметь эксплицированный специальными маркерами или имплицированный характер. Такие паремии соотносятся с зооморфным, антропным и предметно-вещным кодами культуры.

Большую роль играет языковая символика, носящая нередко национально-культурный характер. Коннотации образов жадного человека объясняются маскулинно ориентированной негативной оценкой носителя качества трусости и особенностями образно-ассоциативного осмысления окружающего мира носителями языка.

Оценочный характер данных паремий создается использованием антонимических противопоставлений компаративного характера и их морфолого-синтаксическими особенностями. В предикативной функции употребляются причастия, деепричастия и прилагательные, что не совсем типично для кодифицированного аварского литературного языка.

7. В фемининных паремиологических единицах употребляются исторически получившие соответствующую интерпретацию культурные знаки языка. Большинство таких паремий носит образно-оценочный характер. Положительные или негативные коннотации, выражаемые ими, определяются степенью соответствия женщины представлениям носителей языка. Важную роль играет и принцип алогизма, на основе которого формируются оценочные противительно-уступительные смысловые отношения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенный выше в трех главах диссертационного исследования анализ аварских гендерных паремиологических единиц в лингвистическом и лингвокультурологическом аспектах позволяет сформулировать следующие основные выводы.

1. Лексико-семантический состав аварских паремий (пословиц, поговорок и фразеологизмов), мотивирован соответствующими гендерными образами (необходимостью дифференцированной характеристики лиц мужского или женского пола по их различным внешним и внутренним признакам). В сознании носителей языка компоненты соответствующих гендерных паремиологических образов, получив в историческом плане специфическую интерпретацию, стали символическими культурными знаками языка («мужскими» и «женскими» символами, формирующими соответственно маскулинные и фемининные фразеологические образы)

1.1. Анализ маскулинных и фемининных фразеологических образов, использованных в текстах разных жанров аварского фольклора (колыбельных песнях и шуточных песнях, коротких стихах и песнях на любовную тематику, героических песнях, балладах и плачах) и актуализирующих «мужской» и «женский» менталитет, с точки зрения их лексико-семантического состава, свидетельствует о том, что они соотносятся с разными кодами культуры. Маскулинные образы, за исключением колыбельных песен, чаще характеризуют внутренние качества и поступки лиц мужского пола. Фемининные образы характеризуют как внешний облик женщин, так и их внутренние состояния, определяемые тематикой фолькорных произведений. В составе таких семантических групп употребляются как обычные слова, связанные по смысловой структуре с актуализацией маскулинных и фемининных образов, так и языковые единицы, получившие исторически в сознании носителей языка своеобразную интерпретацию в качестве «мужских/женских символов». В основе такой интерпретации в основном лежат особенности национального

(как общедагестанского, так и аварского) менталитета. Мужская языковая символика при этом связана с актуализацией как позитивных, так и негативных маскулинных образов. В части этих образов пересекаются гендерные и возрастные признаки (например, в колыбельных песнях и плачах).

Фемининные фразеологические образы чаще номинируют внешние качества лиц женского пола (например, качества, связанные с концептом «Красота»). Оценочный концепт «красота женщины» актуализируется лексическими единицами, соотносительными с разными кодами культуры – с природным (названия небесных светил), растительным, зооморфным (используются названия животных, оказывающих эстетическое впечатление), предметным (названия драгоценных металлов, предметов и деталей одежды) и т.д.

Специфической особенностью является и то, что ряд мужских качеств, ментально оцениваемых носителями языка (смелость, отвага, сила, надежность и т.д.), не актуализируется по отношению к женщинам. И, напротив, оценочно характеризуются такие «женские» качества, как внешняя красота и отдельные внутренние качества (доверчивость, слабыхарактерность, коварство и др.).

1.2. Как маскулинные, так и фемининные паремии (=фразеологические образы) формируются при поддержке слов конкретных лексико-семантических групп, соотносительных с разными кодами культуры – соматическим, зооморфным, растительным, предметно-вещным, природным, антропным и т.д. При этом продуктивность и характер использования слов различных лексико-семантических групп в составе маскулинных и фемининных фразеологизмов различаются. Так, названия внешних частей тела, небесных светил и объектов растительного мира чаще используются для формирования фемининных образов; имеет место закрепленность тех или иных зоонимов дифференцированно за определенными ФЕ гендерного характера. Встречаются и уникальные, национально-культурные образы

символической актуализации гендрных образов (например, использование слова *хЛуби* «деревянная опора, подпирающая в старинных домах потолок», для обозначения качества надежности мужчины).

1.3. Представляют интерес случаи переносного образно-метафорического или метонимического употребления слов для оценочной номинации лиц того или иного биологического пола или их конкретных действий. Принципы и характер переосмысления значений лексических единиц, формирующих гендерные паремиологические образы, с одной стороны, могут иметь единую основу. С другой же стороны, в процесс формирования таких образов включаются национально обусловленные механизмы, мотивированные различными факторами как лингвистического, так и экстралингвистического характера.

1.4. Анализируемый паремиологический (=фразеологический) материал, особенно использованный в аварском фольклоре, свидетельствует о древнейшей интерпретации некоторых образов в сознании носителей аварского языка, на что указывает преимущественное использование части маскулинных и фемининных образов в фольклорных дискурсах (например, в народных балладах и плачах). Отдельные из этих национально-культурных образов, основанные на принципе алогизма, выполняют усилительные функции на коннотативном уровне, чему есть реальное объяснение: как правило, содержание баллад (или плачей) строится как повествование о драматических (порой трагических) судьбах близкородственных людей.

1.5. Обращает на себя внимание достаточно яркая национально-культурная специфика части гендерных образов, определяемая различными факторами, к числу которых, к примеру, можно отнести использование мужских и женских имен собственных. Часть ФЕ характеризуемого типа носит компаративный характер: актуализируемая ситуация сравнивается с действиями конкретных лиц, обозначенных соответствующими именами собственными, хотя в силу обобщенности образов в конкретных дискурсах

данные имена носят нарицательный характер, формально оставаясь именами собственными.

К другим факторам, обусловившим национально-культурный характер соответствующих ФЕ, можно отнести использование в их составе названий населенных пунктов, рек, этнонимов, номинаций имевших место в прошлом исторических событий, национальных традиций и жизненных ситуаций, произошедших с участием лиц мужского или женского пола. В фемининных образах национально-культурная специфика создается употреблением лексических компонентов, актуализирующих эстетические качества предметов и животных, а также цветовые характеристики, позволяющие уподоблять лиц женского пола эстетически значимым предметам (в широком понимании): ср. *маргъал* «жемчуг» (ср. *маргъалул черх* «красивое белое тело женщины» - букв. «жемчуга/из жемчуга тело»), *чинара* «название дерева», *микки* «голубь» и т.д.

Гендерность фразеологических образов национально-культурной специфики актуализируется употреблением слов с антропным кодом культуры типа *вац* «брат», *яц* «сестра», *эбел* «мать» (но не *эмен* «отец») в сочетании с соматизмами (особенно в фольклоре): ср. *тIулбикъарав вац* «родной [по матери] брат» (букв. «печень поделивший [=одной печени] брат»), *тIулил яц* «родная сестра (букв. «печени сестра»).

Гендерный признак дифференцированно актуализируется также употреблением символических названий предметов мужской или женской одежды, тканей, старинной обуви (мужской или женской): ср. *тIагъур* «папах» (символ мужского достоинства и чести), *дарайдул горде* «шёлковое платье», *мачуял багIар* «красные чупаки» (символы женской красоты и наряда в фольклорных текстах).

Яркими языковыми средствами, формирующими национально-культурную специфику гендерных паремий являются топонимы; слова, обозначающие национально-культурные реалии; «мужские» или «женские» языковые символы, ставшие в силу исторической интерпретации

культурными знаками языка. Такого типа гендерные образы соотносятся с разными кодами культуры в зависимости от признаков маскулинности или фемининности.

2. Часть аварских гендерных паремиологических образов, соотносится с религиозным кодом культуры и имеет оценочный характер, усиливаемый использованием повторов союзных частиц или отдельных десемантизированных форм в роли усилительных частиц. Ряд таких образов строится на антонимических противопоставлениях и противительно-уступительных или сопоставительных смысловых отношениях, что предопределяется ситуациями, в которых человек ведет себя по-разному.

3. Паремии с языковой символикой в основном соотносятся с зооморфным, телесным, предметно-вещным, природным и антропным кодами культуры. Национально-культурная специфика таких паремий создается также использованием названий национально-культурных реалий. Национально-культурная символика паремий часто определяется внутренней формой ставших символами, культурно значимыми эталонами и стереотипами языковых единиц.

Многие гендерные паремиологические единицы характеризуемого типа строятся на компаративной основе, что связано с особенностями интерпретации носителями языка символически номинируемых объектов действительности.

4. Большинство гендерных паремиологических образов, построенных на основе принципа алогизма и актуализирующих различные концепты, характеризуется специфическими грамматическими особенностями – использованием причастий в определительно и предикативно характеризующей функции, что связано с необходимостью качественной оценки человека, обозначения его поступков и поведенческих свойств. Признак алогизма в этих паремиях формируется различными языковыми средствами – семантически несовместимыми словами, антонимическими противопоставлениями узуального и контекстуального характера, средствами

гиперболизации, выполняющими усилительные функции, и специфическими глагольными формами, характерными для аварского языка (например, формами уступительного наклонения).

5. Антропонимические языковые средства в аварских паремиологических единицах, ориентированных на человека, носят экспрессивно-оценочный характер. Соответственно такие антропонимы формируют антропный код культуры, нередко усиливаемый оценочно-компаративным характером паремиологического образа.

6. Имеют место особенности лексико-семантического состава аварских паремиологических единиц, ориентированных на человека. Так, группа паремий строится на антонимических противопоставлениях слов разных частей речи, что позволяет актуализировать в основном положительные качества путем деактуализации негативных. Нередко это объясняется национальным менталитетом и высокими моральными требованиями к мужчинам. В части таких паремий используются различные коды культуры и языковые знаки, ставшие национально-культурными символами. Антонимия в паремиях может выступать в качестве фактора, поддерживающего и актуализирующего компаративную семантику.

В плане паремиологической языковой картины мира и актуализации национально-культурных коннотаций обращают на себя внимание также паремиологические образы, построенные на основе принципа алогизма.

7. Компаративная семантика паремий, ориентированных на человека и соотносительных с разными кодами культуры, эксплицируется морфологическими и лексико-синтаксическими средствами. Собственно лексические средства создания компаративности подверглись символизации и отличаются достаточно яркой коннотативной наполненностью.

В морфологическом плане представляет интерес употребление в составе паремий сложных существительных, образованных по общеязыковым и окказиональным моделям. Такие структуры выполняют двойную (семантическую и грамматическую) функцию: обозначают

негативные качества человека и выполняют предикативно характеризующие функции. Многие существительные сложной структуры, соотносительные с разными кодами культуры, символически используются в роли культурных знаков языка.

Морфологические формы компонентов характеризуемых паремий могут быть представлены экспрессивно-оценочными существительными, соотносительными с разными кодами культуры. Эмотивный характер паремиологических образов при этом создается: а) употреблением экспрессивно-оценочных существительных, б) переносным употреблением существительных и их символической интерпретацией в аварской языковой картине мира, в) позитивной и негативной символизацией собственных имен людей, исторически связанных с конкретными ситуациями.

В части паремиологических образов противительные отношения, осложненные уступительной семантикой, поддерживаются соответствующим лексико-грамматическим составом паремий, в результате чего формируется экспрессивно-оценочный характер паремий. Противительно-уступительные смысловые отношения реализуются в паремиологических единицах, структурно соотносительных как с простыми, так и сложными предложениями. В формировании таких отношений участвуют лексико-семантические и морфолого-синтаксические средства: специфические формы уступительного наклонения глагола; краткие формы прилагательных, выполняющие в компаративных паремиях предикативные функции, а также инфинитные (деепричастные и причастные) глагольные формы усилительно-предикативного назначения, используемые в функции актуализации (=усиления) компонента «обманутого ожидания» уступительной семантики.

8. Концептуальный анализ аварских паремиологических единиц, ориентированных на человека, свидетельствует о ряде лексико-семантических, лексико-синтаксических и морфологических признаков, которыми соответствующие паремии характеризуются в качестве концептообразующих.

8.1. При актуализации образа двуличного человека в предикативно характеризующей функции употребляются специфические морфологические формы, не характерные для узуса (причастия, деепричастия, полные формы прилагательных). Признак двуличия в ряде образов пересекается с лицемерием, никчемностью, трусостью, моральной безответственностью лиц мужского пола. Маскулинность негативных образов мотивируется моральными и нравственными устоями, принятыми в данном языковом сообществе. Сопоставительные отношения в паремиологических образах двуличного человека, актуализируются антонимическими лексическими единицами, ставшими культурными знаками языка.

В формировании негативных образов женщины важную роль играет принцип алогизма. Большинство паремий фемининного характера носит образно-оценочный характер. Положительные или негативные коннотации, актуализируемые данными паремиями, определяются степенью соответствия женщины представлениям носителей языка об её идеале.

8.2. Паремии, актуализирующие образ *жены*, носят оценочно-назидательный характер. Основными средствами общей оценки жены (*чужу/льади*) являются адъективы (прилагательные и причастия) позитивной или негативной семантики. Жена может быть оценена со стороны мужа или по отношению к свекрови, что способствует формированию компаративных образов. Семантика оценочности в такого типа паремиях компаративного характера поддерживается лексическими или лексико-синтаксическими средствами с имплицитной или эксплицитной коннотацией.

Характеризуемые паремиологические единицы, формирующие концепт «жена», соотносятся с разными кодами культуры – зооморфным, соматическим, предметно-вещным и природным. Внешняя красота жены не актуализируется как привлекающая чужие взоры. Важнее оценка жены как хозяйки дома, от которой зависит его состояние, благополучие. Образ жены во многих паремиях оценивается через противопоставления *жена – муж*,

невестка – свекровь; ленивая – трудолюбивая, гостеприимная – негостеприимная, хорошая – плохая, мудрая – немудрая и т.д. Такие паремиологические образы соотносятся с разными кодами культуры, часть из них строится на метафорической основе.

8.3. Паремии, формирующие концепт «никчемный человек», в основном носят негативный характер, что диктуется характером самого концепта. Для этих паремий характерны особые формы предикативных компонентов (например, употребление в этой роли инфинитных форм глагола), имеют место и особенности лексико-семантического состава. Национально-специфический характер анализируемым паремиологическим образам придают названия национально-культурных реалий и символы как культурные знаки языка, определяющие соотносительность характеризующих паремиологических единиц с разными кодами культуры.

8.4. Многие паремии, отражающие образ *жадного/ненасытного* человека, соотносятся с телесным и пищевым кодами культуры. Функцию предикативно или определительно характеризующих компонентов выполняют в основном причастия и прилагательные с формальным признаком (=классным показателем) гендерности. Негативные национально-культурные коннотации в таких паремиях поддерживаются уступительно-противительными отношениями, употреблением противопоставлений антонимического характера и принципом алогизма. Семантическая база паремий, отражающих образ жадного/ненасытного человека, в основном создается их лексико-семантическим составом.

8.5. Гендерные паремии, актуализирующие концепт «Бедность» (*Мискинлъи*), в основном отличаются негативными национально-культурными коннотациями: при этом отрицательно характеризуются не только сама бедность, но и обстоятельства, приведшие к бедности: безответственность, бездеятельность, ленивость человека (в основном лиц мужского пола). Из грамматических признаков данных паремий следует отметить предикативное употребление инфинитных форм глагола, что

нередко связано с определенной усилительно-стилистической окраской паремиологических образов.

8.6. Паремии, отражающие образ трусливого человека (в основном лиц мужского пола), носят компаративный характер. Компаративность может иметь эксплицированный специальными маркерами или имплицированный характер. Такие паремии соотносятся с зооморфным, антропным и предметно-вещным кодами культуры. Большую роль в формировании образа трусливого человека играет национально-культурная языковая символика. Оценочный характер характеризуемых паремий создается антонимическими противопоставлениями компаративного характера и их морфолого-синтаксическими особенностями (так, в предикативной функции употребляются инфинитные формы глагола и прилагательные, что не совсем типично для кодифицированного аварского литературного языка).

8.7. В фемининных паремиологических единицах, актуализирующих концепт «Женщина», употребляются исторически получившие соответствующую интерпретацию культурные знаки языка. Большинство таких паремий носит образно-оценочный характер. При этом положительные или отрицательные коннотации, выражаемые соответствующими паремиями, определяются степенью соответствия женщины представлениям носителей языка об её идеале.

Перспективы дальнейшего исследования тематики диссертационного исследования. Различные проблемы лингвистического и лингвокультурологического характера, поднимаемые в диссертации, как нам представляется, имеют перспективы дальнейшего исследования. Аварские гендерные фразеологические и паремиологические единицы могут быть изучены с точки зрения особенностей их семантико-стилистического и прагматического функционирования в текстах разных жанров – в художественных произведениях, аварском фольклоре, в печатных средствах массовой информации.

Рассмотренные нами в диссертации культураносные единицы могут быть исследованы в сравнительно-сопоставительном плане с привлечением материала генетически родственных дагестанских и других неродственных языков. В дальнейшем могут быть исследованы различные паремиологические концепты бинарного характера, которые остались за пределами настоящей диссертации (*дочь – сын, сестра – брат, невестка – свекровь, зять – теща* и т.д.). В этом случае исследованием может быть охвачен весь корпус не только ядерных, но и периферийных концептов.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абакарова, М. А. Репрезентация лингвокультурных концептов мужчина и женщина в английской и лакской языковых картинах мира : диссертация на соискание учёной степени кандидата филологических наук : 10.02.20 / Абакарова Мариана Ахмедовна. – Махачкала, 2015. – 210 с.
2. Абачараева, М. М. Язык песенного фольклора лакцев: диссертация на соискание учёной степени кандидата филологических наук: 10.02.02 / Абачараева Мадина Мусаевна. – Махачкала, 2013. – 151 с.
3. Абдулаева, Р. Н. Идеино-тематическое и художественное своеобразие аварских пословиц, поговорок и загадок: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук : 10.01.09 / Абдулаева Резеда Нигматулаевна. – Махачкала, 2005. – 23 с.
4. Абдулкаримова, П.А. Фразеологические и паремиологические единицы эмотивной семантики с компонентом-зоонимом в аварском и английском языках: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук : 10.02.20/ Абдулкаримова ПатиматАлисултановна. – Махачкала, 2012. – 24 с.
5. Абдуразакова, З. Г. К вопросу о компонентном составе компаративных ФЕ, обозначающих облик человека, в аварском языке / З. Г. Абдуразакова // Современные проблемы кавказского языкознания и тюркологии. – 2008. – Вып. 8. – С. 27-33.
6. Абдуразакова, З.Г. Компоненты с количественным значением в компаративных фразеологических единицах русского и аварского языков / З. Г. Абдуразакова // Изучение фольклора, литературы и языков Дагестана. Проблемы жанра в филологии Дагестана : материалы Межвузовской научной конференции, Махачкала, 23-24 апреля 2008 года / ответственный редактор Ш. А. Мазанаев ; Дагестанский государственный университет, Филологический факультет. – Махачкала, 2008. – Вып. 4. – С. 134-127.

7. Абдуразакова, З. Г. Лингвокультурологическая характеристика компаративных фразеологических единиц аварского языка / З. Г. Абдуразакова // Изучение фольклора, литературы и языков Дагестана. Проблема жанра в филологии Дагестана: материалы Межвузовской научной конференции, Махачкала, 24-25 апреля 2009 года / ответственный редактор Ш. А. Мазанаев ; Дагестанский государственный университет, Филологический факультет. – Махачкала, 2009. – Вып. 5. – С. 246-252.
8. Абдуразакова, З. Г. К вопросу о лексическом составе семантических групп компаративных фразеологических единиц в аварском и русском языках / З. Г. Абдуразакова // Вопросы русского и сопоставительного языкознания : сборник статей / Дагестанский государственный университет. – Махачкала, 2010. – Вып. 4. – С. 101-105.
9. Абдуразакова, З. Г. Общие и различительные признаки в структурно-грамматической организации аварских и русских компаративных паремиологических единиц / З. Г. Абдуразакова // Вестник Дагестанского государственного университета. Сер.: Филологические науки. – 2012. – Вып. 3. – С.27-32.
10. Абдуразакова, З. Г. Компаративные фразеологические и паремиологические единицы в аварском и русском языках: лингвистическая и лингвокультурологическая характеристика: диссертация на соискание учёной степени кандидата филологических наук : 10.02.20 / Абдуразакова Зарема Гасановна. – Махачкала, 2014а. – 158 с.
11. Абдуразакова, З. Г. Лингвокультурологическая характеристика аварских паремиологических единиц / З. Г. Абдуразакова // Вестник Дагестанского государственного университета. Сер.: Филологические науки. – 2014б. – Вып. 3. – С. 103-107.
12. Абдуразакова, З. Г. Об особенностях структурно-грамматической организации аварских компаративных паремиологических единиц / З. Г. Абдуразакова // Историческая и социально образовательная мысль. – 2014с. – № 1(23). – С. 260-262.

13. Абдуразакова, З. Г. О типологически общих и национально-культурных признаках аварских и русских компаративных паремиологических единиц / З. Г. Абдуразакова, Д. С. Самедов // Вопросы русского и сопоставительного языкознания : сборник статей / Дагестанский государственный университет. – Махачкала, 2009. – Вып. 3. – С. 39-43.
14. Абдурахманов, А.М. Культурно-тотемистические персонажи в фольклоре и обрядах народов Дагестана / А. М. Абдурахманов // Вопросы языков и фольклора малочисленных народов Дагестана. – Махачкала, 2004. – Вып. 2.
15. Абдусаламова, А. З. Сравнительные конструкции в русских и аварских фольклорных текстах : диссертация на соискание учёной степени кандидата филологических наук : 10.02.20 / Абдусаламова Амина Зайнулабидовна. – Махачкала, 2016. – 162 с.
16. Аглеева, З. Р. Фразеологизированные конструкции в разноструктурных языках : монография / З. Р. Аглеева ; Министерство образования и науки Российской Федерации, Астраханский государственный университет. – Астрахань : Астрахан. ун-та, 2011. – 241 с.
17. Агузарова, С. В. Концепт судьба в языковой картине русских / С. В. Агузарова // Человек, государство, общество: традиционные проблемы и новые аспекты: материалы XIII межвузовской научно-практической конференции, Владикавказ, 21-22 апреля 2011 года / Владикавказский институт управления. – Владикавказ, 2011. – Вып. 36. – С. 288-299.
18. Агузарова, С. В. Концепт судьба во фразеологических единицах осетинского языка / С. В. Агузарова // Вестник Северо-Осетинского государственного университета. Сер.: Общественные науки. – 2011. – № 4. – С. 158-162.
19. Агузарова, С.В. Концепт хъысмет (судьба) в осетинском языке в сопоставлении с русским : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук : 10.02.20 / Агузарова Светлана Валерьевна. – Владивосток, 2013. – 23 с.

20. Аكوпова, Р.А. Семантическое поле любовь в русской и английской фразеологии / Р. А. Аكوпова // История языкознания, литературоведения и журналистики как основа современного филологического знания: материалы Международной научной конференции, Ростов-на-Дону, Адлер, 6-12 сентября 2003 года / ответственный редактор Т. А. Волошина. – Ростов-на-Дону : РГУ, 2003. – Вып. 2.
21. Алексеев, М. Е. Аварский язык / М. Е. Алексеев, Б. М. Атаев; ответственный редактор М. М. Магомедханов. – Москва: Academia, 1998. – 143 с.
22. Алефиренко, Н. Ф. Фразеологическое значение как феномен лингвокультуры / Н. Ф. Алефиренко // Русский язык: исторические судьбы и современность : II Международный конгресс исследователей русского языка, 18-21 марта 2004, Москва: труды и материалы / составители М. Л. Ремнёва, А. А. Поликарпов, О. В. Дедова. – Москва : МГУ, 2004.
23. Алефиренко, Н. Ф. Фразеология и паремиология : учебное пособие / Н. Ф. Алефиренко, Н. Н. Семенов. – Москва : Флинта: Наука, 2009. – 344 с.
24. Алиева, Ш. З. Лексические и синтаксические особенности пословиц и поговорок аварского языка : диссертация на соискание учёной степени кандидата филологических наук : 10.02.02 / Алиева Шахрият Зиявудиновна. – Махачкала, 2016. – 155 с.
25. Алиханова, Л. Г. К вопросу о лексическом (компонентном) составе фразеологических единиц со значением пространства в аварском языке / Л. Г. Алиханова // Андийские языки среди языков народов Дагестана: материалы научно-практической конференции-презентации, Махачкала, 6-8 июня 2011 года / ответственный редактор П. А. Магомедова; Дагестанский государственный университет, Филологический факультет. – Махачкала, 2011а. – С.33-34.
26. Алиханова, Л. Г. К вопросу о лингвокультурных компонентах русских фразеологических единиц со значением пространства и времени в страноведческом аспекте / Л. Г. Алиханова // Гуманитарные науки: новые

технологии образования: материалы XVI Региональной научно-практической конференции, Махачкала, 19-20 мая 2011 года / Дагестанский государственный университет. – Махачкала, 2011b.

27. Алиханова, Л. Г. Национально-культурные компоненты аварских и русских фразеологических единиц с пространственной и временной семантикой / Л. Г. Алиханова // Проблемы семантики языков разных систем: сборник статей / Российская академия наук, Институт языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы. – Махачкала, 2011с. – Вып. 1.– С. 65-76.

28. Алиханова, Л. Г. Синтаксические особенности аварских пословиц и поговорок, выражающих концепты пространство и время / Л. Г. Алиханова // Вопросы русского и сопоставительного языкознания: сборник статей / Дагестанский государственный университет. – Махачкала, 2011d. – Вып. 5. – С. 35-45.

29. Алиханова, Л. Г. Числовая символика в аварских фразеологических и паремиологических единицах / Л. Г. Алиханова // Андийские языки среди языков народов Дагестана : материалы научно-практической конференции-презентации, Махачкала, 6-8 июня 2011 года / ответственный редактор П. А. Магомедова; Дагестанский государственный университет, Филологический факультет. – Махачкала, 2011е. – С. 34-37.

30. Алиханова, Л. Г. Контекстуальные антонимы в аварских паремиологических единицах, выражающих концепты время и пространство / Л. Г. Алиханова // Изучение фольклора, литературы и языков Дагестана. Проблема жанра в филологии Дагестана: материалы IX Всероссийской научной конференции, Махачкала, 10 декабря 2014 года / ответственный редактор Ш. А. Мазанаев ; Дагестанский государственный университет, Филологический факультет. – Махачкала, 2014. – Вып. 10. – С.155-158.

31. Алиханова, Л. Г. Особенности лексико-грамматического состава аварских паремиологических единиц темпоральной семантики / Л. Г. Алиханова // Вестник Дагестанского государственного университета. – 2014. – Вып. 3. – С. 217-222.

32. Алиханова, Л. Г. Роль лексического состава в формировании фразеологических единиц темпоральной семантики в аварском языке / Л. Г. Алиханова // Вестник Дагестанского государственного университета. – 2015. – Вып. 3. – С. 117-123.
33. Алиханова, Л. Г. Морфологические особенности аварских пословиц и поговорок, актуализирующих концепты пространство и время / Л. Г. Алиханова // Актуальные проблемы изучения кавказских языков: материалы Международной научно-практической конференции, Махачкала, 1-31 января 2017 года / ответственный редактор Д. С. Самедов ; Дагестанский государственный университет. – Махачкала, 2017. – С. 8-13.
34. Алиханова, Л. Г. Морфолого-синтаксические особенности аварских паремиологических единиц, выражающих концепты время и пространство / Л. Г. Алиханова // Вопросы русского и кавказского языкознания. – 2017. – Вып. 7. – С. 68-73.
35. Алиханова, Л. Г. Особенности лексико-грамматического состава аварских паремиологических единиц пространственной семантики / Л. Г. Алиханова, М. Х. Гаджихмедова // Вестник Дагестанского государственного университета. – 2015. – Вып. 3. – С. 124-130.
36. Алиханова, Л. Г. Национально-культурные компоненты аварских паремиологических единиц с пространственной и временной семантикой / Л. Г. Алиханова, Д. С. Самедов // Изучение фольклора, литературы и языков Дагестана. Проблема жанра в филологии Дагестана: материалы XI Всероссийской научной конференции, Махачкала, 29 ноября 2016 года / ответственный редактор Ш. А. Мазанаев; Дагестанский государственный университет, Филологический факультет. – Махачкала, 2016. – Вып. 12. – С. 371-375.
37. Амирбекова, С.А. Особенности лексического состава фразеологических единиц со значением интенсивности (очень) в русском языке / С. А. Амирбекова // Русский язык в Дагестане: проблемы межкультурной коммуникации: материалы Всероссийской научно-

практической конференции, Махачкала, 11-12 декабря 2007 года.– Махачкала, 2007. – Вып. 1. – С.32-38.

38. Амирбекова, С. А. Фразеологические единицы со смысловым компонентом очень в русском и английском языках: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук : 10.02.20 / Амирбекова Сабина Амирбековна.– Махачкала, 2009. – 161 с.

39. Аникин, В.П. Русские народные пословицы, поговорки, загадки и детский фольклор: пособие для учителя : исследование и тексты / В. П. Аникин. – Москва : Учпедгиз, 1957. – 240 с.

40. Анохина, Ю. М. Способы выражения сравнений в языках с разной грамматической структурой : на материале русского и французского языков: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук : 10.02.19 / Анохина Юлия Михайловна. – Омск, 2008. – 18 с.

41. Апресян, Ю. Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания / Ю. Д.Апресян // Вопросы языкознания. – 1995. – № 1.– С. 348-385.

42. Артемова, А. В. Эмотивно-оценочная объективация концепта женщина в семантике фразеологических единиц : на материале английской и русской фразеологии : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук : 10.02.20/ Артемова Анна Вячеславовна.– Пятигорск, 2000. – 16 с.

43. Арутюнова, Н. Д. Аномалии и язык: к проблеме языковой картины мира / Н. Д. Арутюнова // Вопросы языкознания. – 1987. – № 3. – С. 3-20.

44. Арутюнова, Н. Д. Образ (Опыт концептуального анализа) / Н. Д. Арутюнова // Референция и проблемы текстообразования : сборник научных трудов / ответственный редактор Н. Д. Арутюнова; Российская академия наук, Институт языкознания. – Москва : Наука, 1988. – С.117-129

45. Арутюнова, Н. Д. Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. – Москва : Языки русской культуры, 1998. – 896 с.

46. Арутюнова, Н. Д. Введение / Н. Д. Арутюнова // Логический анализ языка. Образ человека в культуре и языке : сборник статей / ответственные редакторы Н. Д.Арутюнова, И. Б. Левонтина; Российская академия наук, Институт языкознания. – Москва : Индрик, 1999. – С.3-10.
47. Ахлаков, А. А. Предисловие / А. А. Ахлаков // Героические песни и баллады аварцев: тексты, переводы, комментарии / составитель А. А. Ахлаков ; под редакцией Г. Г. Гамзатова. – Махачкала : Изд-во ИЯЛИ, 2003. – С. 5-12. – На авар.яз.
48. Аюпова, Р. А. Семантическое поле любовь в русской и английской фразеологии / Р. А. Аюпова // История языкознания, литературоведения и журналистики как основа современного филологического знания: материалы Международной научной конференции, Ростов-на-Дону, Адлер, 6-12 сентября 2003 года / ответственный редактор Т. А. Волошина. – Ростов-на-Дону : РГУ, 2003. – Вып. 1. – С. 76-77.
49. Бабаева, Е. В. Социальные нормы и их роль в формировании языковой картины мира / Е. В. Бабаева// Этнолингвистика: теория, проблемы и методы: межвузовский сборник научных трудов / ответственный редактор А. М. Молодкин; Саратовская государственная академия права. – Саратов, 2003. – С. 59-64.
50. Бабаева, Л. В. Имена собственные в пословицах и поговорках / Л. В. Бабаева // Ономастика Поволжья: материалы III конференции по ономастике Поволжья, Уфа, 1 января 1973 г. / Академия наук СССР, Башкирский филиал. – Уфа, 1973. – Вып. 3.– С.402-406.
51. Бабушкин, А. П. Типы концептов в лексико-фразеологической системе языка / А. П. Бабушкин. – Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 1996. – 104 с.
52. Базиева, З. М. Растительный код культуры в агульской языковой картинке мира / З. М. Базиева // Изучение фольклора, литературы и языков Дагестана. Проблема жанра в филологии Дагестана: материалы XI Всероссийской научной конференции, Махачкала, 29 ноября 2016 года /ответственный редактор Ш. А. Мазанаев ; Дагестанский государственный

- университет, Филологический факультет. – Махачкала, 2016. – Вып. 12. – С. 263-267.
53. Бакина, М.А. Фразеологизмы в поэзии / М. А. Бакина // Русская речь. – 1980. – № 2. – С.30-34.
54. Балыкова, Г.Ф. Этнокультурная обусловленность процессов формирования и функционирования фразеологических единиц / Г. Ф. Балыкова // История языкознания, литературоведения и журналистики как основа современного филологического знания: материалы Международной научной конференции, Ростов-на-Дону, Адлер, 6-12 сентября 2003 года / ответственный редактор Т. А. Волошина.– Ростов-на-Дону : РГУ, 2003. – Вып. 2. – С. 77-78.
55. Баранов, А. Н. Против «Разложения смысла»: узнавание в семантике идиом / А. Н. Баранов // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: по материалам ежегодной Международной конференции «Диалог», Бекасово, 4-8 июня 2008 года / главный редактор А. Е. Кибрик ; Институт проблем информатики РАН. – Москва, 2008. – Вып. 7 (14). – С. 39-45.
56. Баранов, А. Н. Основы фразеологии: краткий курс: учебное пособие / А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский. – Москва: ФЛИНТА : Наука, 2013. – 308 с.
57. Барли, Н. Структурный подход к пословице и максиме / Н. Барли // Паремнологические исследования : сборник статей / составитель Г. Л. Пермякова. – Москва : Наука, 1984. – С. 127-148.
58. Березович, Е. Л. Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте / Е. Л. Березович. – Екатеринбург : Урал. ун-т, 2000. – 529 с.
59. Бижева, З.Х. Человек в адыгской языковой картине мира / З. Х. Бижева // Языкознание в Дагестане : лингвистический ежегодник / ответственный редактор А. Г. Гюльмагомедов. – Махачкала: ДНЦ РАН., 1998. – № 2.
60. Бижева, З. Х. Культурные концепты в адыгской языковой картине мира : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора

- филологических наук : 10.02.09, 10.02.19 / Бижева Зара Хаджимуратовна. – Махачкала, 1999. – 38 с.
61. Бижева, З. Х. Адыгская языковая картина мира / З. Х. Бижева. – Нальчик: Эльбрус, 2000.– 124 с.
62. Бижева, З. Х. Язык и культура: учебное пособие к спецкурсу / З. Х. Бижева; Министерство образования РФ, Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х. М. Бербекова. – Нальчик: Эльбрус, 2000. – 128 с.
63. Бокарев, А. А. Синтаксис аварского языка / А. А. Бокарев. – Москва; Ленинград : АН СССР, 1949. – 277 с.
64. Болдырев, Н. Н. О типологии знаний и их репрезентации в языке / Н. Н. Болдырев // Типы знаний и их репрезентация в языке : сборник научных трудов / ответственный редактор Н. Н. Болдырев. – Тамбов: ТГУ, 2007. – С. 12-28.
65. Болдырев, Н. Н. Интерпретация мира и знаний о мире в языке / Н. Н. Болдырев // Когнитивные исследования языка. – 2014. – Вып. 19. – С. 39-45.
66. Болдырев, Н. Н. Антропоцентрическая сущность языка в его функциях, единицах и категориях / Н. Н. Болдырев // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2015. – № 1. – С. 5-12.
67. Бондаренко, В. П. Варьирование устойчивых фраз в русской речи: учебное пособие по спецкурсу / В. Т. Бондаренко. – Тула: ТГУ, 1995.– 151 с.
68. Брагина, А. А. Ваш менталитет и наш менталитет / А. А. Брагина // Вестник Московского государственного университета. Сер. 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 1999. – № 4. – С. 33-37.
69. Булыгина, Т. В. Человек о языке : метаязыковая рефлексия в нелингвистических текстах / Т. В. Булыгина, А. Д. Шмелев // Логический анализ языка. Образ человека в культуре и языке: сборник статей / ответственные редакторы Н. Д. Арутюнова, И. Б. Левонтина; Российская академия наук, Институт языкознания. – Москва : Индрик, 1999. – С. 146-161.

70. Буржумова, К. Э. К вопросу о гендерном аспекте изучения лезгинских паремиологических единиц в вузе : фрагменты образа мужчины / К. Э. Буржумова// Гуманитарные науки: новые технологии: материалы XVI Региональной научно-практической конференции, Махачкала, 19-20 мая 2011 г.)– Махачкала : ДГУ, 2011.
71. Валиева, Т. С. Лингвокультурные типажи пожилой человек в языковом сознании русских и осетин: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук : 10.02.19 / Валиева Тамара Сергеевна. – Нальчик, 2011. – 23 с.
72. Вежбицкая, А. Язык. Культура. Познание: перевод с английского / А. Вежбицкая; ответственный редактор и составитель М. А. Кронгауз. – Москва : Русское слово, 1996. – 411 с.
73. Вежбицкая, А. Понимание культур через средство ключевых слов / А. Вежбицкая; перевод с английского А. Д. Шмелева. – Москва: Языки славянской культуры, 2001. – 288с.
74. Велецкая, Н. Н. Языческая символика славянских архаических ритуалов / Н. Н. Велецкая. – Москва: Наука, 1978. – 237 с.
75. Верещагин, Е. М. Лингвострановедческая теория слова / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. – Москва: Русский язык, 1980. – 320 с.
76. Верещагин, Е.М. Национально-культурная семантика русских фразеологизмов / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров // Словари и лингвострановедение: сборник статей / под редакцией Е. М. Верещагина. – Москва : Русский язык, 1982. – С.89-98.
77. Виноградов, В.В. Основные понятия русской фразеологии как лингвистической дисциплины / В. В. Виноградов // Виноградов В. В. Избранные труды. Лексикология и лексикография. – Москва: Наука, 1977. – С. 118-139
78. Волошина, К. С. Фразеологизм как средство концептуализации понятия гендер : на материале английского и русского языков: автореферат

- диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук : 10.02.19/ Волошина Карина Сергеевна. – Нальчик, 2010. – 26 с.
79. Воркачев, С. Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропийцентрической парадигмы в языкознании / С. Г. Воркачев // Филологические науки. – 2001. – № 1. – С.64-72.
80. Воробьев, В. В. Лингвокультурология: монография / В. В. Воробьев. – Москва: РУДН, 2008. – 336 с.
81. Воробьев, В. В. Люди и животные. Цикл занятий по прикладной лингвокультурологии / В. В. Воробьев, В. В. Дронов, Г. В. Хруслов // Язык за рубежом. – 2007. – № 5. – С. 4-25.
82. Воркачев, С. Г. Лингвокультурный концепт: типология и области бытования [Текст] : [монография] / ВолГУ; под общ. ред. проф. С. Г. Воркачева. – Волгоград: ВолГУ, 2007. – 400 с.
83. Ворокова, Н. У. Фразеологизмы, выражающие эмоциональное состояние человека в аспекте этносемантики / Н. У. Ворокова. – 31 с. – Деп. в ИНИОН РАН 9.07.2001 № 56610.
84. Ворокова, Н. У. Национально-культурная коннотация семантики идиом : на материале русского и кабардино-черкесского языков / Н. У. Ворокова // Человек в зеркале языка. Вопросы теории и практики : сборник к 60-летию доктора филологических наук А. П. Юдакина / ответственный редактор И. А. Стернин; Российская академия наук, Институт языкознания.– Москва : Фабула, 2002. – С. 463-479.
85. Ворокова, Н. У. Идиоматика в историко-типологическом освещении / Н. У. Ворокова // Дагестанский лингвистический сборник / ответственный редактор М. Е. Алексеев; Российская академия наук, Институт языкознания. – Москва, 2003. – Вып. 11. – С. 14-27.
86. Ворокова, Н. У. Национальная культура в идиоматике / Н. У. Ворокова. – Нальчик: Полиграф-сервис и Т, 2003. – 140 с.
87. Ворокова, Н. У. Этнокультурная специфика идиоматики : на материале русского и кабардино-черкесского языков: автореферат диссертации на

соискание ученой степени доктора филологических наук : 10.02.20 / Ворокова Надежда Умаровна. – Москва, 2003. – 35 с.

88. Габибуллаева, П. М. Фразеологические единицы в сирхинском диалекте даргинского языка: диссертация на соискание учёной степени кандидата филологических наук : 10.02.02/ Габибуллаева Патимат Магомедовна. – Махачкала, 2011. – 153 с.

89. Гаджиалиева, М. Г. Прототипические ситуации в зложеланиях даргинского языка / М. Г. Гаджиалиева, А. Х. Рамазанова // Вестник Дагестанского государственного университета. – 2013. – Вып.3. – С. 181-185.

90. Гаджихмедов, Н. Э. Сопоставительный анализ русского и кумыкского менталитетов в полилингвокультурной ситуации Дагестана / Н. Э. Гаджихмедов // Семантика языковых единиц разных уровней : сборник научных трудов / под общей редакцией П. А. Магомедова. – Махачкала : ДГУ, 2004. – Вып. 9.

91. Гаджихмедов, Н. Э. Языковая интерпретация кумыкской и русской ментальности / Н. Э. Гаджихмедов // Вопросы лингвокультурологии и этноментальности. – 2006. – Вып.1.

92. Гаджихмедов, Н. Э. Язык как индикатор этнического менталитета : на материале русского и кумыкского языков / Н. Э. Гаджихмедов // Вестник Дагестанского государственного университета. – 2012. – Вып. 3. – С. 57-61.

93. Гаджиева, С. Г. Лексико-семантические особенности адъективных компаративных фразеологических единиц лакского языка / С. Г. Гаджиева // Вопросы общей и дагестанской фразеологии: межвузовский научно-тематический сборник / ответственный редактор А. Г. Гюльмагомедов. – Махачкала: ДГУ, 1984. – С.120-128.

94. Гаджиева, С. Г. К вопросу о совпадении корпоративных фразеологических единиц в языках различных типологий / С. Г. Гаджиева // Материалы V Межвузовской научно-практической конференции по методике обучения иностранным языкам, Махачкала, 5; 1987 года: тезисы докладов / Дагестанское республиканское межвузовское методобъединение

преподавателей иностранных языков. – Махачкала : Дагучпедгиз, 1987. – С.25-27.

95. Гаджиева, С. Г. Сопоставительный анализ компаративных ФЕ дагестанских и немецкого языков / С.Г.Гаджиева // Общая и дагестанская фразеология: исследования и материалы: межвузовский научно-тематический сборник / ответственный редактор А.Г.Гюльмагомедов. – Махачкала: ДГУ, 1990.

96. Гаджиева, С. Г. Структурно-семантические особенности компаративных фразеологических единиц лакского языка: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук : 10.02.09/ Гаджиева Сияли Гаджиевна. – Махачкала, 1995. – 24 с.

97. Гаджиева, С. Г. Компаративная фразеология лакского языка / С. Г. Гаджиева. – Махачкала : Дагестанское учебно-педагогическое издательство, 2001. – 120 с.

98. Гаджиева, С. Г. Образное сравнение как ключ к разгадке национального сознания :на материале лакского языка / С. Г. Гаджиева // Вестник Дагестанского государственного университета. – 2005. – Вып. 6. – С. 119-129.

99. Гаджиметова, М. Х. Номинации с соматическим кодом культуры в воровском жаргоне / М. Х. Гаджиметова, Д. С. Самедов // Вестник Дагестанского государственного университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. – 2019. – Т.33, вып.1.– С. 81-86.

100. Гайдарова, З. Т. Антропоцентризм в идиоматической картине мира лезгинского, русского, английского и немецкого языков: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук : 10.02.20 / Гайдарова Зайнаб Тагировна. – Махачкала, 2010. – 29 с.

101. Гак, В. Г. Человек в языке / В. Г. Гак // Логический анализ языка. Образ человека в языке и культуре: сборник статей / ответственные редакторы Н. Д. Арутюнова, И. Б. Левонтина; Российская академия наук, Институт языкознания. – Москва: Индрик, 1999.

102. Ганиева, А. М. Пословицы и поговорки лезгин (исследование и тексты) / А. М. Ганиева; ответственные редакторы А. Г. Гюльмагомедов, А. М. Аджиев. – Махачкала: ДНЦ РАН, 2010. – 128 с.
103. Гасанов, М. М. Дагестанские народные пословицы, поговорки, загадки / М. М. Гасанов. – Махачкала: Дагучпедгиз, 1971. – 78 с.
104. Гасанова, М. А. Особенности формирования паремиологических образов с зооморфным кодом культуры в табасаранском языке / М. А. Гасанова // Известия Дагестанского педагогического университета. Общественные и гуманитарные дисциплины. – 2011. – № 4.
105. Гасанова, М. А. Волк и собака в табасаранской паремиологической картинке мира / М. А. Гасанова // Вестник Дагестанского государственного университета. – 2012а. – Вып. 3. – С. 54-56.
106. Гасанова, М. А. Концепт родина в русских и табасаранских пословицах и поговорках / М. А. Гасанова // Вопросы русского и сопоставительного языкознания: сборник статей / Дагестанский государственный университет. – Махачкала, 2012b. – Вып. 6. – С. 142-145.
107. Гасанова, М. А. Лингвокультурологический анализ названий терминов родства в русском и табасаранском языках / М. А. Гасанова // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2012с. – № 3. – С. 133-139.
108. Гасанова, М. А. Место гендера в табасаранских паремиологических единицах / М. А. Гасанова // Язык. Словесность. Культура. – 2012d. – № 2-3. – С. 17-26.
109. Гасанова, М. А. Символика чисел в табасаранско паремиологической картине мира / М. А. Гасанова // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 2: Филология и искусствоведение. – 2012е. – Вып. 2. – С. 183-188.
110. Гасанова, М. А. Концепт труд в табасаранской языковой картине мира / М. А. Гасанова // Вестник Дагестанского государственного университета. – 2013. – Вып. 3. – С. 193-199.

111. Гасанова, М.А. Паремииологическая картина мира табасаранского языка / М. А. Гасанова // Словарь табасаранских пословиц и поговорок / М. А. Гасанова. – Махачкала: ДГУ, 2014.
112. Гасанова, М.А. Табасаранские пословицы и поговорки: лингвистический и лингвокультурологический аспекты: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук : 10.02.02 / Гасанова Марина Аюбовна. – Махачкала, 2015. – 58 с.
113. Гасанова, М. А. Числовой код культуры в дагестанской языковой картине мира: история вопроса и перспективы исследования / М. А. Гасанова // Изучение фольклора, литературы и языков Дагестана. Проблема жанра в филологии Дагестана: материалы XI Всероссийской конференции, Махачкала, 29 ноября 2016 года / ответственный редактор Ш. А. Мазанаев ; Дагестанский государственный университет, Филологический факультет. – Махачкала, 2016. – Вып. 12. – С. 277-283.
114. Гасанова, М. А. Телесный код культуры в дагестанской паремииологической картине мира / М. А. Гасанова, Д. С. Самедов. – Махачкала: АЛЕФ, 2020. – 204 с.
115. Гасанова, М. А. Цахурские пословицы и поговорки / М. А. Гасанова, К. З. Омаханова; ответственный редактор Д. С. Самедов. – Махачкала, 2018.
116. Гасанова, С. Н. Сравнительный анализ соматических фразеологических единиц восточнолезгинских языков: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук : 10.02.09/ Гасанова Салминат Нурадиновна. – Махачкала, 1992. – 16с.
117. Гасанова, С. Н. Сравнительный анализ соматических фразеологических единиц восточно-кавказских языков / С. Н. Гасанова. – Махачкала: ДНЦ РАН, 2000. – 115 с.
118. Гасанова, С. Н. Лингвокультурологический анализ концепта мужчина – женщина в агульском языке (на материале пословиц и поговорок) / С. Н. Гасанова // Вопросы языков и фольклора малочисленных народов Дагестана.– Махачкала, 2004.– Вып. 2.

119. Гасанова, С. Н. Культурно-маркированные компоненты в составе устойчивых словосочетаний агульского языка / С. Н. Гасанова // Вестник Дагестанского государственного университета. – 2011. – Вып.3. – С. 109-112.
120. Гасанова, С. Н. Фразеологический фрагмент семантического поля «темпоральность» в агульском языке / С. Н. Гасанова // Изучение фольклора, литературы и языков Дагестана. Проблема жанра в филологии Дагестана: материалы XI Всероссийской конференции, Махачкала, 29 ноября 2016 года / ответственный редактор Ш. А. Мазанаев ; Дагестанский государственный университет, Филологический факультет. – Махачкала, 2016. – Вып. 12. – С. 283-287.
121. Гасанова, У. У. Язык фольклора как выразитель культуры этноса / У. У. Гасанова // Известия Чеченского государственного педагогического университета. Сер. 1: Гуманитарные и общественные науки. – 2017. – Т.16, № 3(19). – С.30-34.
122. Гасанова, Ф. Д. Пословицы и поговорки лезгин в сравнении с паремиями азербайджанцев: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук : 10.01.09/ Гасанова Фейза Даштиевна. – Махачкала, 2006. – 24 с.
123. Гвоздарев, Ю. А. Слова-символы в русской фразеологии / Ю. А. Гвоздарев // Проблемы лексики и фразеологии : сборник научных работ. – Ленинград, 1975. – С. 37-44.
124. Гвоздарев, Ю. А. Пригоршня жемчужин: пословицы и поговорки Северного Кавказа / Ю. А. Гвоздарев. – Ростов-на-Дону: Рост.ун-т, 1988. – 160 с.
125. Гвоздарев, Ю. А. Проблема взаимоотношения языка, нации и культуры народа / Ю. А. Гвоздарев // Гуманитарные науки на границе тысячелетий. – Краснодар, 1998. – Ч. 3. – С. 34-41.
126. Геляева, А. И. Человек в языковой картине мира / А. И. Геляева. – Нальчик: КБГУ, 2002. – 177 с.

127. Георгиева, С. Познание культуры через фразеологию / С. Георгиева // Слово. Фраза. Текст : сборник научных статей к 60-летию проф. М. А. Алексеенко. – Москва: Азбуковник, 2002. – С. 108-115.
128. Гудков, Д. Б. Телесный код русской культуры: материалы к словарю / Д. Б. Гудков, М. Л. Ковшова. – Москва: Гнозис, 2007. – 288с.
129. Гура, А. В. Символика животных в славянской народной традиции / А. В. Гура. – Москва: Индрик, 1997. – 910 с.
130. Гюлумянц, К. М. Фольклорные элементы во фразеологии современных славянских языков / К. М. Гюлумянц. – Минск: БГУ, 1978. – 27 с.
131. Гюльмагомедов, А. Г. О наших пословицах и поговорках: научная беседа и материалы / А. Г. Гюльмагомедов. – Махачкала: Дагучпедгиз, 1974. – На лезг. яз.
132. Гюльмагомедов, А. Г. Основы фразеологии лезгинского языка / А. Г. Гюльмагомедов. – Махачкала: Даг. гос. ун-т, 1978. – 128 с.
133. Гюльмагомедов, А. Г. Некоторые итоги и очередные задачи исследования фразеологии языков Дагестана / А. Г. Гюльмагомедов // Вопросы общей и дагестанской фразеологии: межвузовский научно-тематический сборник / ответственный редактор А. Г. Гюльмагомедов. – Махачкала: ДГУ, 1984.
134. Гюльмагомедов, А. Г. Фразеология лезгинского языка / А. Г. Гюльмагомедов. – Махачкала : Дагучпедгиз, 1990. – 98 с.
135. Гюльмагомедов, А. Г. Женщина в лезгинском языке. Опыт составления словаря концепта женщина / А. Г. Гюльмагомедов, Р. Ш. Магамдаров. – Махачкала, 1999. – 110 с.
136. Даль, В. И. Пословицы русского народа / В. И. Даль. – Москва: Художественная литература, 1957. – 991 с.
137. Даль, В. И. Пословицы русского народа : сборник : в 2 томах / В. И. Даль. – Москва : Художественная литература, 1984.
138. Даль, В. И. О поверьях, суевериях и предрассудках русского народа / В. И. Даль. – Москва: Аргументы недели, 2016. – 207 с.

139. Даргинские народные поговорки и пословицы / составители И. Омаров, М. Гамидов. – Махачкала : Дагучпедгиз, 1991. – 208 с.
140. Даутова, Ф. И. Соматизм голова и его значения в кумыкском и русском языках / Ф. И. Даутова // Тюркологический вестник. – 2012. – Вып. 3. – С. 59-62.
141. Даутова, Ф. И. Многокомпонентные глагольные фразеологизмы в кумыкском языке / Ф. И. Даутова // Тюркологический вестник. – 2012. – Вып. 3. – С. 14-19.
142. Даутова, Ф. И. Фразеологизмы со значением предмета в разноструктурных языках / Ф. И. Даутова // Проблемы семантики языков разных систем: сборник статей. – Махачкала, 2012. – Вып. 2. – С. 138-143.
143. Даутова, Ф. И. Особенности фразеологизмов в кумыкском и русском языках / Ф. И. Даутова // Вопросы тюркологии. – 2013. – Вып. 9. – С.33-39.
144. Даутова, Ф. И. Фразеологические единицы со значением признака в кумыкском языке в сопоставлении с русским / Ф. И. Даутова // Вопросы тюркологии. – 2013. – Вып. 9. – С.30-33.
145. Даутова, Ф. И. Структурно-грамматическая характеристика субстантивных фразеологизмов с компонентом баш/голова в кумыкском и русском языках / Ф. И. Даутова // Современные проблемы науки и образования. – 2014. – № 1. – URL: www.science-education.ru/115-11861 (дата обращения: 14.11.2017).
146. Даутова, Ф. И. Фразеологические единицы с компонентами баш и голова в кумыкском и русском языках: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук : 10.02.20 / Даутова Фариды Ильдусовна. – Махачкала, 2014. – 21 с.
147. Даутова, Ф. И. Фразеологические единицы с компонентом баш/голова, выражающие интеллектуальные способности человека, в кумыкском и русском языках / Ф. И. Даутова // Фундаментальные исследования. – 2014. – № 3 (4). – С.886-890.

148. Даутова, Ф. И. Кумыкская фразеология: современное состояние и перспективы развития / Ф. И. Даутова, Н. Э. Гаджихмедов // Современные проблемы науки и образования. – 2014.– № 3. – URL: www.science-education.ru/116-12544 (дата обращения: 17.10.2018).
149. Джамалов, К. Э. Случаи фразеологической интерференции в русской речи рутульцев / К. Э. Джамалов // Общая и дагестанская фразеология: исследования и материалы: межвузовский научно-тематический сборник / ответственный редактор А. Г. Гюльмагомедов. – Махачкала: ДГУ, 1990.
150. Джунусов, М. С. О мере своеобразия национальных культур / М. С. Джунусов // Социологические исследования. – 2002. – № 5. – С.125-128.
151. Дзуганова, Л. М. Философская и лингвокультурная характеристика концепта душа: универсальное и национально-специфическое / Л. М. Дзуганова // Культурная жизнь Юга России. – 2007. – №2. – С. 73-76.
152. Дзуганова, Л. М. Языковая концептуализация души : на материале английского, русского и кабардино-черкесского языков: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук : 10.02.19/ Дзуганова Лилия Мухамедовна. – Нальчик, 2007. – 24 с.
153. Дзусова, Б. Т. Роль этнокультурной лексики в формировании этноспецифики языкового сознания / Б. Т. Дзусова// История языкознания, литературоведения и журналистики как основа современного филологического знания: материалы Международной научной конференции, Ростов-на-Дону; Адлер, 6-12 сентября 2003 года / ответственный редактор Т. А. Волошина. – Ростов-на-Дону : РГУ, 2003. – Вып. 2. – С. 82-83.
154. Дзусова, Б. Т. Роль этнокультуроведческой лексики в формировании этноспецифики языкового сознания / Б. Т. Дзусова // История языкознания, литературоведения и журналистики как основа современного филологического знания: материалы Международной научной конференции, Ростов-на-Дону, Адлер, 6-12 сентября 2003 года / ответственный редактор Т. А. Волошина. – Ростов-на-Дону : РГУ, 2003. – Вып. 2.

155. Дибирова, А. С. Метафорическая фразеология аварского языка в сопоставлении с английской: автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата филологических наук: 10.0220/ Дибирова Аминат Сайбулаевна. – Махачкала, 2006. – 22 с.
156. Дмитровская, М. А. Знание и мнение: образ мира, образ человека / М. А. Дмитровская // Логический анализ языка : знание и мнение : сборник статей / ответственный редактор Н. Д. Арутюнова. – Москва: АН СССР, 1988. – С. 6-18.
157. Добровольский, Д. О. Национально-культурная специфика во фразеологии / Д. О. Добровольский // Вопросы фразеологии. – 1977. – № 6. – С.37-48.
158. Добровольский, Д. О. Образная составляющая в семантике идиом / Д. О. Добровольский // Вопросы языкознания. – 1996.– № 1. – С.71-93.
159. Довлеткиреева, Л. М. Гендерный аспект чеченских пословиц / Л. М. Довлеткиреева// Вестник Чеченского государственного университета. Сер.: Филологические науки. – 2015. – № 4 (20). – С.141-146.
160. Довлетмурзаева, У. Д. К вопросу о глагольной фазовости в аварском и русском языках /У. Д. Довлетмурзаева// Контенсивная типология естественных языков: материалы Международной научно-практической конференции, Махачкала, 26-27 апреля 2007 года / ответственный редактор П. А. Магомедова.– Махачкала : ДГУ, 2007. – С. 74-75.
161. Довлетмурзаева, У. Д. Концепт байбихьи (начало) в аварской языковой картине мира / У. Д. Довлетмурзаева // Вестник Дагестанского научного центра. – 2010. – № 38. – С.95-100.
162. Довлетмурзаева, У. Д. О концепте конец в аварской языковой картине мира / У. Д. Довлетмурзаева// Интеллектуальный потенциал XXI века: ступени познания: материалы II Международной научно-практической конференции,Новосибирск, 8 июля 2010 года / под общей редакцией С. С. Чернова ; Новосибирский государственный технический университет. – Новосибирск, 2010. – С. 231-234.

163. Довлетмурзаева, У. Д. Ареал фразеологических единиц аварского языка в рамках концепта ахир (конец) / У. Д. Довлетмурзаева // Вопросы кавказского языкознания и тюркологии: сборник статей / главный редактор М. Р. Багомедов.– Махачкала : ДГУ, 2011. – Вып. 3. – С.81-91.
164. Довлетмурзаева, У. Д. Концепты начало и конец в аварской языковой картине мира: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук : 10.02.02/ Довлетмурзаева Умият Дабиевна. – Махачкала, 2011. – 24 с.
165. Емельянов, Ю. Н. Введение в культурантропологию: учебное пособие / Ю. Н. Емельянов. – Санкт-Петербург: Изд-во СПбГУ, 1992. – 63 с.
166. Ершова-Белицкая, Л. Ф. Пословицы и поговорки в их отношении к фразеологии русского языка / Л. Ф. Ершова-Белицкая // Вопросы изучения русского языка: сборник статей / ответственный редактор Г. Чередниченко. – Краснодар: Краснодар. пед. ин-т, 1968. – С. 175-184.
167. Жакупова, А. Д. Роль внутренней формы слова в формировании языковой картины мира (сопоставительно-мотивологический аспект) /А. Д. Жакупова // История языкознания, литературоведения и журналистики как основа современного филологического знания: материалы Международной научной конференции, Ростов-на-Дону; Адлер, 6-12 сентября 2003 года / ответственный редактор Т. А. Волошина. – Ростов-на-Дону : РГУ, 2003.
168. Жуков, В. П. Русская фразеология: учебное пособие для вузов / В. П. Жуков. – Москва: Высшая школа, 1986. – 310 с.
169. Загирова, Л. З. Семантика и структура фразеологических единиц табасаранского языка: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук: 10.02.02 / Загирова Луиза Загировна. – Махачкала, 2004. – 28 с.
170. Закирьянов, К. З. Отражение языковой картины мира как производные национальных менталитетов / К. З. Закирьянов. – Москва, 2003.

171. Зализняк, А. А. Ключевые слова русской языковой картины мира / А. А. Зализняк, И. Б. Левонтина, А. Д. Шмелев. – Москва: Языки славянской культуры, 2005. – 544 с.
172. Залова, И. М. Сопоставительный анализ варьирования пословиц и поговорок в лезгинском и немецком языках: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук : 10.02.20/ Залова Индира Мирземагомедовна. – Махачкала, 2009. – 23 с.
173. Земская, Е. А. Особенности мужской и женской речи / Е. А. Земская, М. В. Китайгородская, Н. Н. Розанова // Русский язык в его функционировании: коммуникативно-прагматический аспект / Т. Г. Винокур [и др.]. – Москва: Наука, 1993. – С. 90-136.
174. Ибрагимова, Э. Р. Синонимия в области фразеологии русского и табасаранского языков / Э. Р. Ибрагимова // Вопросы русского и сопоставительного языкознания: сборник статей / Дагестанский государственный университет. – Махачкала, 2010. – Вып. 4.
175. Иванова, Е. М. Пословичная концептуализация мира: на материале английских и русских пословиц: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук : 10.02.04, 10.02.20/ Иванова Елизавета Васильевна. – Санкт-Петербург, 2003. – 44 с.
176. Идрисова, Н. П. Фразеологические единицы качественной характеристики человека в разносистемных языках / Н. П. Идрисова, Д. С. Самедов. – Махачкала: Радуга, 2010. – 146 с.
177. Идрисова, Н. П. Фразеологические единицы со значением качественной характеристики человека в аварском и английском языках: диссертация на соискание учёной степени кандидата филологических наук : 10.02.20/ Идрисова Нурсият Пайзудиновна. – Махачкала, 2007. – 157 с.
178. Исаев, М.-Ш. А. Зооним бецI(волк) как компонент структуры ФЕ даргинского языка / М.-Ш. А. Исаев // Отраслевая лексика дагестанских языков: названия животных и птиц : тематический сборник / составитель П. Т. Магомедова. – Махачкала: Даг. фил. АН СССР, 1988. – С. 59-67.

179. Исаев, М.-Ш. А. Структура и семантика метафорических фразеологизмов даргинского языка / М.-Ш. А. Исаев // Исследования по общей и дагестанской фразеологии: межвузовский тематический сборник научных статей / ответственный редактор А. Г. Гюльмагомедов. – Махачкала: ИПЦ ДГУ, 1989. – С. 134-139.
180. Исаев, М.-Ш. А. Национально-культурная специфика семантики лексики и фразеологии даргинского языка (в сопоставлении с русским языком) / М.-Ш. А. Исаев // Русский язык и языки народов Дагестана. Социолингвистика и типология: сборник статей / составитель П. Б. Мадиева. – Махачкала: ДНЦ АН СССР, 1991. – С. 173-175.
181. Исаев, М.-Ш. А. Структурная организация и семантика фразеологических единиц даргинского языка: диссертация на соискание учёной степени доктора филологических наук : 10.02.09 / Исаев Магомед-Шапи Алиханович. – Махачкала, 1996. – 323 с.
182. Исаев, М.-Ш. А. Фразеологизмы, основанные на алогизме внеязыковой действительности (на материале дагестанских языков) / М.-Ш. А. Исаев, М. Д. Самедов // Вопросы языков и фольклора малочисленных народов Дагестана. – 2004. – Вып. 2. – С. 67-73.
183. Исаев, Н. Г. Сопоставительный анализ семантики соматизмов в русском и цахурском языках / Н. Г. Исаев // Семантика языковых единиц разных уровней: материалы Международной научной конференции, посвященной 65-летию ДГУ, Махачкала, 1-31 января 1996 года / ответственный редактор Н. Ф. Вердиева. – Махачкала : ДГУ, 1996. – Вып. 1. – С.24.
184. Исаева, Э. М. Концепт любовь в аварской языковой картине мира / Э. М. Исаева // Вестник Дагестанского государственного университета. – 2015. – Вып. 3. – С. 70-76.
185. Исаева, Э. М. Языковая личность в аварских, русских и английских паремиологических единицах с концептом любовь / Э. М. Исаева // Успехи современной науки и образования. – 2017. – Т. 1, №6. – С.155-161.

186. Исаева, Э.М. Вербализация концепта «Любовь к противоположному полу» в паремиологических единицах : на материале аварского, русского и английского языков: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук : 10.02.20/ Исаева Эльвира Магомедовна. – Махачкала, 2019. – 22 с.
187. Кадачиева, Х. М. Категориальные и концептуальные возможности описания эмоциональных концептов / Х. М. Кадачиева // Вестник Дагестанского государственного университета. – 2011. – Вып.3.– С.106-109.
188. Казакевич, О. А. Между гневом и страхом (Человек и его эмоции в фольклоре северных селькупов) / О. А. Казакевич // Логический анализ языка. Образ человека в культуре и языке / ответственные редакторы Н. Д. Арутюнова, И. Б. Левонтина. – Москва: Индрик, 1999. – С. 272-280.
189. Казанов, Х. М. Национальный характер как фактор исторического прогресса / Х. М. Казанов // Философия. Социология. Культурология. – 1996. – № 4. – С. 17-34.
190. Казимагомедова, Ж. Д. К вопросу о семантизации, вариантности и синонимии фразеологизмов в разносистемных языках / Ж. Д. Казимагомедова // Кавказский лингвистический журнал. – 2010. – №3-4. – С. 38-41.
191. Казимагомедова, Ж. Д. Основные и общие свойства фразеологических единиц табасаранского, английского и французского языков / Ж. Д. Казимагомедова // Кавказский лингвистический журнал. – 2010. – № 3-4. – С. 56-60.
192. Казимагомедова, Ж. Д. Лингвокультурологический анализ соматизмов во фразеологических и паремиологических единицах табасаранского языка / Ж. Д. Казимагомедова// Изучение фольклора, литературы и языков Дагестана. Проблема жанра в филологии Дагестана: материалы VI Международной научной конференции, Махачкала, 1-31 января 2011 года / ответственный редактор Ш. А. Мазанаев ; Дагестанский государственный

университет, Филологический факультет. – Махачкала, 2011. – Вып. 7. – С.233-239.

193. Казимагомедова, Ж. Д. Классификация фразеологических единиц с компонентом-соматизмом рука в табасаранском, английском и французском языках / Ж. Д. Казимагомедова // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Сер. Общественные и гуманитарные науки. – 2012. – Вып. 3. – С. 64-67.

194. Казимагомедова, Ж. Д. Идеографическая классификация фразеологических единиц с компонентом-соматизмом рука в табасаранском и французском языках / Ж. Д. Казимагомедова // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Сер.: Общественные и гуманитарные науки. – 2013а. – Вып. 1. – С. 46-50.

195. Казимагомедова, Ж. Д. Концепт рука в табасаранской, английской и французской языковых картинах мира / Ж. Д. Казимагомедова // Кавказский лингвистический журнал. – 2013b. – № 9-10. – С.25-29.

196. Казимагомедова, Ж. Д. Концепт рука в табасаранской языковой картине мира / Ж. Д. Казимагомедова, М. А. Гасанова // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2013с. – № 1(39). – С.251-255.

197. Казимагомедова, Ж. Д. Функциональная классификация глагольных фразеологических единиц табасаранского языка / Ж. Д. Казимагомедова // Кавказский лингвистический журнал. – 2013d. – № 9-10. – С. 30-34.

198. Казимагомедова, Ж. Д. К вопросу о системе изучения фразеологических единиц : на материале произведения К. Рамазанова "Тропы жизни" / Ж. Д. Казимагомедова // Проблемы теории и практики сохранения и развития родных языков в среде полилингвизма: материалы Международной научной конференции, Махачкала, 17 февраля 2014 года / научный редактор М. М. Хайбулаева ; Дагестанский государственный педагогический университет, Кафедра дагестанских языков. – Махачкала, 2014. – С.229-232.

199. Казимагомедова, Ж. Д. К вопросу об изучении особенностей табасаранских пословиц с компонентом-соматизмом рука / Ж. Д.

Казимагомедова // Проблемы теории и практики сохранения и развития родных языков в среде полилингвизма: материалы Международной научной конференции, Махачкала, 17 февраля 2014 года / научный редактор М. М. Хайбулаева ; Дагестанский государственный педагогический университет, Кафедра дагестанских языков. – Махачкала, 2014. – С.129-132.

200. Казимагомедова, Ж. Д. Семантические особенности фразеологических единиц с компонентом-соматизмом рука в табасаранском, английском и французском языках: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук : 10.02.20/ Казимагомедова Жанна Джамаловна. – Махачкала, 2014. – 27 с.

201. Казиханова, Х. М. К вопросу об особенностях формирования национально-специфических фразеологических образов в языках различных систем / Х. М. Казиханова// Изучение фольклора, литературы и языков Дагестана. Проблема жанра в филологии Дагестана: материалы Межвузовской научной конференции, Махачкала, 2008 года / ответственный редактор Ш. А. Мазанаев ; Дагестанский государственный университет, Филологический факультет. – Махачкала, 2008. – Вып. 4.

202. Каирова, Р. Б. Отражение категорий культуры в семантике идиом : на материале русского и английского языков: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук : 10.02.19/ Каирова Равида Борисовна. – Нальчик, 2009. – 25 с.

203. Каллаева, Д.А. Лингвокультурологический анализ лакских и английских паремий: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук : 10.02.20/ Каллаева Джанетта Алиевна. – Махачкала, 2011. – 24 с.

204. Каллаева, Д. А. Универсальное и идиоэтническое в лакских и английских паремиях / Д. А. Каллаева // Вестник Дагестанского государственного университета. – 2011. – Вып. 3. – С.117-120.

205. Караев, А. Г. Идиоматические выражения в цахурском языке: по данным говора с. Калял: автореферат диссертации на соискание учёной

степени кандидата филологических наук : 668 / Караев Абдулла Гаджи Вели оглы. – Баку, 1969. –19 с.

206. Карасик, В. И. Концепт как категория лингвокультурологии / В. И. Карасик // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Сер.: Филологические науки. – 2002. – № 1 (1). – С.14-41.

207. Кирилина, А. В. Гендер: лингвистические аспекты / А. В. Кирилина. – Москва: Ин-т социологии РАН, 1999. – 189 с.

208. Кирилина, А. В. Гендерные исследования в лингвистических дисциплинах /А. В. Кирилина // Гендер и язык / научный редактор и составитель А. В. Кирилина ; Московский государственный Лингвистический университет, Лаборатория гендерных исследований. – Москва: Языки славянской культуры, 2005.

209. Ковшова, М. Л. Культурно-национальная специфика фразеологических единиц (когнитивные аспекты): автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук: 10.02.19 / Ковшова Мария Львовна. – Москва, 1996. – 22 с.

210. Ковшова, М. Л. Лингвокультурологический метод во фразеологии: коды культуры / М. Л. Ковшова. – Москва: ЛЕНАНД, 2016. – 456 с.

211. Ковшова, М. Л. Лингвокультурологический анализ идиом, загадок, пословиц и поговорок: антропонимический код культуры / М. Л. Ковшова. – Москва: ЛЕНАНД, 2021. – 400 с.

212. Колесов, В. В. Концепт культуры: образ – понятие – символ / В. В. Колесов // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Сер. 2: История, языкознание, литературоведение. – 1992. – Вып. 3, № 16. – С.3-40.

213. Колшанский, Г. В. Объективная картина мира в познании и языке / Г. В. Колшанский; ответственный редактор А. М. Шахнарович. – Москва: Наука, 1990. – 107 с.

214. Кондратьева, Т. Н. Собственные имена в пословицах, поговорках и загадках русского народа / Т. Н. Кондратьева // Вопросы грамматики и

лексикологии русского языка : сборник статей / редактор М. Ф. Моисеенко. – Казань : Казан. ун-та, 1964. – С. 98-189.

215. Корнилов, О. А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов : монография / О. А. Корнилов. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва : ЧеРо, 2003. – 349 с.

216. Корнилов, О. А. Доминанты национальной ментальности в зеркале фразеологии / О. А. Корнилов // Вестник Московского государственного университета. Сер. 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2007. – № 2. – С. 53-66.

217. Крикманн, А. А. Некоторые аспекты семантической неопределенности пословицы / А. А. Крикманн // Паремиологический сборник: пословица, загадка: структура, смысл, текст / составитель, редактор и автор предисловия Г. Л. Пермякова. – Москва : Наука, 1978. – С. 82-104.

218. Крикманн, А. А. Опыт объяснения некоторых семантических механизмов пословицы / А. А. Крикманн // Паремиологические исследования : сборник статей / составитель Г. Л. Пермяков. – Москва: Наука, 1984. – С.149-178.

219. Кубрякова, Е. С. Обеспечение речевой деятельности и проблемы внутреннего лексикона / Е. С. Кубрякова // Человеческий фактор в языке. Язык и порождение речи / ответственный редактор Е. С. Кубрякова.– Москва : Наука, 1991. – С. 82-140.

220. Кубрякова, Е. С. Человеческий фактор в языке. Язык и порождение речи / Е. С. Кубрякова, А. М. Шахнарович, Л. В. Сахарный; ответственный редактор Е. С. Кубрякова. – Москва: Наука, 1991. – 239 с.

221. Кузнецова, И. В. Отражение культурно-значимых реалий в славянских устойчивых сравнениях / И. В. Кузнецова. – Чебоксары, 2002.

222. Культура, человек и картина мира: сборник статей / ответственные редакторы А.И. Арнольдов, В. А. Кругликов. – Москва: Наука, 1987. – 349 с.

223. Кумахова, Д. Б. Оценочная категоризация действительности в пословичной картине мира : на материале кабардино-черкесского и русского

языков: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук: 10.02.19 / Кумахова Джульетта Борисовна. – Нальчик, 2011. – 23 с.

224. Кунбуттаева, А. Ш. Концепт богатство во фразеологических и паремиологических единицах лакского, русского и английского языков : автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата филологических наук : 10.02.20/ Кунбуттаева Анисат Шамиловна. – Махачкала, 2013. – 22 с.

225. Кунбуттаева, А. Ш. Способы вербализации концепта богатство во фразеологических и паремиологических единицах лакского языка /А. Ш. Кунбуттаева // Вестник Костромского государственного университета. – 2013. – Т.19(6). – С. 114-116.

226. Кунин, А. В. Курс фразеологии современного английского языка : учебник / А. В. Кунин. – 2-е изд., перераб. – Москва : Высшая школа; Дубна : Феникс, 1996. – 381 с.

227. Кураева, М. Н. Соматическая фразеология каратинского языка: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук : 10.02.09/ Кураева Маржанат Нурмагомедовна. – Махачкала, 1998. – 19 с.

228. Курбанисмаилова, К. И. Эстетический концепт женщина : на материале фразеологических и паремиологических единиц даргинского и русского языков / К. И. Курбанисмаилова // Вопросы русского и сопоставительного языкознания: сборник статей / Дагестанский государственный университет. – Махачкала, 2012. – Вып. 6. – С.175-181.

229. Кушу, С. А. Лингвокультурные концепты как отражение языковой картины мира: на материале языка оригиналов и переводов произведений Т. Керашева с адыгейского на русский и английский языки: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук : 10.02.01, 10.02.19 / Кушу Сулета Ахировна. – Майкоп, 2004. – 24 с.

230. Лаврентьева, Н. Б. О некоторых семантических особенностях процесса глагольной метафоризации / Н. Б. Лаврентьева // Проблемы глагольной семантики: сборник научных трудов / ответственный редактор Э. В. Кузнецова. – Свердловск : УрГУ, 1984. – С. 32-43.
231. Лотман, Ю. М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века) / Ю. М. Лотман. – Санкт-Петербург : Искусство-СПб, 1994. – 558 с.
232. Магадова, С.Ц. Фразеологические единицы с компонентом бак1(голова), характеризующие человека, в лакском языке / С. Ц. Магадова // Изучение фольклора, литературы и языков Дагестана. Проблема жанра в филологии Дагестана: материалы Межвузовский научной конференции, Махачкала, 3-5 ноября 2011 года / ответственный редактор Ш. А. Мазанаев ; Дагестанский государственный университет, Филологический факультет. – Махачкала, 2011. – Вып. 6.
233. Магадова, С. Ц. Фразеологические образы с зооморфным кодом культуры в лакском языке / С. Ц. Магадова // Вопросы русского и сопоставительного языкознания: сборник статей / Дагестанский государственный университет. – Махачкала, 2012а. – Вып. 6. – С. 43-46.
234. Магадова, С. Ц. К вопросу о фразеологических образах щедрый – скупой/жадный, ненасытный в лакском языке (лингвокультурологическая характеристика) / С. Ц. Магадова // Вопросы русского и сопоставительного языкознания: сборник статей / Дагестанский государственный университет. – Махачкала, 2012б. – Вып. 6. – С.47-50.
235. Магадова, С. Ц. Образ трусливого человека в лакском языке / С. Ц. Магадова // Вестник Дагестанского государственного университета. – 2014. – Вып. 3. – С. 190-194.
236. Магадова, С. Ц. Концепт человек в зеркале лакских фразеологических единиц: диссертация на соискание учёной степени кандидата филологических наук : 10.02.02/ Магадова Саида Цахаевна. – Махачкала, 2017. – 162 с.

237. Магамдаров, Р. Ш. Человек в языковой картине мира (реферативный обзор исследований последних 5 лет) / Р. Ш. Магамдаров// Языкознание в Дагестане: лингвистический ежегодник: сборник статей / ответственный редактор А. Г. Гюльмагомедов. – Махачкала, 1998. – № 2.
238. Магамдаров, Р. Ш. Лингвокультурологический анализ концепта «Фемина» в лезгинском языке: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук : 10.02.09/ Магамдаров Румик Шихкеримович. – Махачкала, 1999. – 21 с.
239. Магдиева, Г. И. Морфология аварского литературного языка / Г. И. Магдиева. – Махачкала, 1981. – 160 с.
240. Магдилова, Р. А. К вопросу о функционировании причастий и деепричастий арчинского языка в пословицах и поговорках / Р. А. Магдилова // Вопросы языков и фольклора малочисленных народов Дагестана. – 2004. – Вып. 2. – С.76.
241. Магдилова, Р. А. Арчинские и аварские паремиологические единицы императивной семантики / Р. А. Магдилова// Вестник Дагестанского государственного университета. – 2014. – Вып. 3. – С. 166-169.
242. Магомедова, А. К. Лексические средства выражения пространственного и темпорального дейксиса даргинского и немецкого языков: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук : 10.02.20/ Магомедова Айшат Казбековна. – Махачкала, 2009. – 26 с.
243. Магомедова, А. Н. Аварские паремиологические единицы с религиозным кодом культуры / А. Н. Магомедова // Исламоведение. – 2012а. – № 4(14). – С. 76-81.
244. Магомедова, А. Н. Морфолого-синтаксический состав аварских паремиологических единиц как средство формирования паремиологических образов / А. Н. Магомедова// Вестник Дагестанского государственного университета. – 2012б. – Вып.3. – С. 13-17.

245. Магомедова, А. Н. Некоторые особенности лексического состава аварских паремиологических единиц, выражающих концепт труд / А. Н. Магомедова // Вестник Дагестанского государственного университета. – 2013. – Вып. 3. – С. 131-133.
246. Магомедова, А. Н. Концепт пьянство в зеркале аварских паремиологических единиц / А. Н. Магомедова // Вестник Дагестанского государственного университета. – 2014. – Вып. 3. – С. 186-189.
247. Магомедова, А. Н. К определению понятию «концепт» в лингвокультурологии / А. Н. Магомедова // Изучение фольклора, литературы и языков Дагестана. Проблемы жанра в филологии Дагестана : материалы XI Всероссийской конференции, Махачкала, 29 ноября 2016 года / ответственный редактор Ш. А. Мазанаев ; Дагестанский государственный университет, Филологический факультет. – Махачкала, 2016. – Вып. 12. – С. 277-283.
248. Магомедова, М. М. Вопросы гендера в лезгинском фольклоре / М. М. Магомедова // Вестник молодых ученых Дагестана. – 2006а. – №1. – С.76-82.
249. Магомедова, М. М. Сопоставительное исследование гендерной лексики и фразеологии лезгинского и русского языков: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук : 10.02.20/ Магомедова Марина Маликовна. – Махачкала, 2006б. – 28 с.
250. Магомедова, М. М. Фразеология лезгинского языка в гендерном аспекте / М. М. Магомедова // Региональный вестник молодых ученых. – 2006. – № 1. – С.73-78.
251. Магомедова, П. А. Семантика ментальности и ее отражение в аварской языковой картине мира / П. А. Магомедова // Вопросы лингвокультурологии и этноментальности. – 2006. – Вып. 1.
252. Магомедова, П. А. Отрицательный образ жены в аварских пословицах / П. А. Магомедова, А. А. Микаилова // Филология и культура = Philology and Culture. – 2015. – № 4(42). – С. 109-113.

253. Магомедова, П. Г. Сравнительный анализ соматической фразеологии в андийских языках / П. Г. Магомедова // Языкознание в Дагестане : лингвистический ежегодник : сборник статей / ответственный редактор А. Г. Гюльмагомедов ; ДНЦ РАН, Институт языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы. – Махачкала, 1998. – № 2.
254. Магомедова, С. М. Концепт женщина в поэзии Расула Гамзатова и Фазу Алиевой (лингвистический и лингвокультурологический анализ): диссертация на соискание учёной степени кандидата филологических наук : 10.02.02 / Магомедова Саняйт Магомаалиевна. – Махачкала, 2016. – 156 с.
255. Магомедова, Х. М. Функционально-семантически анализ глаголов зрительного восприятия в аварском и русском языках: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук : 10.02.02 , 10.02.20/Магомедова Хурия Мусаевна. – Махачкала, 2007. – 29 с.
256. Магомедова, Х. Н. Структурно-семантическая и антропоцентрическая организация паремий аварского языка: автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата филологических наук: 10.02.02 / Магомедова Хатимат Нурутдиновна. – Махачкала, 2013. – 19 с.
257. Магомедханов, М. М. Очерки по фразеологии аварского языка / М. М. Магомедханов. – Махачкала: Дагучпедгиз, 1972. – 160 с.
258. Магомедханов, М. М. Проблемы национально-русской фразеографии / М. М. Магомедханов. – Махачкала: Даг. кн. изд-во, 1988. – 226 с.
259. Магомедханов, М. М. Фразеологические единицы с терминами животного мира в карахском диалекте аварского языка / М. М. Магомедханов // Отраслевая лексика дагестанских языков: названия животных и птиц : тематический сборник / составитель П. Т. Магомедова. – Махачкала: Даг. фил. АН СССР, 1988. – С. 173-176.
260. Магомедханов, М. М. Лексико-семантическая характеристика фразеологии карахского диалекта аварского языка / М. М. Магомедханов// Ежегодник иберийско-кавказского языкознания. – 1989. – Т. 16. – С. 143-149.

261. Майтиева, Р. А. Национальное и интернациональное в пословичном фонде / Р. А. Майтиева // Вопросы дагестанских языков и литературы. – Махачкала, 2008.
262. Майтиева, Р. А. Структурно-семантическая характеристика пословиц и поговорок даргинского языка в сопоставлении с английским: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук : 10.02.20/ Майтиева Раисат Алиевна. – Махачкала, 2011. – 17 с.
263. Максимова, Н. А. Противоречие как одно из выразительных средств поэтического языка / Н. А. Максимова // Русский язык: исторические судьбы и современность: II Международный конгресс исследователей русского языка, Москва, 18-21 марта 2004 года: труды и материалы / составители М. Л. Ремнёва [и др.] ; Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Филологический факультет. – Москва, 2004. – С.219.
264. Маллаева, З.М. Национально-культурная специфика в поговорках дагестанских языков / З. М. Маллаева // Материалы международной конференции. – Тбилиси, 2010.
265. Малишевская, Д. Базовые концепты в свете гендерного подхода (на примере оппозиции Мужчина/Женщина) / Д. Малишевская // Фразеология в контексте культуры / ответственный редактор В. Н. Телия. – Москва: Язык русской культуры, 1999. – С.48-57.
266. Мальцева, Д. Г. Национально-культурный аспект фразеологии: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук : 10.02.19/ Мальцева Дина Григорьевна. – Москва, 1991. – 36 с.
267. Маниева, Н. С. Прилагательные-эпитеты в поэтическом дискурсе второй половины XX века : лингвистический анализ: диссертация на соискание учёной степени кандидата филологических наук : 10.02.01/ Маниева Нина Сергеевна. – Махачкала, 2007. – 154 с.

268. Маркелова, Е. В. Процессы концептуализации в пословицах / Е. В. Маркелова // Квантитативная лингвистика и семантика: сборник научных трудов. – Новосибирск: НГПУ, 2000. – № 2. – С. 142-148.
269. Мартынова, А. Н. Мудрость и красота / А. Н. Мартынова // Пословицы. Поговорки. Загадки / составители А. Н. Мартынова, В. В. Митрофанова. – Москва: Современник, 1997. – С. 6-17.
270. Мартынова, А. Н. Пословицы. Поговорки. Загадки / А. Н. Мартынова. – Москва : Современник, 1986. – 510 с.
271. Мартынюк, А. П. Речевое поведение мужчин и женщин в малых группах / А. П. Мартынюк, П. Н. Землянский // Язык. Сознание. Этнос. Культура: XI Всероссийский симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации, Москва, 31 мая – 2 июня 1994 год: тезисы докладов. – Москва: ИЯ РАН, 1994. – С.134-135.
272. Маслова, В. А. Экспериментальное изучение национально-культурной специфики внешних и внутренних качеств человека (на материале кыргызского языка) / В. А. Маслова // Этнопсихолингвистика / Ю. А. Сорокин, И. Ю. Марковина, А. Н. Крюков [и др.] ; ответственный редактор Ю. А. Сорокин. – Москва: Наука, 1988. – С.116-120.
273. Маслова, В. А. Экспериментальное изучение национально-культурной специфики внешних и внутренних качеств человека / В. А. Маслова // Логический анализ языка. Образ человека в культуре и языке: сборник статей / ответственные редакторы Н. Д. Арутуянова, И. Б. Левонтина; Российская академия наук, Институт языкознания. – Москва: Индрик, 1999.
274. Маслова, В. А. Лингвокультурология: учебное пособие для вузов / В. А. Маслова. – Москва : Академия, 2004. – 204 с.
275. Маслова, В. А. Введение в когнитивную лингвистику : учебное пособие / В. А. Маслова. – Москва: Флинта : Наука, 2007. – 294 с.
276. Матунова, Г. А. Проблема изучения гендера в отечественной лингвистике / Г. А. Матунова // Молодой ученый. – 2017. – № 14. – С. 725-728.

277. Махмудова, С. М. Жемчужины рутульской мысли: пословицы, поговорки и загадки рутульского народа / С. М. Махмудова. – Махачкала: Эпоха, 2014. – 151 с.
278. Мелерович, А. М. Семантическая структура фразеологических единиц современного русского языка / А. М. Мелерович, В. М. Мокиенко. – Кострома: КГУ, 2008. – 483 с.
279. Мечковская, Н. Б. Семиотика: язык, природа, культура: курс лекций: учебное пособие / Н. Б. Мечковская. – Москва: Академия, 2004. – 428 с.
280. Микаилов, Ш. И. Очерки аварской диалектологии / Ш. И. Микаилов. – Москва: Акад. наук СССР, 1959. – 512 с.
281. Микаилова, А. А. Особенности репрезентации фрейма бедность/богатство в семантике аварских и английских паремий / А. А. Микаилова // Язык. Словесность. Культура. – 2014. – №6. – С. 48-62.
282. Микаилова, А. А. Фреймовый анализ как метод изучения национально-культурной специфики пословиц и поговорок / А. А. Микаилова // Научные исследования: теоретико-методологические подходы и практические результаты: материалы Международной научно-практической конференции, Самара, 30 апреля 2016 года / ответственный редактор О. А. Подкопаева. – Самара, 2016. – С. 120-124.
283. Микаилова, А. А. Языковая концептуализация негативной оценки (плохо) паремиологического фонда аварского и английского языков: диссертация на соискание учёной степени кандидата филологических наук : 10.02.20/ Микаилова Абидат Арслангереевна. – Махачкала, 2017. – 176 с.
284. Мирзаева, Т. А. Оценка человека в пословицах и поговорках русского, английского, испанского и табасаранского народов: морально-нравственная сфера: автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата филологических наук : 10.02.19/ Мирзаева Татьяна Аслановна. – Ставрополь, 2008. – 20 с.
285. Мисиева, Л. А. Гендерная фразеология аварского языка в сопоставлении с английской: диссертация на соискание учёной степени

кандидата филологических наук : 10.02.02, 10.02.20/ Мисиева Луиза Ахмедовна. – Махачкала, 2009. – 155 с.

286. Мисиева, Л. А. К вопросу об образе жены в аварских паремиологических единицах / Л. А. Мисиева // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2016. – №1. – С.135-139.

287. Мисиева, Л. А. Образ жадного/ ненасытного человека в зеркале аварских паремиологических единиц / Л. А. Мисиева // Ученые записки орловского государственного университета. – 2016. – № 4 (73). – С. 185-189.

288. Мисиева, Л. А. Образ никчемного человека в зеркале аварских паремиологических единиц (лингвистическая и лингвокультурологическая характеристика) / Л. А. Мисиева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов : Грамота, 2016. – №1(55). – С. 158-161.

289. Мисиева, Л. А. Паремиологические единицы, формирующие концепт двуличный человек в аварском языке : лингвистическая и лингвокультурологическая характеристика / Л. А. Мисиева // Мир науки, культуры, образования. – 2016. – №1(56). – С.271-274.

290. Мисиева, Л. А. Аварские гендерные паремиологические единицы с компонентами сложными словами / Л. А. Мисиева // Вестник чувашского госуниверса им. Яковлева. – 2017. – №3 (95). – С. 45-49.

291. Мисиева, Л.А. Образ человека в зеркале аварских паремиологических единиц, построенных на принципе алогизма / Л. А. Мисиева // Ученые записки Орловского государственного университета. – 2017. – № 4 (77). – С. 128-132.

292. Мисиева, Л. А. Роль антонимов в смысловой организации аварских паремиологических единиц, ориентированных на человека / Л. А. Мисиева // Язык и культура. – 2017. – №39. – С. 27-36.

293. Мисиева, Л. А. Языковая символика в аварских гендерных паремиологических единицах / Л. А. Мисиева // Филология и человек. –2017. – №1. – С. 106-113.

294. Мисиева, Л. А. Концепт бедность в зеркале аварских паремиологических единиц (лингвистическая и лингвокультурологическая характеристика) / Л. А. Мисиева // Филологические науки. – 2018. – № 3. – С.17-23.
295. Мисиева, Л. А. Образ трусливого человека в зеркале аварских паремиологических единиц / Л. А. Мисиева // Мир науки, культуры, образования. – 2018. – № 6 (73). – С. 550-553.
296. Мисиева, Л. А. Употребление экспрессивно–оценочных существительных в составе аварских гендерных паремиологических единиц / Л. А. Мисиева, М.Н. Кураева // Мир науки, культуры и образования. –2018. – № 4 (71). – С. 480-484.
297. Мисиева, Л. А. Аварские компаративные паремиологические единицы ориентированные на человека / Л. А. Мисиева // Мир науки, культуры и образования. – 2019. – №2 (75). – С. 537-540.
298. Мисиева, Л. А. Аварские паремиологические единицы с противительно-уступительными смысловыми отношениями / Л. А. Мисиева. – Тамбов:Грамота, 2019. – Т. 12,вып. 11. – С. 235-239.
299. Мисиева, Л. А. Гендерные фразеологические единицы со смысловым компонентом очень, соотносительные с зооморфным и растительным кодами культуры, в даргинском и английском языках / Л. А. Мисиева, Д.С. Самедов // Мир науки, культуры и образования. – 2019. – №2 (75). – С. 540-543.
300. Мисиева, Л. А. Лексико–грамматический состав аварских паремиологических единиц: оценочная характеристика женщин / Л. А. Мисиева // Известия южного федерального университета. Филологические науки. – 2020. – №1. – С.53-61.
301. Мифология народов Дагестана: сборник статей / составитель М. Р. Халидова. – Махачкала: Даг. филиала АН СССР, 1988. – 188 с.
302. Мокиенко, В. М. О собственном имени в составе фразеологии / В. М. Мокиенко// Перспективы развития славянской ономастики: сборник статей /

- ответственные редакторы А. В. Суперанская, Н. В. Подольская. – Москва: Наука, 1980. – С. 57-67.
303. Мокиенко, В. М. Славянская фразеология: учебное пособие для вузов / В. М. Мокиенко. – Москва: Высшая школа, 1989. – 287 с.
304. Мокиенко, В. М. Образы русской речи: историко-этимологические очерки фразеологии / В. М. Мокиенко. – Ленинград: Фолио-Пресс, 1999. – 464 с.
305. Молотков, А. И. Основы фразеологии русского языка / А. И. Молотков. – Ленинград: Наука, 1977. – 283 с.
306. Муртузалиева, И. А. Фразеологические единицы с зооморфным кодом культуры в русском и дагестанских языках как средство выражения концепта зло / И. А. Муртузалиева // Изучение фольклора, литературы и языков Дагестана. Проблема жанра в филологии Дагестана: материалы Межрегиональной научной конференции, Махачкала, 24-25 апреля 2009 года / ответственный редактор Ш. А. Мазанаев ; Дагестанский государственный университет, Филологический факультет. – Махачкала, 2009. – Вып. 5.
307. Муртузалиева, И. А. Глаголы и прилагательные в русских и дагестанских паремиях, выражающих концепты добро и зло / И. А. Муртузалиева // Вопросы русского и сопоставительного языкознания: сборник статей. – Махачкала : ДГУ, 2010б. – Вып. 4.
308. Муртузалиева, И. А. Лексический состав, источники и особенности формирования фразеологических образов, составляющих концепт зло, в русском языке / И. А. Муртузалиева, Д. С. Самедов // Вопросы русского и сопоставительного языкознания: сборник статей. – Махачкала : ДГУ, 2010а. – Вып. 4.
309. Мусаева, П. Г. Фразеологические и паремиологические единицы с компонентом-зоонимом лакского и английского языков: диссертация на соискание ученой степени кандидат филологических наук : 10.02.02, 10.02.20 / Мусаева Патимат Габидуллаховна. – Махачкала, 2008. – 230 с.

310. Назаревич, А. Ф. Пословицы и поговорки народов Дагестана / А. Ф. Назаревич. – Махачкала: Юпитер, 1997. – 160с.
311. Национальный язык и национальная культура: сборник статей / ответственный редактор Ю. Д. Дешериев. – Москва: Наука, 1978. – 209 с.
312. Никитина, С. Е. Сердце и душа фольклорного человека / С. Е. Никитина // Логический анализ языка. Образ человека в культуре и языке : сборник статей / ответственные редакторы Н. Д. Арутюнова, И. Б. Левонтина; Российская академия наук, Институт языкознания. – Москва: Индрик, 1999. – С.16-28.
313. Никитина, Т. Г. Проблемы изучения этнокультурной специфики фразеологии / Т. Г. Никитина. – Псков: Псков. гос. пед. ин-т, 1998. – 205 с.
314. Нильссон, Б. Человек и мужчина – о классах, индивидах и инстанциях :к постановке проблемы : на материале русского и шведского языков / Б. Нильссон// Логический анализ языка. Образ человека в культуре и языке : сборник статей / ответственные редакторы Н. Д. Арутюнова, И. Б. Левонтина; Российская академия наук, Институт языкознания. – Москва: Индрик, 1999. – С.99-104.
315. Овезова, М. Фразеологизмы адъективной семантики со значением качества лица / М. Овезова // Русский язык в школе. – 1986. – № 1. – С. 68-74.
316. Огольцев, В. М. Устойчивые сравнения русского языка: пособие для учащихся национальных школ / В. М. Огольцев. – Санкт-Петербург: Просвещение, 1992. – 176 с.
317. Ожегов, С. И. Лексикология. Лексикография. Культура речи: учебное пособие / С. И. Ожегов. – Москва: Высшая школа, 1974. – 350 с.
318. Олифиренко, Л. В. Конструкции с семантически несовместимыми словами в поэтической речи А. Дементьева / Л. В. Олифиренко// Вестник Дагестанского государственного университета. –2013. – Вып. 3. – С. 200-203.
319. Опарина, Е. О. Концептуальная метафора / Е. О. Опарина // Метафора в языке и тексте / В. Г. Гак, В. Н. Телия, Е. М. Вольф [и др.] ; ответственный редактор В. Н. Телия. – Москва : Наука, 1988. – С. 65-77.

320. Опарина, Е. О. Лексика, фразеология, текст: лингвокультурологические компоненты / Е. О. Опарина // Язык и культура: сборник обзоров / ответственный редактор Е. О. Опарина. – Москва: ИНИОН РАН, 1999. – Вып. 2.– С.30.
321. Ордокова, М. А. Фразеологические единицы со значением поведение человека : на материале французского и русского языков: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук : 10.02.19 / Ордокова Майя Ахмедовна. – Нальчик, 2004. – 20 с.
322. Османова, Т. А. Культурологическая ценность русской фразеологии / Т. А. Османова // Русский язык в Дагестане: проблемы межкультурной коммуникации: материалы Всероссийской научно-практической конференции, Махачкала, 11-12 декабря 2007 года. – Махачкала, 2007. – Вып. 1.
323. Пайзулаева, З. Х. Компаративные фразеологические единицы аварского и английского языков: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук : 10.02.20/ Пайзулаева Зарема Халимбековна. – Махачкала, 2010. – 26 с.
324. Панина, Л. С. Образование фразеологических единиц на базе русских пословиц в русском языке: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук : 10.02.01/ Панина Лидия Сергеевна. – Ростов-на-Дону, 1986. – 23 с.
325. Панина, Л. С. Пословица как источник этнокультурной и лингвистической информации : на материале пословиц народов, живущих в Оренбургской области / Л. С. Панина // История языкознания, литературоведения и журналистики как основа современного филологического знания: материалы Международной научной конференции, Ростов-на-Дону; Адлер, 6-12 сентября 2003 года / ответственный редактор Т. А. Волошина. – Ростов-на-Дону : РГУ, 2003.
326. Панькин, В. М. Слова-символы в русской поэзии / В. М. Панькин, А. В. Филиппов // Русская речь. – 1978. – № 2. – С.33-40.

327. Пермяков, Г. Л. О лингвистическом аспекте пословиц и поговорок / Г. Л. Пермяков // *Proverbium*. – 1968. – № 11. – С. 276-285.
328. Пермяков, Г. Л. От поговорки до сказки: заметки об общей теории клише / Г. Л. Пермяков. – Москва: Наука, 1970. – 239 с.
329. Пермяков, Г. Л. Основы структурной паремиологии / Г. Л. Пермяков. – Москва: Наука, 1988. – 236 с.
330. Петров, М. К. Язык, знак, культура / М. К. Петров; вступительная статья С. С. Неретиной. – Москва: Наука, 1991. – 328 с.
331. Пилинова, М. В. Концепт как основная единица ментальности / М. В. Пилинова // *Русский язык: исторические судьбы и современность: II Международный конгресс исследователей русского языка, Москва, 18-21 марта 2004 года : труды и материалы / составители М. Л. Ремнёва, А. А. Поликарпов, О. В. Дедова*. – Москва, 2004.
332. Подюков, И. А. Культурно-семиотические аспекты народной фразеологии: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук : 10.02.01/ Подюков Иван Алексеевич. – Санкт-Петербург, 1997. – 39 с.
333. Попова, З. Д. Понятие концепт в лингвистических исследованиях / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – Воронеж: ВГУ, 1999. – 35 с.
334. Потебня, А. А. Слово и миф / А. А. Потебня; составитель А. Л. Топоркова. – Москва: Правда, 1989. – 622 с.
335. Потебня, А. А. Из лекций по теории словесности. Басня. Пословица. Поговорка / А. А. Потебня // *Потебня А. А. Теоретическая поэтика / А. А. Потебня; составитель А. Б. Муратов*. – Москва: Высшая школа, 1990. – С. 90-97.
336. Почепцов, О. Г. Языковая ментальность : способ представления мира / О. Г. Почепцов // *Вопросы языкознания*. – 1990. – № 6.
337. Привалова, И. В. Отражение национально-культурных ценностей в паремиологическом фонде языка / И. В. Привалова // *Язык, сознание,*

коммуникация: сборник статей / ответственные редакторы В. В. Красных, А. И. Изотов. – Москва, 2001. – Вып. 18. – С. 10-16.

338. Приходько, А. Н. Концепты и концептосистемы в когнитивно-дискурсивной парадигме лингвистики / А. Н. Приходько. – Запорожье: Премьер, 2008. – 46 с.

339. Рабаданова, А. Б. К вопросу о фразеологических единицах в лингвокультурологическом аспекте : символы береза и дуб в русской языковой картинке мира / А. Б. Рабаданова // Вопросы русского и сопоставительного языкознания : сборник статей. – Махачкала : ДГУ, 2010. – Вып. 4.

340. Рабаданова, С. М. К вопросу характеристике человека с отрицательной стороны в лексико-фразеологических единицах даргинского и английского языков / С. М. Рабаданова // Языкознание в Дагестане: лингвистический ежегодник: сборник статей / ответственный редактор А. Г. Гюльмагомедов; ДНЦ РАН, Институт языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы. – Махачкала, 2005. – № 9.

341. Радбиль, Т. Б. Основы изучения языкового менталитета: учебное пособие / Т. Б. Радбиль. – Москва: Флинта : Наука, 2010. – 328 с.

342. Радченко, Е.В. Отражение языковой личности русского человека в процессуальных фразеологизмах со значением психическое состояние лица /Е. В. Радченко // Русский язык: исторические судьбы и современность: II Международный конгресс исследователей русского языка, Москва, 18-21 марта 2004 года: труды и материалы / составители М. Л. Ремнёва, А.А. Поликарпов, О.В. Дедова. – Москва : МГУ, 2004. – С.208-209.

343. Рамазанова, З. М. Сопоставительное исследование гендерной фразеологии лакского, русского и английского: диссертация на соискание учёной степени кандидата филологических наук : 10.02.20 / Рамазанова Залина Магомедрашидовна. – Махачкала, 2011. – 148 с.

344. Рамазанова, З.М. Особенности гендерной фразеологии лакского языка / З. М. Рамазанова // Изучение фольклора, литературы и языков Дагестана.

Проблема жанра в филологии Дагестана: материалы XI Всероссийской конференции, Махачкала, 29 ноября 2016 года / ответственный редактор Ш. А. Мазанаев ; Дагестанский государственный университет, Филологический факультет. – Махачкала, 2016. – Вып. 13. – С. 363-366.

345. Рамазанова, М. Р. Сопоставительный анализ фразообразования в лезгинском и французском языках на материале соматических фразеологических единиц: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук : 10.02.02, 10.02.20/ Рамазанова Лиана Руслановна. – Махачкала, 2000. – 28 с.

346. Рамазанова, М. Ш. Фразеология аварских народных сказок: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук : 10.02.02 / Рамазанова Марина Шарапудиновна. – Махачкала, 2009. – 17 с.

347. Рамазанова, У. К. К вопросу об особенностях функционирования лексем дак1 (сердце) и бак1 (голова) во фразеологических единицах со значением интеллектуального состояния человека в лакском и русском языках / У. К. Рамазанова // Вопросы русского и сопоставительного языкознания: сборник статей. – Махачкала : ДГУ, 2010в. – Вып. 4. – С. 118-121.

348. Рамазанова, У. К. Концепт эмоции человека в лакской и русской языковых картинах мира : на материале фразеологических единиц со словом-компонентом сердце / У. К. Рамазанова // Вопросы русского и сопоставительного языкознания: сборник статей. – Махачкала : ДГУ, 2010а. – Вып. 4. – С. 121-126.

349. Рамазанова, У. К. К вопросу о сопоставительном аспекте изучения русских и в лакских фразеологических единиц в вузе : на материале ФЕ со смысловым компонентом добрый человек / У. К. Рамазанова // Гуманитарные науки: новые технологии образования : материалы XVI Региональной научно-практической конференции, 19-20 мая 2011 г. – Махачкала : ДГУ, 2011а. – С. 264-267.

350. Рамазанова, У. К. Определение интеллекта, его свойства и подходы к изучению / У. К. Рамазанова // Проблемы семантики языков разных систем: сборник статей / Российская академия наук, Институт языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы. – Махачкала, 2011b. – Вып. 1. – С. 170-178.
351. Рамазанова, У. К. Проблема исследования эмоций в современном языкознании: основные подходы и классификационные характеристики / У. К. Рамазанова // Проблемы семантики языков разных систем: сборник статей / Российская академия наук, Институт языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы. – Махачкала, 2011с. – Вып. 1. – С. 163-170.
352. Рамазанова, У. К. Концепты «эмоции» и «интеллект» в лакской и русской фразеологии: автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата филологических наук : 10.02.20 / Рамазанова Ульяна Курбановна. – Махачкала, 2012. – 20 с.
353. Расулова, Б.-М. Б. Каратинские пословицы, поговорки и скороговорки / Б.-М. Б. Расулова. – Махачкала: Народы Дагестана, 2013. – 68 с.
354. Ремнева, М. Л. Язык и культура / М. Л. Ремнева // Русский язык: исторические судьбы и современность: II Международный конгресс исследователей русского языка, Москва, 18-21 марта 2004 года: труды и материалы /составители М. Л. Ремнёва, А.А. Поликарпов, О.В. Дедова. – Москва : МГУ, 2004. – С.23-24.
355. Розина, Р. И. Человек и личность в языке / Р. И. Розина // Логический анализ языка: культурные концепты: сборник статей / ответственный редактор Н. Д. Арутюнова. – Москва : Наука, 1991. – Вып. 4. – С. 51-55.
356. Савенкова, Л. Б. Русская паремиология: семантический и лингвокультурологический аспекты / Л. Б. Савенкова. – Ростов-на-Дону: Ростов. ун-т, 2002. – 239 с.
357. Савенкова, Л.Б. Способы гиперболизации в русских поговорках / Л. Б. Савенкова // История языкознания, литературоведения и журналистики как основа современного филологического знания: материалы Международной научной конференции, Ростов-на-Дону, Адлер, 6-12 сентября 2003 года /

ответственный редактор Т. А. Волошина. – Ростов-на-Дону : РГУ, 2003. – С.110-120.

358. Сагидова, М. П. Сравнительный структурно-семантический анализ соматических фразеологических единиц дагестанских языков: на материале аварского, даргинского, лакского, лезгинского и табасаранского языков: диссертация на соискание учёной степени кандидата филологических наук : 10.02.20 / Сагидова Мариян Пастаминовна. – Махачкала, 2013. – 160 с.

359. Саидова, П. А. К структурно-семантической характеристике соматических фразеологических единиц годоберинского языка (в сравнении с аварским языком) / П. А. Саидова // Языкознание в Дагестане: лингвистический ежегодник: сборник статей / ответственный редактор А. Г. Гюльмагомедов; ДНЦ РАН, Институт языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы. – Махачкала, 1998. – № 2. – С. 114-119.

360. Самедов, Д. С. Сложное предложение в аварском языке в сопоставлении с русским : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук : 10.02.09 / Самедов Джалил Самедович. – Махачкала, 1996. – 54 с.

361. Самедов, Д. С. Лингвокультурологические проблемы исследования языков / Д. С. Самедов // Дагестан и Северный Кавказ в свете этнокультурного взаимодействия в Евразии: материалы конференции посвященной 80-летию Института языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы ДНЦ РАН / ответственный редактор Ф. Х. Мухамедова. – Махачкала: ДНЦ РАН, 2008. – С. 98-104.

362. Самедов, Д. С. Арц(серебро) как символ женской красоты во фразеологических единицах даргинского языка / Д. С. Самедов // Вопросы русского и сопоставительного языкознания : сборник статей. – Махачкала : ДГУ, 2010b. – Вып. 4. – С.170-173.

363. Самедов, Д. С. К вопросу о сравнениях с зооморфным кодом культуры в лакском языке / Д. С. Самедов // Русский язык и литература в школе и в вузе. – 2010a. – Вып. 3. – С. 144-147.

364. Самедов, Д. С. К проблеме образа человека в даргинском языке : смелый и трусливый мужчина в зеркале фразеологических единиц / Д. С. Самедов // Вопросы русского и сопоставительного языкознания : сборник статей. – Махачкала : ДГУ, 2010с. – Вып. 4. – С.173-176.
365. Самедов, Д. С. Образ человека в зеркале фразеологических единиц, построенных на принципе алогизма : на материале ФЕ дагестанских языков / Д. С. Самедов // Вестник Дагестанского государственного университета. – 2011. – Вып. 3. – С. 101-104.
366. Самедов, Д. С. Тема патриотизма в русских и аварских паремиологических единицах / Д. С. Самедов // Актуальные проблемы теории дискурса. – Прешов (Словакия): Филос. факультет Прешовского университета, 2013. – С. 182-189.
367. Самедов, Д. С. Числовая семантика в русских сказках / Д. С. Самедов // Изучение фольклора, литературы и языков Дагестана. Проблема жанра в филологии Дагестана: материалы XI Всероссийской конференции, Махачкала, 29 ноября 2016 года / ответственный редактор Ш. А. Мазанаев ; Дагестанский государственный университет, Филологический факультет. – Махачкала, 2016. – Вып. 13. – С. 366-371.
368. Самедов, Д. С. Наименования времен года в аварских паремиологических единицах, выражающих концепт время / Д. С. Самедов, Л. Г. Алиханова // Вестник Дагестанского государственного университета. – 2012. – Вып.3. – С.51-53.
369. Самедов, Д. С. Концепт Родина в русских и аварских паремиологических единицах / Д. С. Самедов, А. Н. Магомедова // Вопросы русского и сопоставительного языкознания: сборник статей. – Махачкала : ДГУ, 2012. – Вып. 6. – С. 30-36.
370. Самедов, Д. С. Концепт «смерть» в русской и аварской языковых картинах мира : на материале русских и аварских паремиологических единиц / Д. С. Самедов, А. Н. Магомедова // Вопросы русского и сопоставительного языкознания: сборник статей. – Махачкала : ДГУ, 2012. – Вып.6.

371. Самедов, Д. С. К вопросу о сопоставительном изучении фразеологических единиц в лингвокультурологическом аспекте : на материале ФЕ с компонентом сердце в английском и арчинском языках / Д. С. Самедов, М. Д. Самедов // XI Коллоквиум Европейского общества кавказоведов, Москва, 20-22 июня, 2002 года : тезисы докладов / Европейское общество кавказологов. – Москва : МАКС Пресс, 2002. – С. 66.
372. Самедов, Д. С. О лингвокультурологической значимости единиц языка / Д. С. Самедов, М. Д. Самедов // Языкознание в Дагестане. – 2006. – № 9.
373. Самедов, Д. С. К проблеме этнос–язык–культура : на материале ФЕ арчинского языка с национально-культурным компонентом / Д. С. Самедов, М. Д. Самедов // Вопросы лингвокультурологии и этноментальности. – 2006. – Вып. 1.
374. Самедов, Д. С. К вопросу об историко-этимологических комментариях к фразеологическим единицам арчинского языка / Д. С. Самедов, М. Д. Самедов // Изучение фольклора, литературы и языков Дагестана. Проблемы жанра в филологии Дагестана : материалы Межвузовской научной конференции, Махачкала, 23-24 апреля 2008 года / ответственный редактор Ш. А. Мазанаев ; Дагестанский государственный университет, Филологический факультет. – Махачкала, 2008. – Вып. 4.
375. Самедов, Д. С. Облик человека в зеркале арчинской фразеологии / Д. С. Самедов, М. Д. Самедов // Изучение фольклора, литературы и языков Дагестана. Проблемы жанра в филологии Дагестана: материалы Межвузовской научной конференции, Махачкала, 23-24 апреля 2008 года / ответственный редактор Ш. А. Мазанаев ; Дагестанский государственный университет, Филологический факультет. – Махачкала, 2008. – Вып. 4.
376. Самедов, Д. С. Концепт мужчина в русских переводах поэтических произведений Расула Гамзатова / Д. С. Самедов, Х. М. Хирамагомедова // Вопросы русского и сопоставительного языкознания : сборник статей. – Махачкала : ДГУ, 2012. – Вып. 6. – С. 168-171.

377. Самедов, Д. С. Концепт сердце как средство обозначения интеллектуальных состояний во фразеологических единицах разносистемных языков / Д. С. Самедов, М. Д. Самедов, Ц. С. Магадова // Вопросы русского и сопоставительного языкознания: сборник статей. – Махачкала : ДГУ, 2010. – Вып. 4.
378. Самедов, Д. С. Арчинские пословицы и поговорки / Д. С. Самедов, Р. А. Магдилова, М. Д. Самедов // Вопросы языков и фольклора малочисленных народов Дагестана. – 2003. – Вып. 1. – С. 49-68.
379. Самедов, Д. С. Идея патриотизма в паремиологических единицах разносистемных языков : на материале русского и аварских языков / Д. С. Самедов, М. Д. Самедов, А. Н. Магомедова // Вопросы русского и сопоставительного языкознания : сборник статей. – Махачкала: ДГУ, 2012. – Вып. 6. – С. 50-53.
380. Самедов, М. Д. Фразеологические единицы, обозначающие эмоциональные и интеллектуальные состояния человека, в английском и арчинском языках: диссертация на соискание учёной степени кандидата филологических наук : 10.02.20/ Самедов Махач Джалилович. – Махачкала, 2006. – 162 с.
381. Сербина, О. В. Понятие эмоционального концепта / О. В. Сербина // Наука и образование. – 2002. – №2. – С.136-138.
382. Сергеева, Н. М. Концепты ум и разум в русской языковой картине мира: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук : 10.02.01/ Сергеева Наталья Михайловна. – Екатеринбург, 2004. – 28 с.
383. Сидоренко, М. И. К вопросу о границах лексического состава фразеологических единиц / М. И. Сидоренко // Проблемы фразеологии (Исследования и материалы) / под редакцией А. М. Бабкина. – Москва: Наука, 1964. – С.126-131.
384. Синтаксис современного русского языка: учебник для филологических специальностей университетов государств – участников СНГ / Г. Н. Акимов,

- С. В. Вяткина, В. П. Казаков [и др.]. – Санкт-Петербург: СПбГУ, 2008. – 347с.
385. Смирнова, Г. В. Понятие концепта в лингвокультурологии / Г. В. Смирнова // Вестник Московского государственного лингвистического университета. – 2010. – Вып. 24 (603). – С. 87-93.
386. Солодуб, Ю. П. Русская фразеология как объект сопоставительного структурно–типологического исследования : на материале фразеологизмов со значением качественной оценки лица / Ю. П. Солодуб. – Москва: МГПИ, 1985. – 110 с.
387. Солодуб, Ю. П. Национальная специфика и универсальные свойства фразеологии как объекта лингвокультурологического исследования / Ю. П. Солодуб // Филологические науки. – 1990. – № 6. – С.35-59.
388. Ступина, Е. С. Вопрос синонимической общности антонимов в составе некоторых конструкций / Е. С. Ступина // Вестник Дагестанского государственного университета. Сер.: Гуманитарные науки. – 2016. – Вып. 1. – С. 80-85.
389. Сулаева, Ж. А. Пословичная картина мира как фрагмент языковой картины мира / Ж. А. Сулаева // Филология в истории тюркских и нахско-дагестанских языков. – Махачкала, 2005. – С.11-12.
390. Сулаева, Ж. А. Зоонимы в паремиях кумыкского языка / Ж. А. Сулаева // Вестник Университета Российской академии образования. – 2010. – № 4(52). – С.20-22.
391. Сулаева, Ж. А. Концепты как элемент картины мира / Ж. А. Сулаева // Актуальные проблемы гуманитарных наук: сборник научных трудов / Дагестанский государственный технический университет. – Махачкала, 2010. – Вып.7. – С. 189-194.
392. Сулаева, Ж. А. Кумыкские паремии о времени / Ж. А. Сулаева// Вестник Челябинского государственного университета. Сер.: Языкознание. – 2010. – № 5. – С.295-307.

393. Сулаева, Ж. А. Основные культурные концепты в кумыкской языковой картине мира / Ж. А. Сулаева // Русское слово: сборник научных трудов / научный редактор Е.И. Алещенко; Волгоградский государственный педагогический университет. – Волгоград: ВГИПК РО, 2011. – Вып. 3. – С. 276-281.
394. Сулаева, Ж. А. Пословичная концептуализация мира в кумыкском языке : автореферат диссертации на соискании учёной степени доктора филологических наук :10.02.02/ Сулаева Жанна Абдулгамидовна. – Махачкала, 2012. – 42 с.
395. Сулейманов, Н. Д. Глагольная фразеология агульского языка: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук: 10.02.09 / Сулейманов Надир Джабраилович. – Махачкала, 1985. – 24 с.
396. Султанова, Л. Ю. Концепт время в кумыкской и русской языковых картинах мира: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук : 10.02.02, 10.02.01/ Султанова Людмила Юрьевна. – Махачкала, 2009. – 24 с.
397. Сумцов, Н. Ф. Символика славянских обрядов: избранные труды / Н. Ф. Сумцов. – Москва: Восточная литература, 1996. – 296 с.
398. Сутаева, Р. И. Концепт время и языковые модели времени / Р. И. Сутаева // Языкознание в Дагестане: лингвистический ежегодник: сборник статей / ответственный редактор А. Г. Гюльмагомедов; ДНЦ РАН, Институт языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы. – Махачкала, 2004. – Вып. 7. – С. 105-111.
399. Тагиев, М. Т. Глагольная фразеология современного русского языка : проблемы окружения и распространения фразеологических единиц: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук / Тагиев Мамед Таги оглы. – Баку, 1967. – 53 с.
400. Таджибова, З. Т. Наименование внутренних мир человека в идиоматической картине мира (на материале разносистемных языков) / З. Т.

- Таджибова // Вестник Дагестанского государственного университета.– 2011. – Вып.3. – С. 113-116.
401. Тарланов, З. К. Язык. Этнос. Время: очерки по русскому и общему языкознанию / З. К. Тарланов. – Петрозаводск: ПГУ, 1993. – 222 с.
402. Тарланов, З. К. Этнический язык и этническое видение мира / З. К. Тарланов // Язык и этнический менталитет: сборник научных трудов / ответственный редактор З. К. Тарланов.– Петрозаводск : ПГУ, 1995.
403. Тарланов, З. К. Русские пословицы: синтаксис и поэтика: монография / З. К.Тарланов. – Петрозаводск, 1999. – 448с.
404. Телия, В. Н. Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира / В. Н. Телия // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира / Б. А. Серебренников, Е. С. Кубрякова, В. И. Постовалова [и др.] ; ответственный редактор Б. А. Серебренников. – Москва: Наука, 1988. – С.173-204.
405. Телия, В. Н. Культурно-национальные коннотации фразеологизмов: от мировидения к миропониманию / В. Н. Телия // Славянское языкознание: доклады российской делегации XI Международного съезда славистов, Братислава, сентябрь 1993 года / ответственный редактор Н. И. Толстой. – Москва: Наука, 1993. – С. 302-314.
406. Телия, В. Н. Номинативный состав языка как объект лингвокультурологии / В. Н. Телия // Национально-культурный компонент в тексте и в языке: тезисы докладов Международной научной конференции? Минск, 5-7 октября 1994 года / ответственный редактор С. М. Прохорова. – Минск, 1994. – Ч.1. – С. 15-16.
407. Телия, В. Н. Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия. – Москва: Языки русской культуры, 1996. – 286 с.
408. Толстой, Н. И. Язык и народная культура: очерки по славянской мифологии и этнолингвистике / Н. И. Толстой. – Москва: Индрик, 1995. – 509 с.

409. Традиционный фольклор народов Дагестана / ответственные редакторы Г. Г. Гамзатов, У. Б. Далгат. – Москва: Наука, 1991.– 494 с.
410. Урысон, Е. В. Дух и душа: к реконструкции архаических представлений о человеке / Е. В. Урысон// Логический анализ языка. Образ человека в культуре и языке: сборник статей / ответственные редакторы Н. Д. Арутюнова, И. Б. Левонтина; Российская академия наук, Институт языкознания. – Москва : Индрик, 1999. – С. 11-25.
411. Фелицына, Т. А. О пословице как объекте лексикографии / Т. А. Фелицына // Русская историческая лексикография и лексикология: межвузовский сборник. – Ленинград: ЛГУ, 1972.
412. Фразеология в контексте культуры / ответственный редактор В. Н. Телия.– Москва: Языки русской культуры, 1999. – 333 с.
413. Фролова, О. Е. Пословица: ситуативность, синтаксис, референция / О. Е. Фролова // Вестник Московского государственного университета. Сер. 9: Филология. – 2007. – № 3. – С. 31-46.
414. Фролова, О. Е. Мир, стоящий за текстом : референциальные механизмы пословицы, анекдота, волшебной сказки и авторского повествовательного художественного текста / О. Е. Фролова. – Москва : URSS, 2007. – 317 с.
415. Фрумкина, Р. М. Проблема языка и мышления в свете ценностных ориентаций / Р. М. Фрумкина // Язык и когнитивная деятельность : сборник статей / ответственный редактор Р. М. Фрумкина. –Москва : Наука, 1989. – С. 59-72
416. Хагба, Л.Счастье и радость в концептосфере абхазского и абазинского языков /Л. Хагба // Кавказский лингвистический сборник / ответственный редактор М. Е. Алексеев; Российская академия наук, Институт языкознания. – Москва, 2005. – Вып. 16. – С. 116-124.
417. Хайбулаев, М. Р. Фразеологизмы в названиях стихов Г. Цадасы / М. Р. Хайбулаев // Сборник научных трудов. – Махачкала, 1978.
418. Хайбулаев, С.М. Аварские народные песни / С. М. Хайбулаев, М.-К. Гимбатов. – Махачкала, 2001.

419. Хайдаков, С.М. Очерки по лексике лакского языка / С. М. Хайдаков. – Москва: Изд-во АН СССР, 1961. – 199 с.
420. Хайдаков, С. М. Сравнительно-сопоставительный словарь дагестанских языков / С. М. Хайдаков. – Москва: Наука, 1973. – 179 с.
421. Хайруллина, Р. Х. Картина мира во фразеологии :тематико-идеографическая систематика и образно–мотивационная основа русских и башкирских фразеологизмов: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук: 10.02.20 / Хайруллина Райса Ханифовна. – Москва, 1997. – 32 с.
422. Халидова, М. Р. Мифологический и исторический эпос народов Дагестана / М. Р. Халидова. – Махачкала: ДНЦ РАН, 1992. – 274 с.
423. Халидова, М. Р. Устное народное творчество аварцев / М. Р. Халидова. – Махачкала: ДНЦ РАН, 2004. – 335 с.
424. Халиков, М. М. Основы стилистики современного аварского языка: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук : 10.02.09 / Халиков Магомед Магомедович. – Махачкала, 1997. – 48 с.
425. Халилов, Х. М. Устное народное творчество лакцев / Х. М. Халилов. – Махачкала: ДНЦ РАН, 2004. – 321 с.
426. Халилова, Н. М. Структурно-семантическая характеристика аварских пословиц и поговорок: автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата филологических наук : 10.02.02 / Халилова Наида Магомедовна. – Махачкала, 2010. – 23 с.
427. Хамизова, З. М. Семантический анализ фразеологических единиц с компонентом «сердце» в кабардино-черкесском языке / З. М. Хамизова // Кавказский лингвистический сборник / ответственный редактор М. Е. Алексеев; Российская академия наук, Институт языкознания. – Москва, 2005. – Вып. 16. – С.124-139.
428. Хангереев, М. Д. Сравнительный анализ соматических фразеологических единиц аваро-андийских языков: автореферат диссертации

- на соискание ученой степени кандидата филологических наук : 10.02.09/
Хангереев Магомедбек Давудгаджиевич. – Махачкала, 1993. – 18 с.
429. Харченкова, Л. И. Облик человека в зеркале русского и испанского языков / Л. И. Харченкова, Ю. А. Шишков // Логический анализ языка. Образ человека в культуре и языке: сборник статей / ответственные редакторы Н. Д. Арутюнова, И. Б. Левонтина; Российская академия наук, Институт языкознания. – Москва: Индрик, 1999. – С. 312-319.
430. Харчиева, М. Р. Фразеологические единицы антропоцентрической направленности с соматизмом ракл «сердце» / М. Р. Харчиева // Кавказские языки. Генетико-типологические общности и ареальные связи: тезисы докладов 2-ой Международной научной конференции, Махачкала, 17-18 июня 2010 года / ответственный редактор М. А. Магомедов. – Махачкала, 2011. – С. 217-219.
431. Харчиева, М. Р. К вопросу об определении компонентного состава компаративных фразеологических единиц андийского языка / М. Р. Харчиева // Вестник Дагестанского государственного университета. – 2012. – Вып. 3. – С.46-50.
432. Химик, В. В. Категория субъективности и ее выражение в русском языке / В. В. Химик. – Ленинград: ЛГУ, 1990. – 181 с.
433. Холманских, И. В. Компаративные фразеологические единицы с компонентами-зоонимами : на материале русского и болгарского языков:автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук : 10.02.01/ Холманских Ирина Владимировна. – Тюмень, 2000. – 21 с.
434. Холодилова, Л. Е. Особенности значения вопросительных предложений с не перед сказуемым / Л. Е. Холодилова // Русский язык в школе. – 1967. – № 2.
435. Хутова, Э. Р. К вопросу об эмоциональных концептах / Э. Р. Хутова // Проблемы развития языков и литератур народов Северного Кавказа: материалы региональной научной конференции, Нальчик, 23-24 октября 2004

года / ответственный редактор З. Х. Толгуров ; Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х. М. Бербекова. – Нальчик, 2004. – С.86-88.

436. Хутова, Э. Р. Лексикографический анализ концепта любовь : на материале английского, русского и кабардино-черкесского языков / Э. Р. Хутова // Сборник научных трудов молодых ученых / ответственный редактор Р. М. Лигидов. – Нальчик: КБГУ, 2005. – С. 28-31.

437. Хутова, Э. Р. К вопросу о лингвокультурологии / Э. Р. Хутова // Научно-методическое обеспечение преподавания иностранных языков на внеязыковых факультетах в свете теории и практики межкультурной коммуникации: сборник статей. – Майкоп: АГУ, 2007. – № 3. – С. 151-153.

438. Хутова, Э. Р. Бинарная оппозиция любовь/ненависть в разносистемных языках: лингвокультурный аспект : на материале русского, английского и кабардино-черкесского языков: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук : 10.02.19/ Хутова Эльмира Руслановна. – Нальчик, 2008. – 23 с.

439. Хутова, Э. Р. Лингвокультурный аспект адыгских языков / Э. Р. Хутова, З. Х. Бижева // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. – Нальчик, 2008. – № 2(22). – С.170-176.

440. Черданцева, Т. З. Идиоматика и культура (постановка проблемы) / Т. З. Черданцева // Вопросы языкознания. – 1996. – № 1. – С. 58-70

441. Числовой код культуры в дагестанской паремиологической картине мира / составители М. А. Гасанова, Д. С. Самедов. – Махачкала: АЛЕФ, 2021. – 240 с.

442. Шарданова, М. А. Эстетическая бинарная оппозиция прекрасное/безобразное в разносистемных языках : на материале английского, русского и кабардино-черкесского языков : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук : 10.02.19/ Шарданова Мадина Аниуаровна.– Нальчик, 2006.–21 с.

443. Шахбазова, Х. В. Гендерные признаки русских и чеченских фразеологических и паремиологических единиц / Х. В. Шахбазова // Вестник Дагестанского государственного университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. – 2018. – Т.33, вып. 1. – С. 90-94.
444. Шахбанова, А. Р. Картина мира соматизма *oculus* (глаз) в языках различных типологий: на материале лезгинского, русского и французского языков: автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата филологических наук : 10.02.20/ Шахбанова Анжела Рафиковна. – Махачкала, 2014. – 19 с.
445. Шахманова, Б. Г. Концепт совесть в паремиологическом и фразеологическом фондах языка как источник изучения менталитета народа : на материале русского и кумыкского языков / Б. Г. Шахманова// Вопросы филологии. – 2006а. – № 5. – С.43-47.
446. Шахманова, Б. Г. Паремиологический и фразеологический фонды языка как источник изучения ментальности народа / Б. Г. Шахманова// Вопросы лингвокультурологии и этноментальности. – 2006б. – Вып. 1. – С.121-136.
447. Шахманова, Б. Г. Морально-этический концепт совесть в кумыкской и русской языковых картинах мира: на материале фразеологических и паремиологических единиц: диссертация на соискание учёной степени кандидата филологических наук : 10.02.02, 10.02.01 / Шахманова Бурлият Гебековна. – Махачкала, 2008а. – 170 с.
448. Шахманова, Б. Г. Языковая картина мира как отражение менталитета народа / Б. Г. Шахманова // Проблемы общего и дагестанского языкознания: сборник статей / ответственный редактор М. И. Магомедов. – Махачкала: ДНЦ РАН, 2008б. – Вып. 5. – С.313-317.
449. Шведова, Н. Ю. Теоретические результаты, полученные в работе над «Русским семантическим словарем» / Н. Ю. Шведова // Вопросы языкознания. – 1999. – № 1.

450. Шелестюк, Е. В. О лингвистическом исследовании символа (образ литературы) / Е. В. Шелестюк // Вопросы языкознания. – 1997. – № 4. – С. 125-143.
451. Шкляров, В. Т. Пословицы как источник пополнения русской фразеологии / В. Т. Шкляров // Проблемы лексики и фразеологии: сборник научных работ. – Ленинград : ЛПИ, 1975. – С. 68-79.
452. Шмелев, А. Д. Русская языковая картина мира: материалы к словарю / А. Д. Шмелев. – Москва: Языки славянской культуры, 2002. – 224 с.
453. Шокуева, М. К. Вербализация пространства и времени с позиции наблюдателя: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук : 10.02.19/ Шокуева Мадина Кадировна. – Нальчик, 2006. – 24 с.
454. Шустов, А. Н. Горячий снег, злое добро и другие нелепицы / А. Н. Шустов // Русская речь. – 2006. – № 6. – С. 47.
455. Эльдарова, Р. Г. Лингвистический статус и типы словосочетаний с компонентами учин (сказать) и уккан (выйти) в лакском языке / Р. Г. Эльдарова // Вопросы общей и дагестанской фразеологии: межвузовский научно-тематический сборник / ответственный редактор А. Г. Гюльмагомедов. – Махачкала: ДГУ, 1984.
456. Эльдарова, Р. Г. Лакское сердце и русская душа / Р. Г. Эльдарова // Семантика единиц разных уровней. – Махачкала, 2009.
457. Язык – культура– этнос / С. А. Арутюнов, А. Р. Багдасаров, В. Н. Белоусов [и др.]. – Москва : Наука, 1994. – 233 с.
458. Язык и национальное сознание: вопросы теории и методологии: монография / А. П. Бабушкин [и др.] ; научные редакторы З. Д. Попова, И. А. Стернин. – Воронеж: Воронеж. гос. ун-та, 2002. – 313 с.
459. Языковая картина мира и системная лексикография / В. Ю. Апресян [и др.] ; ответственный редактор Ю. Д. Апресян. – Москва: Языки славянских культур, 2006. – 910 с.

460. Языковая личность: культурные концепты: сборник научных трудов / научный редактор В. И. Карасик; Волгоградский государственный педагогический университет. – Волгоград; Архангельск : Перемена, 1996. – 259 с.
461. Яковенко, Е. Б. Сердце, душа и дух в английской и немецкой языковых картинах мира : опыт реконструкции концептов / Е. Б. Яковенко // Логический анализ языка. Образ человека в культуре и языке : сборник статей / ответственные редакторы Н. Д. Арутюнова, И. Б. Левонтина ; Российская академия наук, Институт языкознания. – Москва : Индрик, 1999.
462. Яковлева, Е. С. Фрагменты русской языковой картины мира : модели пространства, времени, и восприятия / Е. С. Яковлева. – Москва : Гнозис, 1994. – 343 с.
463. Gasanova, M. Linguoculturological Analysis of Woman's Image in the Proverbs and Sayings of the Dagestan Languages / M. Gasanova, P. Magomedova, S. Gasanova // International Journal of Environmental and Science Education (IJESE). – 2016. – Vol. 11, is. 18. – P. 11869-11887. – URL: <http://www.ijese.net/makefile/1646> (база Scopus) (датаобращения: 25.09.2019).
464. Holub, Z. Proverbs as a reflection of life and thinking of the people in the Dovidleby region // Phraseology and Paremiology / Z. Holub. – Bratislava, 1988. – S. 170-174.
465. Norrick, N. How Proverbs Mean? Semantic in English Proverbs / N. Norrick. – Berlin ; New York ; Amsterdam ; Mouton, 1985.
466. Wierzbicka, A. Semantics. Culture and cognition. Universal human concepts in culture-specific configurations / A. Wierzbicka. – New York : Oxford, 1992.

Словари, справочники, энциклопедии

467. Бандерманн, Г. Энциклопедия символов : перевод с немецкого / Г. Бандерманн. – Москва : Республика, 1996. – 335 с.

468. Гасанова, С. Н. Словарь фразеологических и паремиологических единиц агульского языка с текстами и комментариями / С. Н. Гасанова. – Махачкала : ДГУ, 2017. – 255 с.
469. Гасанова, У. У. Словарь даргинских пословиц и поговорок / У. У. Гасанова. – Махачкала, 2014. – 224 с.
470. Лингвистический энциклопедический словарь / главный редактор В. Н. Ярцева. – Москва : Сов. энциклопедия, 1990. – 682 с. (ЛЭС)
471. Образ человека в дагестанских пословицах и поговорках: зооморфный и растительный коды культуры: словарь. Вып. 1. / авторы-составители Д. С. Самедов, М. А. Гасанова. – Махачкала, 2018. – 323 с.
472. Махмудова, С. М. Фразеологический словарь рутульского языка / С. М. Махмудова. – Махачкала : Эпоха, 2016. – 215 с.
473. Самедов, Д. С. Образ человека в зеркале дагестанской фразеологии : краткий словарь фразеологических единиц / Д. С. Самедов, М. Д. Самедов. – Махачкала : Радуга-1, 2011. – 152 с.
474. Самедов, Д. С. Словарь арчинских пословиц и поговорок / Д. С. Самедов, Р. А. Магдилова; Минобрнауки России, Дагестанский государственный университет, Центр изучения родных языков. – Махачкала : ДГУ, 2017. – 211 с.

Материал языкового исследования

475. Аварские народные песни / составители С. М. Хайбулаев, М.-К. Гимбатов. – Махачкала, 2001. – 424 с. – На авар. яз.
476. Аварские народные сказки (сто лучших аварских сказок) / составитель Д. М. Атаев. – Махачкала : Дагпресс, 1998.
477. Аварские народные сказки / составители А. Абдурахманов, М. Халидова. – Махачкала, 1990. – На авар. яз.
478. Аварские народные сказки / составитель М. М. Муртазалиев. – Махачкала, 1958. – На авар. яз.

479. Аварские народные сказки / составитель М. Саидов. – Москва : Художественная литература, 1965. – 328 с. – На авар.яз.
480. Аварско-русский словарь соматических фразеологизмов / составители: М. Хайбулаев, М. Хайбулаева. – Махачкала, 2004. – На авар.яз.
481. Алиханов, З. Аварские пословицы и поговорки / З. Алиханов, С. Алиханов. – Махачкала : Эпоха, 2012. – 584 с. – На авар. яз.
482. Алиханов, З. Аварские пословицы и поговорки / З. Алиханов. – Махачкала, 1972. – На авар. яз.
483. Алиханов, З. Сборник пословиц, поговорок и загадок аварского народа / З. Алиханова. – Махачкала, 1963.
484. Большой фразеологический словарь русского языка / ответственный редактор В. Н. Телия. – Москва : АСТ-Пресс, 2006. – 784 с. (БФСРЯ)
485. Героические песни и баллады аварцев : тексты, переводы, комментарии / под общей редакцией Г. Г. Гамзатова. – Махачкала : ДНЦ РАН, 2003. – 380с.
486. Жуков, В. П. Словарь русских пословиц и поговорок / В. П. Жуков. – Москва: Русский язык, 1991. – 536 с.
487. Магомедсалихов, Х. Г. Благопожелания и проклятия аварцев : тексты, переводы, проклятия / Х. Г. Магомедсалихов.– Махачкала : Деловой мир, 2007. – 101 с. – На авар. яз.
488. Магомедханов, М. М. Аварско-русский фразеологический словарь / М. М. Магомедханов. – Махачкала: Дагучпедгиз, 1983. – 104 с.
489. Магомедханов, М. М. Аварско-русский фразеологический словарь: около 3000 фразеологических единиц / М. М. Магомедханов. –Москва: Русский язык, 1993. – 409 с.
490. Магомедханов, М. М. Словарь устойчивых словосочетаний языка Расула Гамзатова / М. М. Магомедханов; Российская академия наук, Институт языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы. – Махачкала: Эпоха, 2012. – 448 с.

491. Магомедханов, М.М. Фразеологический словарь аварского языка / М. М. Магомедханов. – Махачкала, 1980. – На авар. яз.
492. Магомедханов, М.М. Немецко-русско-аварский фразеологический словарь : около 3000 фразеологических единиц / М. М. Магомедханов; Министерство народного образования ДССР. – Махачкала: Дагучпедгиз, 1992. – 443 с.
493. Русско-аварский словарь / под редакцией С. З. Алиханова; Российская академия наук, Институт языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы. – Махачкала: Изд-во ДНЦ РАН, 2003. – 700 с.
494. Русско-аварский словарь: более 10000 слов / составители И. А. Исаков, М.-Р. Хайбулаев; Российская академия наук, Институт истории, языка и литературы им. Г. Цадасы. – Махачкала: Дагучпедгиз, 1992. – 579 с
495. Саидов, М.-С. Д. Аварско-русский словарь: около 18000 слов / М.-С. Д. Саидов; Российская академия наук, Институт языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы. – Москва: Советская энциклопедия, 1967. – 806 с.
496. Саидов, М.-С. Д. Русско-аварский словарь: около 37 000 слов / М.-С. Д. Саидов, Ш. И. Микаилов; Дагестанский филиал Академии наук СССР, Институт истории, языка и литературы. – Махачкала: Изд-во Дагест. филиал АН СССР, 1951. – 1042 с.
497. Словарь ориентализмов в аварском языке: около 1900 слов / составители К. Г. Халиков, И. И. Эфендиев; Дагестанский государственный университет. – Махачкала : Изд-во ДГУ, 2002. – 122 с.
498. Фелицына, В. П. Русские фразеологизмы: лингвострановедческий словарь / В. П. Фелицына, В. М. Мокиенко; под редакцией Е. М. Верещагина и В. Г. Костомарова. – Москва: Русский язык, 1990. – 220 с.
499. Хайбулаев, М.-Р. Х. Фразеология в поэзии Гамзата Цадасы / М.-Р. Х. Хайбулаев. – Махачкала, 2006.
500. Халиков, К. Г. Словарь ориентализмов в аварском языке / К. Г. Халиков, И. И. Эфендиев. – Махачкала : ДГУ, 2002. – 122 с.

Список условных сокращений

Ав. – аварский язык

Арч. – арчинский язык

Букв. – буквальный перевод

Вопр.предл. – вопросительное предложение

Ген. – генитив (форма родительного падежа)

Глаг. – глагол

Даг.яз. – дагестанские языки

Дат – датив (форма дательного падежа)

Деепр. – деепричастие

Диал. – диалект, диалектная форма слова

Жен. – женский род

И.п. – форма именительного падежа

Ист. - историзм

Кл. – лексико-грамматический класс

Комп. – компаратив компаративный

Конф. – конфессиональный

Лекс. ед. – лексическая единица

Морф. - морфологический

Муж. – мужской род

Нареч. – наречие

Нац.-культ. – национально-культурный

Ном. – номинатив

Образн. – образное (слово, выражение)

Перен. – переносное значение слова

Пог. – поговорка

Посл. – пословица

Предл. - предложение

Прил. – прилагательное

Прич. - причастие

Прям. – прямое значение слова

Р.п. – родительный падеж

Рус. – русский язык

Сем. – семантика, семантический

Синт. – синтаксический

Сравн. - сравнение

Субст. – субстантив

Сущ. - существительное

Усилит. – слово с усилительным значением

Уст. – устаревшее слово

Фольк. – фольклорный